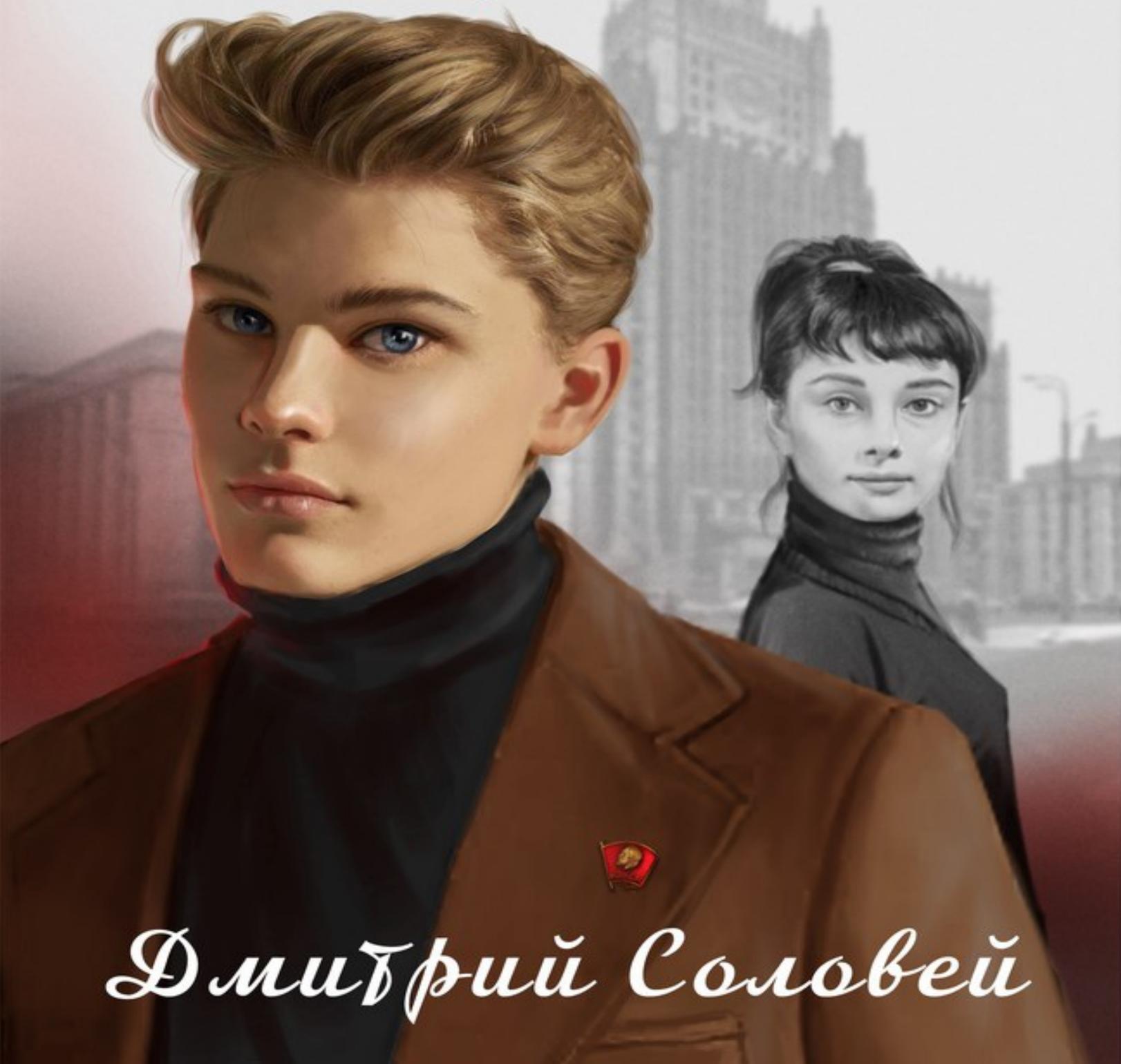

С ЧЕМ ВЫ СМЕШИВАЕТЕ
СВОИ *краски?* 2

Дмитрий Соловей

Уважаемые читатели. Главный герой вырос, детство закончилось. Не нужно искать похожести с первой книгой.

СССР, середина 70-х. Главный герой, прекрасно понимая, с чем ему придётся столкнуться, реализовывает свой план и идёт работать в КГБ. Это время расцвета тотального контроля населения со стороны госбезопасности. Прослушивание телефонов выводится в самостоятельное подразделение, подчиняющееся лично Андропову. Любое инакомыслие пресекается на корню.

Те, кто не желает мириться или хочет лучшей жизни, становятся перебежчиками. У кого нет такой возможности, рискуют попасть в психбольницы, потому что в стране Советов нет другой идеологии, а есть шизофреники, не ощутившие до конца прелестей социалистического строя.

Дмитрий Соловей

С чем вы смешиваете свои краски? 2

Глава 1

Всех приветствую! Разрешите представиться, Александр Дмитриевич Петров. Почему не Увахин? Да вот так мне пришло в голову при получении паспорта взять фамилию деда. Есть же у певцов и писателей псевдонимы. Вот и у меня псевдоним. Отец не возражал, буркнул: «Твоя жизнь, Шурка, тебе решать». Я и поменял фамилию на ту, которая не вызывала никаких ассоциаций.

Как там пел Визбор:

«...Имеет личность он секретную и кров.

Он так усердствовал над бомбой гробовой,

Что стал членкором по фамилии Петров...»

Небольшой курьёз случился в Союзе художников, когда мне меняли документ. Теперь я там числюсь как Петров-Увахин. Был такой художник Петров-Водкин, ну и я к нему в пару. Свидетельство об окончании школы я тоже получил на новую фамилию. Директриса немного запнулась, когда оглашала золотых медалистов, потому что для всех в школе я оставался Увахиным, а по документам был уже Петров.

Дядя Вова похвалил за такую инициативу. Сам он не сообразил, как можно легко и просто сделать новую биографию. Безусловно, многие люди помнят мальчика Сашу Увахина. Но согласитесь, по прошествии десяти и более лет не так-то просто узнать меня в лицо. На самом деле скрываться я не собирался, просто немного приглушил свою популярность.

В МГУ поступил как отличник-медалист, спортсмен-самбист. Не поверите, но за все пять лет я умудрился не показать своих умений рисовать, хотя на ежегодные выставки и ко всяким юбилеям представлял что-то публике. По-другому нельзя, я же член Союза, должен имидж поддерживать, чтобы не лишиться мастерской. Нелегко мне это далось. В том плане, что там не только учёба, но и поездки «на картошку», и прочая общественная нагрузка.

Выдал одну серию фантастических картин в технике гуаши. Светка позировала в облегающем трико. Она у меня была запечатлена в симпатичном скафандре с бластером в руке. Ещё несколько друзей, включая Мишку, на картинах «сражались» на далёких планетах с членистоногими тварями.

Критики по этому поводу прошлись знатно. Где социалистический реализм? Где «комсомолка и спортсменка»? Я на эти выпады особо не реагировал. А чего мне переживать, я же Петров. И вообще, для критиков есть Илья Глазунов со своими берёзками и портретами. Становиться, подобно ему, «придворным живописцем» я не собирался. К тому же мне хорошо заплатили за работу (картины пошли на оформление одного кафе), а на всех никогда не угодишь.

В этом случае я всегда вспоминаю притчу о старике, мальчике и осле. Там, где они куда-то идут и осёл везёт мальчика. Народ осудил, чего это молодой едет, а не старик. Поменялись местами, опять не так. В результате, после нескольких перестановок старик взгромоздил осла себе на шею, не удержал и уронил с моста в реку, где бедное животное и утонуло. Мораль: будешь слушать всех критиков и советчиков — приготовься, твой осёл обязательно утонет и ты останешься ни с чем.

Пять лет учёбы в МГУ пролетели быстро. Много за это время случилось как хорошего так и не очень. В январе шестьдесят восьмого умер первый секретарь Союза художников

РСФСР Владимир Серов. Некоторые перемены в среде членов Союза были заметны, но опять же меня это не касалось. Я поддерживал имидж среднестатистического студента: немножко ботаника, отличника и комсомольца.

Знаете, что оказалось самым сложным во время учёбы? Отбиваться от назойливого внимания девиц. На общем фоне студенческой братии я заметно выделялся. Не буду хвалить свою внешность. Что досталось от природы, то досталось. Вернее, от маман. Она одно время неплохо копировала Бриджит Бардо, особенно с причёской «бабетта». У меня же, кроме симпатичной мордахи, была отличная спортивная фигура. Да и одевался я в основном из «Берёзки».

Отец отдал мне все сертификаты, которые у него накопились. Причиной этому стала маман. Она запустила свои ручки в мою сберкнижку и умудрилась потратить на шубки и прочие шмотки почти пять тысяч. Отец, когда узнал, просто взбесился, возмущаясь такому поступку. Сберкнижку убрал подальше, матери выволочку устроил и отдал мне все сертификаты на товары Внешпосылторга в количестве трёх тысяч (точнее, на тот момент просто спрятал).

Это были именно сертификаты, чеки появятся позже. Сертификат с синей полосой означал, что покупатель имеет право на валюту социалистических стран. Ассортимент товара по такому сертификату был ограничен. Второй тип, с жёлтой полосой, указывал на то, что гражданин работал в развивающихся странах (Африка, Индия). Товаров по такому сертификату продавалось больше. С белой полосой означали западную валюту. У отца же были сертификаты серии «Д», которые получали дипломаты.

Впервые отовариваться в «Берёзку» я пошёл в конце первого курса. Предполагаю, что приобрёл джинсы чуть ли не из первой партии поставок в Москву. К слову, американская продукция в «Берёзке» не продавалась, всё было из Европы. Позже у меня появились джинсовая куртка и дублёнка, и как следствие — много девушек, заинтересованных в развитии отношений. Не только для приехавших, но и для столичных барышень я выглядел лакомым кусочком. Весь такой «упакованный», у родителей квартира в центре и автомобиль.

Приходилось быть очень осторожным в общении, иначе глазом моргнуть не успеешь, как поведут в ЗАГС по причине беременности. Вообще-то в это время и за поцелуи в общественном месте могли на комсомольском собрании осудить. На мой взгляд, парни женились довольно рано по той причине, что «мочи нет терпеть». Природа.

Мне в этом плане повезло со Светкой. Не то что вы подумали. Светка — муза и друг. От неё не укрылось наличие у меня мастерской. Не часто, но раз месяц она устраивала танцульки (у меня был немецкий магнитофон) и притаскивала разных творческих личностей, как правило, из артистической среды. Никаких оргий мы не устраивали. Общество приходило исключительно интеллигентное. В него также вошли Анна и Лиза Жаровы и Мишка, конечно. Кстати, этот лось вымахал после школы так, что я на его фоне терялся.

— Хорошему еврейскому мальчику положено быть сутулым, носить скрипочку и очки, — подкалывал я Мишку.

— Угу, давай спарринг. Я из тебя скрипочку сложу, — усмехался этот кабан.

— Ты же математик. Где твоя рассеянность и погружённость в мир цифр?

— Там же, где твоя живопись, комсомолец Петров.

Друг у меня что надо. Светка так и не просекла, что я уже Петров-Увахин. Для неё и

приятелей на встречах в мастерской я был всё тем же Сашкой Увахиным. Почему изучаю экономику, никого не заинтересовало. Мало ли, может, папа велел? Мишка был в курсе многих вещей, что происходило с моей жизни. Его я единственного предупредил, что мастерская и телефон в ней, возможно, на прослушке: лишнего не болтать и следить за темами разговоров, вовремя пресекая провокационные. Один раз Светка привела в мастерскую парочку хиппи, и я её серьёзно предупредил, что не стоит больше их приглашать. И больше подобных личностей в мастерской не было.

Компания, которую собирала Светка, часто менялась. Разве что Лена Кондратьева задержалась чуть дольше. Девушка оказалась более чем свободных нравов. Я её без труда отбил у Андрея (Светкиного однокурсника), в результате чего мне обломился секс без обязательств, а Лене изредка доставались портретные наброски и небольшие подарочки, чтобы удерживать девушку подле себя. Обычно жвачка или подобная импортная мелочовка из «Берёзки».

Сертификаты я старался не тратить. Отец уже на пенсии, кормушка прикрылась. Пару раз сводил Мишку в одну из московских «Берёзок», где на двери висело объявление, что население не обслуживается. Вахтёр в дверях притормозил Мишку, но я показал сертификат на пятьдесят рублей, и мы прошли, чтобы купить другу джинсы.

Тётя Роза отдала мне потом деньги обычными рублями. На всякий случай я предупредил, что спекулировать и перепродавать ничего не собираюсь. Небольшая помощь другу, и не более того, чтобы он не чувствовал себя в моём обществе ущербным. До моего образа «золотого мальчика» Мишке было далеко, но и колхозником он не выглядел.

В целом Михаил смотрелся солидным, серьёзным парнем. Так оно и было. Спиртного ни я, ни он практически не употребляли — спортсмены. Да и после одного случая зареклись. Дело было на первом курсе. Прибился я к Мишкиной группе, наверное, впервые в жизни мы с ним столько выпили. Сил дотащить друг друга до метро нам хватило. Я вроде даже помнил, что мы зашли в вагон.

— Осторожно! Двери закрываются, следующая станция «Спортивная»! — сообщил голос в вагоне.

Нормально, едем. А глаза-то не открываются. Чувствую плечо друга и стараюсь не уплыть в дрему, это получается с трудом, потому что снова слышу:

— Осторожно! Двери закрываются, следующая станция «Спортивная»!

Где-то после пятого одного и того же объявления Миша предложил:

— Может, уже поедем?

Оказалось, что всё это время мы на скамейке на платформе сидели, пропуская поезда. С тех пор со студентами я больше не пил и вообще мало употреблял спиртные напитки, предпочитая водить девушек в кафе. В Москве этих заведений благодаря Никите Сергеевичу открылось много. Большинство вполне себе бюджетные. Мне-то средства позволяли хоть каждый день в «Праге» или «Арбате» обедать, а Мишка комплексовал, не разрешая платить за себя.

«Лиру» мы не посещали. Мне не нравилось скопление народа на подступах: какие-то хиппи и прочие пацифисты. Мы предпочитали кафе «Московское» или «Космос». Ходили обычно вчетвером — Света, Лена, Мишка и я. За девчонок платил обычно я. Бывало, что и Михаил гордо выискивал свои резервы, чем вызывал у меня улыбку. На четверых посиделки в «Космосе» обходились в десять рублей, но это при условии, что мы брали спиртной коктейль.

Где добывал деньги на такие походы в кино и кафе Михаил, это отдельная история. Кроме того, что сэкономил свою стипендию, он умудрялся преподавать самбо два раза в неделю в одной из школ, а ещё на Мосфильме подрабатывал не то каскадёром, не то кем-то, кто драки демонстрирует. Один раз целых семьдесят пять рублей заработал на съёмках и потратил их на поездку на море. Мы нашей четвёркой рванули в июле дикарями в Геленджик. Я машину взял, и поехали!

Отец перед уходом на пенсию поменял «Победу» на «Волгу». Маман настояла на чёрном цвете, он казался ей более солидным. Права я получил в восемнадцать лет и мог в любое время взять машину, покатать девчонок. Ну и порисоваться. Куда без этого? Опять же балагуром, весельчаком и свободным художником был Сашка Увахин. Александр Петров, комсорг курса, ходил со значком «дружинник» по вечерней Москве, пресекая хулиганства и недостойное поведение советских граждан.

Бабушка и дед особых изменений во мне не замечали и всегда были готовы послушать о моих успехах в университете. Закончил я его с отличием, имел преимущество при распределении на работу, но меня перехватили товарищи генерал-майор и подполковник. Расшифровываю для тех, кто не понял, — дядя Вова и Илья. Наконец-то Владимир Петрович дождался, когда я попаду ему в загребущие ручки. Самое интересное, что ни он, ни Илья особо меня не спрашивали. Как-то это посчитали само собой разумеющимся, что я пойду учиться в высшую школу КГБ, но серьёзную беседу Владимир Петрович со мной провёл.

— Сашка, о твоих «озарениях» знают всего два человека — я и Семичастный, — пояснил он. — Ни в каких документах это не отражено и не фигурирует. На тебя завели анкету, только когда ты в институт сунулся. Шелепин был в курсе талантливого мальчика-художника, который ко всему прочему склонен к иностранным языкам. Некоторое время он за тобой приглядывал. Потом ему стало не до этого.

— Но досье на меня существуют? — уточнил я.

— А как же! — подтвердил дядя Вова, чуть помолчал и добавил: — К новому руководству оно попало в очень урезанном виде. До восьми лет я вообще не считал нужным заводить на тебя какие-либо дела.

В это вполне поверил. Владимиру Петровичу я был нужен для личных целей. С приходом Андропова многое поменялось, как и планы на мою персону.

Своё «озарение» об отставке Семичастного Владимиру Петровичу я передал ещё в школе. Нарисовал нечто абстрактное: силуэт Индии и подписал фамилии — Аллилуева и Семичастный. И чуть ниже текст, что его снимут с должности. Это один из немногих фактов, дату которого я хорошо помнил. Причиной тому была не личность Семичастного, а книга Светланы Аллилуевой, которая меня в своё время заинтересовала.

Когда дочь Сталина сбежала на запад, она написала книгу своих воспоминаний «Двадцать писем к другу». Спецслужбы знали об этом. Да никто и не скрывал скорого выхода книги. Некоторые анонсы зачитывали по радио, в СССР можно было поймать их на приёмники и послушать выдержки из текста.

В двадцать первом веке многие писатели столкнулись с тем, что пираты копируют книги и загружают на свои сайты. В 1967 году впервые в роли такого «пирата» выступило целое государство. Руководству страны в рукописи Аллилуевой не нравились некоторые моменты описания личности Сталина и их решено было подправить.

У детей Светланы изъяли черновики, сомнительные места подтёрли, вставили немного другой текст и, найдя издательство за рубежом, которое согласилось на такую авантюру,

издали книгу! Весь ажиотаж от выпуска воспоминаний дочери Сталина был сбит. Потом вышла и настоящая книга, но это было уже не то. Пошли разговоры, люди спорили, какая из них настоящая, где ложь, а где правда.

Я вполне искренне считал, что именно эти события стали причиной отставки Семичастного, и дал информацию об этом дяде Вове, но в судьбе главного комитетчика ничего не изменилось. Моя информация не сработала. Семичастный не подписал разрешения Аллилуевой на поездку в Индию и это ни на что не повлияло. Его, как и в прежней реальности, отстранили от должности и отправили заместителем председателя Совета министров УССР. Аллилуева, к слову, всё равно сбежала на Запад, но другим путём.

В общем, я по-прежнему буду передавать «озарения» дядя Вове и никому другому. Он на этот счёт меня немного поугубил, расписал прелести закрытых психбольниц и рекомендовал, очень рекомендовал никому не рассказывать. После описания того, как «лечат» в тех больницах, меня три дня потряхивало от страха. Самый, так сказать, гуманный вариант — это когда колют аминазин. Он якобы устраняет бред, галлюцинации, снижает возбуждение, беспокойство, понижает двигательную активность. Побочных действий у этого препарата целый список, начиная с проблем со зрением и сердцем и заканчивая импотенцией.

Другое «лекарство» — сульфозин — применяют для шокового метода лечения. Из-за того что препарат давал сильнейшую боль и температуру за сорок в течение трёх дней. Его в основном использовали не в терапевтических, а карательных целях.

Но самым действенным методом в психушках считалось связывание пациента смирительной рубашкой или простынёй. Для лучшего понимания процедуры ткань смачивалась водой. При высыхании это самодельное орудие пыток причиняло страшную боль по всему телу. Добавьте к этому полное бесправие пациентов в больнице и подобранный персонал с садистскими наклонностями.

То, что в КГБ работают не «белые пушистые зайчики», я и сам знал. Владимир Петрович же ещё раз убедился в том, я полностью ему доверяю и готов сотрудничать при любом руководстве. Сам он, похоже, несильно жаловал Андропова, но и меня упустить не хотел. Для проформы спросил, желаю ли я в 101-ю школу, и получил отрицательный ответ. Внешняя разведка меня никогда не интересовала. Пусть мой английский безупречен и испанский неплох, но я предпочёл «контрразведку и внутреннюю безопасность» и пообещал прибыть на учёбу после небольшого отпуска.

Погулять напоследок я решил на море. Лето 1972 года в Москве выдалось «дымным». Горели торфяники, с этим пытались бороться, но безуспешно. Все мои пенсионеры перебрались на дачу, а мы с Мишкой отправились на море вдвоём, без дам, рассудив, что не стоит ездить в Тулу со своим самоваром, в смысле с девушками. Это мы ещё по предыдущему разу поняли.

Перед поездкой для Владимира Петровича я одну картинку подготовил. Пожары торфяников напомнили мне, что 1974–1975 годы будут засушливыми во многих регионах, и как результат — низкий урожай зерновых. Мне даже припомнилась какая-то схема покупки пшеницы у американцев. Вообще-то там и без меня должны справиться. Советские агенты как-то хитро купят зерно по низким ценам, но показать дяде Вове свою осведомлённость в этом вопросе не помешает.

Отдохнули мы с Мишкой отлично. Вернулись в Москву в начале августа морально и физически удовлетворённые. Я пейзажей много привёз, друг — фотографии. Светке из них

показали далеко не все. Она немного пробурчала на тему того, что если бы мы с ней заранее согласовали, то она бы изменила летние планы. Заверили, что на будущее так и поступим. На самом деле как у нас сложится с отпусками на будущий год, ещё неизвестно. У Михаила аспирантура, у меня высшая школа КГБ.

Спектр обучения в школе был широким. Там же я перешёл с самбо на дзюдо. По стрельбе из пистолета показывал неплохие результаты. Иностранский у меня шёл автоматом, прочая теория марксизма-ленинизма проблем не вызвала по причине того, что я это все сдавал в университете.

Самый большой напряг случился, когда нам сообщили, что мы обязаны иметь тридцать человек в качестве осведомителей. Тридцать! И где их взять?! Родить, что ли? Серьёзно, при всей моей общительности и наличии приятелей из числа тех, кого приводила на вечеринки Светка, набрать столько осведомителей в ближайшие несколько лет я физически не мог. Это же не ОБС (одна баба сказала), это должны быть люди, которые осознанно сотрудничают и передают некую информацию. С каждым из них должен быть подписан ряд документов.

По общепринятому мнению, комитетчики буквально жаждали занять агентов среди простого народа. На самом деле это было не так. Зато срабатывала своеобразная пирамида: завербовав одного осведомителя (поймав его на чём-то горяченьком) легче и проще через этого человека выпросить, кого бы он рекомендовал в качестве «стукачей», и так далее. При условии, что каждому новому ученику школы полагалось обзавестись тридцатью осведомителями, то получалась своеобразная лавина. Не думаю, что жители деревень и сёл завербовались в массовом порядке (кому они нужны!). Зато в той же Москве, где до фига было неформалов, фарцовщиков и околоскриминальных элементов, единицы. Опять же повторю — не все эти люди подходили для конкретных задач.

Строчить доносы и писать всевозможные докладные на имя вышестоящего начальства наш народ любил. И не только наш. Был у нас на первом курсе один курьёзный случай.

В это время СССР активно обучал студентов из разных «банановых республик». Селили их в обычное студенческое общежитие, не делая разграничений по цвету кожи (в стране Советов не только секс, но и расизм отсутствовал). На самом деле условия в общежитии были отличные, в комнате по два человека, а нашему студенту по какой-то причине сосед-африканец не понравился и он решил немного пошутить.

В первую же ночь без пяти двенадцать ночи он растолкал спящего, пояснив, что ровно в полночь по радио исполняется гимн Советского Союза и слушать его нужно по стойке смирно. Прикалывался он так несколько дней подряд, пока в один из вечеров не завалился в комнату вдупель пьяным и проспал ритуал с гимном. Наутро после попойки он еле доплёлся до факультета. Я лично, как комсорг курса, с деканом и старшим преподавателем встречали бедолагу, поскольку в деканате лежала докладная от африканца, что студент такой-то проявил гражданскую несознательность и не прослушал государственный гимн в положенное время предыдущим вечером.

Как мне хотелось ржать, когда я понял подоплёку дела, не буду рассказывать. Понимал, что шутник немного перегнул палку, но реагировать на такой проступок пришлось на полном серьёзе. С трудом отстоял парня, не выгнали его, обошлось всё выговором.

Все эти докладные писались, так сказать, по порыву души. Мне же требовались осведомители, сознательно занимающиеся стукачеством. Перебрав в уме знакомых, я понял, что никто из них не подходит. Не было в нашей компании подходящих людей. Я бы сказал, что даже слишком порядочные попадались. Светка каким-то образом познакомилась с

Натальей Белохвостиковой и один раз пригласила на вечеринку. Наталья не танцевала, парней не кадрила, а сидела за столом и листала альбомы по истории искусств. Романова её больше к нам не звала.

Прикинув и так и эдак, пошёл я Мишку подбивать. Пусть он не тот осведомитель, который требуется по будущему профилю моей службы, но нужно же с чего-то начинать. Я вообще сильно удивился, когда Михаил поступил в мехмат. Оказывается, в это время действовали негласные ограничения при приёме на этот факультет. Можно сказать, что это были годы антисемитизма в математике.

Хорошо, я раньше посоветовал Мишке получить паспорт с указанием в графе национальности «русский». Это ему удалось по той причине, что в свидетельстве о рождении его мать каким-то образом оказалась русской. Глядя на тётю Розу, я бы так не сказал, но Мишке конкретно повезло с документом. От него потребовалось лишь заявление, и более ничего. Выражение «бьют по морде, а не по паспорту» с моим другом не срабатывало. В большей степени он напоминал грека или даже араба, но не еврея, хотя фамилию свою он не менял.

Разговор по поводу того, чтобы стать осведомителем, получился долгим. Не сразу Мишка понял, чего я от него хочу и зачем. Пришлось оперировать фактами. Михаил собирался идти в аспирантуру. Как дальше пойдёт его научная карьера — неизвестно. Завистливых людей среди учёной братии хватает. Случись какая ситуация, он сможет сказать, что о своих действиях докладывал непосредственно сотруднику КГБ.

Сейчас диссидентов и всяких «политических» сажают по двум статьям. Раньше была только 70-я за «антисоветскую агитацию и пропаганду», которая предполагала лишение свободы до семи лет и после ссылку. При Брежневе ввели ещё одну статью — 190-ю с разными подпунктами «за распространение в устной и письменной форме заведомо клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Наказание: исправительные работы до года, лишение свободы до трёх лет или могли просто оштрафовать на сто рублей.

По идее, ничего особенного в этой 190-й. Типа пожурили, отпустили, штраф выписали. Однако человек попадал в списки неблагонадёжных со всеми вытекающими последствиями. А осудить по такой размытой формулировке можно было каждого второго жителя страны. В серьёзных случаях обвиняемых по этим статьям посылали на экспертизу в Институт психиатрии, откуда после заключения врачей человек попадал на принудительные медицинские процедуры. Потому что в стране Советов нет врагов, а есть шизофреники, не ощутившие до конца прелестей социалистического строя.

В общем, с Михаила подписку по всем пунктам я взял, обязав писать докладные хотя бы раз в месяц. Он писал. Добросовестно так. Возможно в будущем издам их отдельной книгой.

Вот как пример: «Студент Иванов имел близкие знакомства со студенткой из Кубы. Вероятно в порыве страсти и переполнявших его чувств он скакал по её комнате голым, прикрыв причинное место флажком отличника соцсоревнования. Сам я не видел, о чём очень сожалею. Свидетелями этому происшествию стали студенты Белов и Гаврилов, курившие на площадке пожарной лестницы и наблюдавшие за разворачивающимся действием через окно». И так далее на подобные темы.

Толку от этих донесений никакого не было, но видимость работы с осведомителем создавалась. Всего у меня имелось три таких осведомителя. Я из бывших однокурсников двоих «подписал». Тоже не особо надеясь получить что-то полезное от их писанины, но куда

деваться, приходилось работать с тем материалом, что был под рукой, надеясь в будущем занять более полезных людей.

Кроме Мишки, никто из моего окружения так и не понял, куда я пошёл дальше служить. Предполагаю, что отец подозревал и, как всегда, оставлял выбор за мной, не навязывая своего мнения. Маман занималась своими делами. У неё трагедия последние хм... лет десять — она начала стареть. Мне категорически запрещалось называть её «мама» в обществе незнакомых людей. Это чтобы никто и не заподозрил, что у этой эффектной женщины взрослый сын.

Они с отцом уже давно жили словно соседи. На даче маман появлялась редко, а отец, выйдя на пенсию, предпочитал проводить там всё лето, радуясь тому, что у нас в Валентиновке такие интересные друзья. Один Никулин чего стоил! Как начнёт рассказывать о съёмках того или иного фильма, то хоть прямо помирай со смеху. Когда он описывал сцену из «Бриллиантовой руки», где жена будит Семёна Горбункова будильником, я под стол сполз, смеясь.

— Картина должна была со стены упасть и на шею у меня повиснуть, — рассказывал Юрий Владимирович. — Раз дубль, упала, но мимо, второй, третий дубль, верёвочка за уши зацепилась. Всем смешно, а режиссёру всё не так. Наверное, с десятков дублей сделали и отменили эту сцену.

Также я узнал, что не мороженым запускали в Миронова в сцене в кафе, а творогом.

— Он лучше ляпается, — просветил Юрий Владимирович.

Другая новость о том, что в «Кавказкой пленнице» Никулин долго не соглашался сниматься. Не нравился ему сценарий. И только согласие Гайдая на полную импровизацию в фильме стало решающим фактором его участия в съёмке.

Портретов Юрия Владимировича я написал пять штук. Не такое простое это дело оказалось. Чтобы и похож был, и в то же время не клоун, а артист, мне пришлось потрудиться. С Жаровым в этом плане было проще. Он у меня с первого раза получился именно таким, каким я его знал. Отец Михаила Ивановича очень уважал, как сядут, как заведут свои «скучные» разговоры и на всех им плевать.

Безусловно, интересных историй от Жарова нам тоже перепало. Рассказал он как-то про свою поездку в Голливуд в составе советской творческой группы. Перелёт в Нью-Йорк Михаил Иванович с его сердцем перенёс плохо. Но как только отлежался, решил сходить посмотреть ту самую Америку. Английского языка Михаил Иванович не знал, но карту взял, а когда заблудился, стал искать помощь.

Советские люди, воспитанные в духе пролетарского интернационализма, в большей мере доверяли тем самым «обездоленным и угнетённым». Жаров, отыскав подходящий объект, с картой в руках обратился со словами: «Товарищ негр...» За что тут же схлопотал по физиономии. Русский язык чернокожий не понимал и отреагировал на слово «негр», а не на «товарища». Повезло, что поблизости оказался полицейский и вступился за Жарова.

— И ведь я всё равно не поверил, думал, что просто негр такой попался, — повествовал дальше Михаил Иванович. — Там как раз забастовка была, и я потащил Юлиана Семёнова в палаточный лагерь протестующих. Он чуток посопровивлялся, но пошёл. Смотрим, а туда на машинах подъезжают те, против которых протестуют, еду раздают, деньги суют. Как же, обездоленные! Те деньги хватают и снова за своё — скандировать и транспарантами размахивать.

Тогдашний посол в Америке поступком Жарова был сильно удивлён и для лучшего понимания ситуации свозил Михаила Ивановича в район, полностью разграбленный чернокожими. Вот это уже убедило Михаила Ивановича, что те «товарищи», не желающие работать и мечтающие получать пособия, нам совсем не «товарищи».

Дачу и дачные беседы мы все любили. В целом у нас в Валентиновке собиралась хорошая, душевная компания. Маман на дачу не приезжала, предпочитая комфорт квартиры, заверяя, что ей и без того дел хватает. Домработницы у нас уже не было, отец считал, что жене не требуется прислуга, а я уже самостоятельный.

На последних двух курсах университета я практически переселился в свою мастерскую и дома бывал редко. Светка мне мозги долбила, что нужна мебель и хотя бы один диван. Пришлось приобретать необходимый минимум, но большую площадь я постарался оставить свободной, развесив большую часть картин по стенам. Все мебельные обновки достались кухне и прихожей. Некая аскетичность моего жилья гостям нравилась, а я обрёл полную свободу своих действий, не отчитываясь ни перед кем из родственников.

Готовить теперь тоже приходилось самому. А я же парень избалованный домработницей и бабушкой. Но ничего, припомнил старые навыки. Правда, магазинные куры этого времени вызывали лёгкую оторопь. О том, что они плохо ошипаны, я не стану упоминать, это полбеда. Хуже другое, в большинстве случаев магазинная курица продавалась с головой и ногами. Приходилось это дело отрезать. Возможно, кто-то и употреблял этот второсортный продукт, но я, непривычный к такому, это просто выбрасывал. Давным-давно видел, как в китайцы в одном из мясных магазинов покупали куриные лапки (те, что с когтями). До сих пор мучаюсь вопросом, что из них можно приготовить и что там есть? Следующий прикол состоял в том, что кур в это время продают непотрошёных (за исключением импортных венгерских, упакованных в целлофан). Извлекать внутренности приходится самому. Порой случаются сюрпризы, когда выясняется, что курица была несущкой и внутри имеется гроздь несформировавшихся яиц. Вообще с этими куриными потрошками засада ещё та. Допустим, я знаю и умею готовить блюда из куриных желудков. Но это когда их много. А что делать с одним? Складывать в морозилку, пока не наберётся нужное количество?

По этой причине я частенько ездил на рынок. Кому-то это дороговато, а мне привычно, да и проще. Здесь и картофель не гнилой, и молочное без очереди. Ох уж эти очереди! Как говорится, «всё во имя человека, всё на благо человека», как провозглашают партийные лидеры. Им из своих кабинетов плохо видно то самое благо.

Бабушка мою самостоятельность похвалила. Пару раз приезжала проверить, приготовить, но я заверил, что не нужно, сам справлюсь. Предполагаю, что бабушку гораздо больше волновало, как я себя веду и что делаю. У отца в этом плане сомнений не было. Здесь сказывалась моя репутация в семье и то, что я никогда не доставлял проблем родителям. Маман до сих пор не в курсе того, что детей надо как-то воспитывать, уделять им внимание, проверять школьную домашнюю работу или просто беседовать.

Отец после моего восемнадцатилетия посчитал меня ровней себе в плане интеллекта, и мы обсуждали с ним любые темы. В отличие от маман, он пытался привить мне некие высокие нормы морали и поведения настоящего «созидателя коммунизма». Ну, где-то так.

Вообще-то я являлся примерным комсомольцем и в «порочащих связях» был не замечен. Наверное сказывалось то, что я повидал в прошлой жизни много чего и меня теми же хиппи не удивить. Будут потом брейкеры, металлисты, рокабиллы, рокеры, панки и прочие

неформалы.

Когда в СССР появились хиппи, не могу сказать. В конце 60-х в Москве их точно не было. Ходили слухи, что первые хиппи пришли из Прибалтики, в частности, из Риги. Этой молодёжи нравилась музыка и необычный стиль одежды.

На мой взгляд, идеалы, выдвигаемые хиппи, были близки тому самому коммунизму. Они провозглашали идеи всеобщего равенства, коллективизации, борьбу за мир. Поначалу на этих людей смотрели с недоумением. Длинные грязные волосы, поношенная, давно не стиранная одежда вызывали брезгливость. Хиппи в Москве кучковались примерно в тех же местах, где до них тусовались стилияги. «Своих» они узнавали издали по характерным аксессуарам и одежде. Эти хиппи были подражателями западным, толком не понимая, за что они выступают. Мне как комсоргу пришлось провести с ребятами беседу на эту тему.

— Представим на минуточку, что все граждане нашей страны стали хиппи, — начал я, вызвав смех у публики. — Итак, никто не пошёл служить в армию, никто не работает на заводах. Все слушают музыку, рисуют и наслаждаются э-э-э... любовью. Рождаются дети, которых никто не учит и не лечит.

— По-твоему, музыканты и художники не нужны? — встрял один из однокурсников.

— По-моему, нужно подходить к любому из хиппующих и задавать вопрос, на что он живёт, где работает или учится. Знаете ли, легко объявлять о свободе, сидя на шее у родителей. Вот вам анекдот:

«Хиппи сидит у фонтана. Он „волосат, худ, грязен и небрит“. К нему подсаживается ветеран.

— Сынок, ты что ж грязный такой?

— Помыться негде.

— А что рваный?

— Так надеть нечего.

— А что худой?

— Жрать не на что.

— А ты пошел бы да поработал.

— Щас, все брошу и побегу всякой фигней заниматься!»

На нашем курсе хиппи отсутствовали, если кто и носил броскую одежду, то за пределами университета. С излишне волосатыми парнями было кому и без меня бороться. Вообще за такое могли из комсомола и даже из университета вытурить. Ещё одно доказательство тому, что хиппи в большинстве своём не учились и не работали.

На самом деле хиппи не сильно выпячивали себя. Они были неконфликтными и жили спокойно. Поэтому я был сильно удивлён, когда первого июня 1971 года произошла демонстрация хиппи перед американским посольством. Что они хотели показать и доказать? Американцы и без того были в курсе появления этих подражателей в СССР, только КГБ работы прибавили.

В средствах массовой информации и в журналах (к примеру, в «Крокодиле») хиппи стали изображать как выпивох, наркоманов и бездельников. То есть тех, кто противопоставлял себя образу советского человека. Появились новые жаргонные слова — фенечки (браслеты на руку), ксивник (маленькая сумочка), хаератник (ленточка на лоб, чтобы «не срывало крышу») и тому подобное.

Сленг у молодёжи этого времени существенно изменился. Как правило, это были производные от английских слов, что заставляло меня невольно морщиться от их

произношения и использования в быту. Подобное я встречал разве что у русскоговорящих в Англии, когда народ, общаясь между собой на русском, вставляет в речь английские слова. Типа они этот язык знают. А зачем тогда на русском говорить?

В 70-х годах со знанием английских слов среди молодёжи было плохо. Они тупо повторяли то, что слышали от таких же убогих. Я серьёзно не догонял, как можно слово «hair» (волосы), произносить как «хаер». Понятно, что по количеству букв совпадает, но не по произношению.

Меня передёргивало, когда слышал в транспорте примерно такую речь:

— Мне недавно полис хаер попилил наголо, я так долго за цивилизного проканывал. Предки мой фейс еще как одобряли, еще бы прикид совковый завел, они бы вообще глюки от кайфа словили. Такие приколы меня стремали, я без хайратника себя факменом чувствовал. Тогда герла моя сперва стебалась надо мной, потом вообще скипнула. Несколько недель я убитый ходил, только и делал, что сидел как обдолбанный, на постой дринчил до крейзы, ничего не цепляло.

Бывало, не сдерживался и вступал в полемику. Как правило, результат получался не тот, на который рассчитывал.

— Слышь, чувак, помоги перевести, — тут же подсовывалось мне нечто на английском языке.

И обычно я получал восторженные отклики по поводу своих умений изъясняться (О чудо!) и понимать, что там поют на английском.

Ещё эти хиппи любили ходить босиком. Милиция как-то с этим боролась. К примеру, не пускала в таком виде в метро. Хиппи в таких случаях доставали из сумки вьетнамки, надевали их, чтобы войти внутрь и там сразу их снять. Не понимаю, как можно настолько не любить своё тело, шляться по заплёванным улицам и делать вид, что это философия. К зиме, правда, самые хипповые из хипповых обувались. Очередной анекдот на эту тему явно более поздних годов:

«Папа с малолетним сыном идут по улице. Зима, вьюга. Окрестности Лиговского проспекта.

— Папа, папа, а почему в России хипей нет?

— Холодно, сынок, холодно».

Появился прикол у хиппи женского пола не носить лифчик, а у наших преподавателей в универе новая головная боль — проверять, кто из девиц без этой детали одежды пришёл. Жаль, что не на ощупь это проверялось. Как всё изменится через какие-то тридцать-сорок лет. Никому не будет дела до того, есть у дамы лифчик или нет. Конечно, всегда найдутся заинтересованные в этом вопросе мужчины, но точно без идеологической подоплёки. И уж никто не станет устраивать комсомольское собрание, чтобы осудить девушек за отсутствие бюстгалтеров.

Ладно, лифчики, у девушек резко стали укорачиваться юбки! Это какой-то праздник для глаз! В школах, конечно, за этим следили. В короткой юбке на уроки не пускали. Но когда такая ерунда останавливала наших девиц? Они придумали крепить к короткому подолу волан. Не раз и не два я наблюдал учениц возле моей бывшей школы. Вышли за ворота и — фьють! — закреплённая на кнопках часть юбки удалялась, дальше девушки шли, сверкая коленками, и привлекали своим видом мужское население всех возрастов.

Мои знакомые девушки за модой следили в обязательном порядке. Светка довольно быстро обрезала все подолы своих нарядов и на причитания своей мамы не реагировала. Аня

и Лиза Жаровы в этом плане были более консервативны. Их юбки укоротились ненамного. Скорее всего, авторитет отца сказывался.

Летом 1973 года мы с Жаровыми провели на даче вместе не более недели. У Михаила Ивановича закончились съёмки моего любимого «Аниськина», но какая-то работа на киностудии продолжалась.

— Забывать стал текст, — жаловался Михаил Иванович. — Прямо неудобно перед людьми. Столько дублей лишних пришлось сделать.

Я тоже засиживаться на даче не собирался. Были некоторые дела в Москве, которые нужно закончить.

Когда началась учёба в высшей школе КГБ, Светкины танцульки пришлось прекратить. Подруга немного обиделась, к тому же пояснять я ничего ей не стал. У дяди Вовы проконсультировался насчёт прослушки квартиры и телефона. Они вдвоём с Ильёй всё облазили и заверили, что если и было то, что ставили давно ГРУшники, это всё снято.

Гарантии, что меня снова не возьмут на контроль, никто не давал. К тому же в комитете произошли серьёзные изменения в этом плане. Андропов вывел отдел прослушивания в самостоятельное подразделение — 12-й отдел КГБ, который подчинялся ему лично. Прослушивание телефонных разговоров в стране обрело невиданные масштабы. Особенно это касалось верхушки власти.

Вообще-то существовал запрет на подобную деятельность по отношению к сотрудникам партийного аппарата. Зато никто не запрещал прослушивать тех, кому звонили аппаратчики. Специально подбирались и обучались телефонистки с музыкальным слухом, которые могли определять по голосу, кто именно звонил. В целом образовалась серьёзная контролирующая машина за «верхами» и «низами».

Пропаганда самого лучшего социалистического строя работала везде и во всем, и бдительные комитетчики приглядывали за тем, чтобы оно так и было. В начале семидесятых кризис советской командно-административной системы ещё только намечался. Страна выглядела мощной державой, а КГБ грозной силой.

Мне «со стороны» было видно, что несильно это помогало: усиливалось желание части граждан уехать за рубеж, в магазинах наблюдался дефицит товаров народного потребления, экспорт нефти и газа увеличивался, как и импорт зерна. Но пропаганду стремления к идеалам социализма никто не осмеливался оспаривать. Кстати, я тоже.

Эту систему просто так не своротить и не изменить. Моя деятельность — это крохотная капля море. Ну, увидел я на прилавках детских магазинов новые игрушки, и что? Ни на политическую обстановку, ни на уровень жизни внутри страны это не повлияло. Тотальный контроль со стороны КГБ не изменит ситуацию в лучшую сторону ещё долгие годы.

Безусловно, не всем пришлось по душе смена руководства КГБ. Но комитетчики привыкли скрывать свои истинные желания. Как бы ни был Владимир Петрович предан Семичастному, воздействовать на перестановки в верхах не смог, даже имея на руках мои предсказания. В глазах многих сослуживцев Андропов не считался идеальной кандидатурой.

Брежнев сделал Андропова председателем КГБ, прекрасно зная о его доносах на свои товарищей в тридцатых годах и не самой лучшей роли в «ленинградском деле». Зато Леонид Ильич любил держать на ключевых постах людей, в чём-то запятнавших себя. Именно такие служили ему преданно и рьяно. К тому же Андропов извлёк урок из событий в Венгрии, где он был в середине пятидесятых послом. Он собственными глазами наблюдал, как легко партия может потерять власть, если дать народу много свободы. А значит, необходимо не

только сохранить, но и усилить идеологический контроль и цензуру. Увидев в Будапеште, как на улицах вешали сотрудников госбезопасности, он на всю жизнь сохранил этот страх.

Из многих книг и воспоминаний, которые я читал в своё время, получалось, что от Андропова в первые годы прихода к власти Брежнева мало что зависело прежде всего по той причине, что он сам откровенно побаивался Сулова и Кириленко. Эти аппаратчики оспаривали право на роль второго секретаря ЦК и даже имели кабинеты на одном этаже с Брежневым. Порой получалась двусмысленная ситуация, когда Сулов и Кириленко давали прямо противоположные приказы Андропову.

Ему, занявшему должность председателя КГБ, приходилось согласовывать решение многих вопросов с этими двумя секретарями ЦК. При этом оба не любили Андропова, стараясь всячески подставить его. К примеру, Сулов во время отпуска Кириленко мог отдать какое-то распоряжение, а вернувшийся Кириленко тут же его отменял. Типичная такая крысиная возня.

Мало кто из простых сотрудников КГБ подозревал о подобных «закулисных войнах». Да и мне эти знания не давали абсолютно никаких привилегий. Как и то, что Андропова считали врагом Косыгина. Председатель КГБ боялся, что косыгинские реформы приведут к ослаблению социально-политического строя. Лично у меня не было ни малейших сомнений, что, став Генеральным секретарём в 1982 году, Андропов не столько не мог, скорее не хотел реформировать общество. Брежнева же нелюбовь Андропова к Косыгину вполне устраивала. К тому же Андропов при вступлении в должность в 1967 году не имел своей команды и тех, кто выступал за него, в отличие от Семичастного. С точки зрения Брежнева, это был лучший выбор.

В качестве поощрения на пленуме ЦК Андропова избрали кандидатом в члены Политбюро. Брежнев щедро раздавал авансы на будущее.

В лице Андропова Брежнев приобрёл себе преданного пса на долгие годы. После смещения Хрущёва Косыгин возглавил правительство, а Подгорный — Верховный Совет. Это были соперники Брежнева. Не сразу, но Косыгина он заменил Николаем Александровичем Тихоновым, избавился он и от Подгорного, других видных партийцев. Андропов безоговорочно поддерживал эти перестановки. Вот что значит, правильного человека поставить у себя за спиной!

Изменить и как-то сдвинуть всю эту внутривластную кухню я не мог при всём желании. Это только в книжках герои лихо находят оружие и исполнителей, чтобы убрать неугодных. В реальности, чтобы подобраться к кому-то из этой элиты, недостаточно иметь пистолет. Вспомним для начала, что руководители такого уровня имеют серьёзную охрану и бронированные автомобили. К тому же у меня были собственные цели и непосредственные задачи на этот период времени.

Начнём со всем известного предателя Полякова. Ну-ка, кто без гугла, без соответствующей литературы вспомнит его имя, должность по годам? Вот и я не помнил. Владимиру Петровичу рисуночек подсунул, где был изображён кто-то лысый по фамилии «Поляков» из ГРУ. И усё... Ожидаемо, что мою фитюльку комитетчик покрутил с долей недоверия. Так-то я его ни разу не обманул. Всё что изображал, случалось. Подумаешь, дату убийства Кеннеди не вспомнил, зато предупредил, что будет смена власти в Америке.

А что с Семичастным не сработало, так это вопрос не ко мне, а к Брежневу. Кто же знал, что он так сумеет всё повернуть?

— Учись, Сашка, как нужно подбирать осведомителей, — вернулся вскоре к моему

рисунку Владимир Петрович. Видимо подразумевалось, что нашлись таковые у него в ГРУ. — Есть такой Поляков Дмитрий Фёдорович. В этом году получил назначение в Индию. Когда вернётся, неизвестно.

Ситуация была паршивой. Как донести информацию о том, что это предатель? Меня в качестве осведомителя использовать нельзя. Я предложил слепить «липу». Отправить послание чинам ГРУ о том, что Поляков работает на ФБР.

— Как же поздно ты мне сообщил, — сокрушался Владимир Петрович. — Трудно что-то предпринять. Письму могут и не поверить.

Насчёт того, почему я поздно «вспомнил», было объяснение. Мне запомнилось, что Поляков работал на американцев пятнадцать лет (сколько лет на самом деле он был агентом, я не в курсе). Но судя по тому, что я слышал, он уже агент, и давно. Не рассчитал я годы работы предателя ещё и по той причине, что знал, когда его расстреляли — в 1988 году. На встрече президентов США и СССР Рональд Рейган попросил Горбачёва помиловать Полякова и обменять на любого агента, но приговор к тому времени привели в исполнение.

— Что-то ещё давай, вдохновляйся, — не отпускал меня дядя Вова. Нарисовал корону, пояснил, что ФБР назовёт генерала «алмазом в короне». — Ах, он ещё и генералом станет?! — совсем взбеленился Владимир Петрович.

Я его понимал, но ничего поделать не мог. Проблеял, что Поляков переснял телефонные справочники Генерального штаба и ГРУ, забив последний «гвоздь в крышку гроба». Владимир Петрович снова потряс моим рисунком, сожалея об упущенных возможностях. Моё упоминание о даче, где возможно (я не был уверен по годам) хранятся в тайниках доказательства, несильно помогло. Даже при условии, что КГБ найдёт ту дачу, вламываться и учинять обыск без санкции прокурора нельзя, мы ничего не докажем.

Единственное, что утешало, мы узнаем от того источника, когда Поляков вернётся в страну, тогда и начнём копать со всем усердием.

Светка, Светка... Красавица, артистка, немного взбалмошная и упрямая. Хорошее образование и золотая медаль в школе совсем не означают наличия ума. Никогда не прощу себе то, что слушал её высказывания вполуха, рассуждая, что девочка перебесится, успокоится. Она и успокоилась навсегда на Ваганьковском кладбище.

— Как же так, как же? — недоумевал Мишка, наблюдая, как опускают в землю гроб с телом нашей подруги детства.

Романов-старший на кладбище не присутствовал. Его увезли с сердечным приступом в больницу сразу, как поступило известие о смерти дочери.

Но начну по порядку. Светкиных ухажёров я никогда не считал и не принимал всерьёз. Кто-кто, а наша подруга никогда не была легкомысленной вертихвосткой. Замуж, в принципе, собиралась, но кандидата искала среди мужчин обеспеченных и серьёзных. Вероятно, сказывалось окружение. Семья Романовых не из простых, к тому же мои родители давали определённый пример семейной жизни. Светка с малолетства видела, что большая разница в возрасте не помеха супружеским отношениям, а, напротив, благо. Муж к тридцатисорока годам состоялся как специалист, уже видны все перспективы карьеры и зарплаты.

Своими доходами от живописи я никогда не светил. У меня были обеспеченные родители, работники МИДа. По какой-то причине Светка решила, что рисование дало мне некую известность в творческих кругах, и не более того — в качестве мужа я не гожусь. В этом решении я её полностью поддерживал. Подруга, она и есть подруга.

И вот ей исполнилось двадцать три года. Для меня это возраст самого расцвета сил и возможностей. Для молодой девушки — не очень хорошо. К тому же она провалила четыре пробы на киностудии. За всё время после выпуска снялась один раз в эпизодической роли какого-то фильма про войну, во второй изобразила медсестру на втором плане. И это наша Светка?! Умница и красавица!

Из сумбурных пояснений подруги я понял, что её внешность посчитали слишком броской, слишком похожей на Одри Хепбёрн. Не так много ролей, где можно было сыграть с её данными. Сейчас в ходу были простушки и типаж «обычной советской девушки». И если карьеру в кино она ещё надеялась устроить, но с личной жизнью решила разобраться побыстрее.

— Сашка, дай ключи от мастерской, — пристала она ко мне в декабре 1974. Я к тому времени уже учился на третьем курсе школы КГБ.

— Зачем? — не сообразил я.

— Свидание с мужчиной устроить, — кокетливо похлопала Светка ресницами.

— Сдурела?! — возмутился я. Ну это как бы перевод на русский: «Тебе больше негде заняться сексом?»

Похоже, что места для интимных встреч и вправду не было. Ключи от мастерской я категорично отказался давать. Начнём с того, что там у меня много личного хранится в виде рисунков. Не хотелось, чтобы кто-то чужой копался. Во-вторых, я действительно не мальчик-мажор, а уже почти полноправный комитетчик. Мне только такой аморалки в личном деле не хватало!

Светка оказалась настырной. Мне даже пришлось прочитать ей лекцию на тему того, что если у мужчины нет места для встреч с девушкой, то зачем Светке такой мужчина? Не

помогло.

— Он квартиру через год получит, когда мы поженимся. Развёлся с женой, пока снимает жильё, там такая хозяйка, что может донос на работу написать, — пояснила подруга.

— Свет, а тебя моральная сторона дела не беспокоит? — удивился я.

— Ты что, думаешь, я до сих пор девственница? — фыркнула она в ответ.

Снова я повторил свой отказ, а Светка обиделась, и серьёзно. Ох, уж эти «свободные нравы у молодёжи» и влияние всяких хиппи.

— Приводи на вечеринку перед Новым годом, познакомь, — постарался я немного сгладить ответ.

— Он уважаемый человек и на нашу, как ты обычно называешь, «тусовку» не придёт.

Тогда я не обратил внимания на эту фразу. И вообще, несильно вдавался в подробности личности избранника подруги. По словам Светки, предложение он сделал, но с женитьбой не спешил. Подруга говорила нечто невнятное. Из всего, что мне запомнилось о личности этого «Сашеньки», моего тёзки, так это то, что он работал за границей, образование получил в мореходке или где-то в подобном заведении.

Учебный год и новые предметы захлестнули меня с головой. Какая Светка и её хахаль?! Тут бы поспать часов пять в сутки! Если я и встречал её, то мельком, рядом с квартирой родителей. Один раз на майские праздники она сумела меня перехватить поздно вечером и снова завела разговор о месте для свиданий. На этот раз Светка спросила про дачу.

— Твой отец же обычно на лето уезжает, сейчас там свободно? — задала она вопрос.

— Света, на даче нет никого и не было несколько месяцев. Сам я заезжал в апреле, немного почистил двор, протопил дом. Это не те условия, которые достойны тебя, — сообщил я, намекая про туалет во дворе и отсутствие в доме душевой.

Надо сказать, где хранился ключ от дачи, Светка знала. Во времена студенчества мы часто приезжали в Валентиновку. Лиза и Аня Жаровы приглашали нас всей дружной компанией, но я предпочитал ночевать в своём доме. Особых ценностей на даче мы не хранили, так что близкие друзья были в курсе, под каким подоконником лежит ключ. К тому же если кто из соседей и увидел бы Светку, то ничуть не удивился.

Жаровы привычно оставляли нам записки о своих летних планах. В тот раз Лиза дошла до дома, чтобы опустить послание в консервную банку, висящую на заборе для этих целей. Пока поправляла банку, нечаянно задела калитку. А та возьми и распахнись. Лиза решила, что кто-то всё же приехал, а свежие следы на траве от автомобиля только подтвердили это.

Светку она нашла «спящей» на диване. Вначале пыталась разбудить, потом осознала, что тело давно холодное, и кинулась за помощью. Найти в посёлке телефон не так-то просто, а после ещё пришлось ждать приезда милиции и родителей Светланы. Нам Лиза по какой-то причине не позвонила. Я же, уйдя на занятия с утра, узнал о случившемся лишь поздно вечером. И то, как узнал? Сказали нечто невнятное: «Света умерла». От её матери я вообще ничего не добился, а самого Романова в больницу увезли.

Связавшись с дежурным в школе, я кратко объяснил ситуацию и отпросился с занятий. Следователь из милиции обещал не только прийти на следующий день, но и сопроводить нас с отцом на место (маман категорически отказалась покидать Москву). Всю дорогу мы перебирали варианты того, что могло случиться. Пока я рулил, описывал следователю моё видение ситуации. Скрывать, что Светка просила у меня ключи, не стал, как и то, что сам их не давал, но где они хранились, знали близкие люди.

Виктор Геннадьевич — следователь — много переспрашивал, часто обрывал меня и пытался, пока мы ехали, что-то записывать.

Оперативники уже осмотрели что смогли и попросили нас проверить дом на предмет пропажи или каких-то изменений.

Отец направился в столовую и кухню, я прошёлся по спальням. Почти сразу обнаружил, что не хватает одного комплекта постельного белья. С этим бельём ещё та головная боль. Гостей на дачу приезжало много, каждому выдай чистое, после постирай. У бабушки здоровье уже не то, чтобы этим заниматься, и я сам отвозил всё в прачечную. Как раз в апреле, когда проверял дом, положил в комод пять чистых комплектов. Теперь их осталось четыре.

Вполне логично, если учесть, что Светка приехала на свидание интимного рода. Вот только белья на кровати не было. Это я всё и перечислил, после с милиционерами облазил всё в округе на всякий случай. Вдруг простыни выкинули? Ничего мы не нашли и снова вернулись в дом.

В предыдущий день криминалисты чёрным порошком запачкали все поверхности. Думаю, их ждёт большая работа. В гостях у нас бывало много людей. Безусловно, искать они будут свежие отпечатки. С меня уже «откатали пальчики» и записали имена тех, чьи отпечатки здесь найдут, чтобы отсечь незнакомые.

Версий случившегося у меня не было ни одной. И только когда через три дня Романовым выдали тело с заключением об отравлении сильнодействующим ядом, я понял, что не так всё просто, как думалось вначале.

Наивная Лиза предположила, что подруга умерла от сердечного приступа или чего-то подобного. Эту версию отвергли анализы.

— Миша, ты что-нибудь помнишь из Светкиных рассказов? — задал я ему вопрос, пока мы стояли над гробом на кладбище.

Михаила никто не спрашивал, посчитав не самым близким знакомым. Я его в списке посетителей дачи не упоминал по той причине, что за последние три года он на ней ни разу не был.

Позже, после поминок, мы удалились к мне домой, сопоставили исходные данные и объединили имеющиеся факты. Получалось, что этому так называемому жениху было около тридцати лет. По словам Светки, не красавец, но с хорошей фигурой. Мишка добавил слово «выправка», услышанное от той же Светки. Он встретил эту парочку перед Новым годом возле продовольственного магазина на проспекте Мира. Светка выпорхнула из «Волги», махнула рукой провожающему её мужчине и на пути к дому столкнулась с Михаилом, возвращающемуся от меня.

Не так часто у меня бывали свободные вечера. Тот конкретный день я не помнил, но предположил, что это было выходной.

— «Волга» какого цвета? — задал я очередной вопрос.

— Как у вас чёрная, наверное. Темно было, — ответил друг.

— Если цвет как у нас, да ещё и «Волга», то в дачном посёлке на них действительно никто не обратил внимания. Могли решить, что это я приехал.

Итого получилось: Александр, лет тридцати, возможно бывший военный, умеет заинтересовать дам, предположительно работал за границей. Такую историю, чтобы запудрить мозги глупенькой, но хорошенькой девушке, я сочиню на раз-два. Из примет — лишь чёрная «Волга».

Следователь Виктор Геннадьевич тоже так подумал, прислав посылного с повесткой, чтобы я пришёл для дачи свидетельских показаний. У меня, между прочим, экзамены на носу! И без того уже два дня отпрашивался. Снова пришлось звонить, пояснять, что вызывают по повестке.

— Александр, а где ты был в день смерти Светланы Романовой? — наконец решил поинтересоваться следователь.

— На занятиях, — ответил я без пояснений.

— Вот как? А у меня имеются данные, что университет ты окончил три года назад. Не работаешь, занимаешься так называемым искусством. И где же ты и чему учишься? — И такая недобрая ухмылочка.

Пришлось доставать курсантское удостоверение.

— Вы, гражданин Филиппов, конкретно сейчас оторвали меня от занятий, — сурово добавил я. — Давайте ускорим процесс.

Ускорили так, что через пару минут я, получив подпись на повестке, распрощался со следователем. Похоже, ни версий, ни идей у него не было. Оперативники в доме, кроме отпечатков пальцев, ничего не обнаружили. Если гости ели и пили, то всё было унесено незнакомцем вместе с постельным бельём.

Через неделю я, встретив Светкину мать на лестничной площадке, поинтересовался новостями.

— Идёт следствие. Саша, приходи на девять дней помянуть, — тихим голосом сообщила она и пошла к лифту.

Мишка на поминки тоже пришёл. В отличие от моей загруженности, у него в институте работы было не так много. Он успел многих знакомых обзвонить, расспрашивая, кто видел нашу подругу с мужчиной.

— После доложу, — пообещал Михаил, усаживаясь за стол.

Отец Светланы из больницы вышел, но чувствовал себя плохо. Спиртное даже не пригубил, впрочем, как и мы с Михаилом. Отдав дань вежливости, после отправились в мастерскую. Мишка рассказывал, а я записывал на листке. Одна из наших общих знакомых видела «жениха» достаточно близко. И дала ёмкую характеристику: «Позёр». Она тоже отметила выправку.

— Нужно будет её ещё расспросить, — отметил я.

— Серёга из Светкиной группы столкнулся с ними перед восьмым марта, — продолжал Михаил. — Видел близко, а описать смог смутно. Сказал, что внешность у мужика интересная для девушек, и подтвердил, что возраст около тридцати или старше.

— Миш, попробуй договориться о встрече с Сергеем в выходной. Я с его слов зарисую. А то по твоим воспоминаниям только шапка заячья и широкая спина.

Несильно нам помог этот свидетель. Рисунок получился условным. Сергей по прошествии времени плохо помнил детали: бакенбарды, что сейчас в моде у мужской части населения, волосы вроде бы тёмные, лоб открыт. Про глаза и нос вообще что-то непонятное сказал. У меня на рисунке получился далеко не красавчик.

Закончились мои экзамены, а по делу отравления Светы подвижек по-прежнему не было. Перед началом работы мне полагался отпуск, и я решил посвятить его тому, чтобы опросить снова всех, кто мог хоть что-то знать или видеть. Понимал, что я не специалист, по идее, не моё дело, но в память о Светке не мог поступить иначе. Когда начнётся работа, таких вольностей я не смогу себе позволить. Дальнейшее моё место службы будет во втором

главном управлении. Я просился к аналитикам, но это ещё нерешённый вопрос. Пока же формально никому не подчинялся и мог потратить свободные дни по личному усмотрению.

Михаил, узнав мои планы на ближайший месяц, загорелся. У него совпал с моим отпуск. Аспирантуру он успешно закончил и решил присоединиться к поискам. Отца я предупредил, что мне понадобится машина, и если он имеет планы на дачу, то я его отвезу.

— Какая дача после такого, — отмахнулся он. — Я бы её вообще продал.

— Не вздумай, — притормозил я.

— Желающих на ней отдохнуть не много. Илье в ближайшие дни позвоню, спрошу.

С Ильёй мы в последние годы виделись редко. Для меня он всё тот же братишка, а так-то Илья Андреевич Савельев сорока двух лет уже подполковник. Обычно наши встречи проходили в квартире у бабушки. Не в курсе, ездил ли когда Илья к своим родным, но моих родственников он давно воспринимал как самых близких людей. Других в его окружении я не встречал. Одно время он думал жениться, но что-то опять не срослось, и Илья продолжал жить один, объяснив мне, что за развод сейчас можно и в плане карьеры неприятностей отгрести, зато быть холостым никем не осуждается. Он же не работник МИДа, которых за границу выпускают только семейными.

Илья отлично помнил, когда я завершаю учёбу. Только мы с отцом его вспомнили, как он позвонил, чтобы поздравить.

— Братишка, погнали куда-нибудь на рыбалку! — радостно завопил он.

— У меня немного другие планы. Ты сейчас где?

— Могу в течение получаса к мастерской подъехать.

— Жду, — положил я трубку и поспешил ему навстречу.

Илью я перехватил у дома. Он на моё предложение поговорить в машине отреагировал правильно. Про смерть Светки не слышал и был искренне опечален.

— Сашка, не суйся. Какое расследование? Без тебя есть кому этим заняться.

— Ато они много чего обнаружили?! — возмутился я.

— У тебя больше улик?

— Ненамного.

— Почему следователю не передал?

— Пусть сам носом роет. Как ты заметил, это его работа, — огрызнулся я.

Илья хотел что-то ещё сказать, но тут нас отвлекли. Бодрая старушенция с палкой постучала по капоту.

— Не ставьте здесь машины! Сколько раз говорить. А ежели скорую кому вызвать, милицию или пожарную?! — возмущалась пожилая женщина.

Илья выбрался из салона с недоумением, чтобы посмотреть, как автомобиль перегораживает проезд. Я тоже посмотрел. В принципе, если все указанные службы разом подъедут именно к этому подъезду, то претензии будут обоснованы.

— Мы сейчас уедем, — постарался успокоить старушку Илья.

— И как часто тут машины паркуются? — следуя своей непонятной интуиции, спросил я.

— Не паркуются. Здесь раньше перекопано было, — кивнула старушка на свежий асфальт. — А в прошлом году гоняла я много. Накупят «Волг»...

И снова не понял, что сподвигло меня спросить:

— Не видели случайно зимой или позже чёрную «Волгу»? В ней ещё красивая девушка приезжала, — попытался я описать.

— Артистка-вертихвостка в лисьей шапке? — точно описала старушка Светку.

— Мужчину случайно не запомнили? — осторожное задал я вопрос.

— Некогда мне следить. Вы свою машину убирайте, то милицию позову.

— Мы и есть милиция, — заверил Илья, вынув из пиджака подходящий к случаю документ. — Девушку ту недавно убили, мы ищем мужчину, который был с ней. Хоть какие-то сведения.

— Как же убили... — прошептала старушка. — Молодая, красивая...

— Не помните мужчину? — снова встрял я.

— Я его один раз всего гоняла. Он вышел посмотреть машину и ругался, что от палки вмятины остались, — покосилась бабка на капот автомобиля Ильи. — Не было там вмятин, не было.

— Внешность не опишите? — продолжил я задавать вопросы.

— Вечер уже был. Шапку и пальто помню, такое моднячее. Как же его... А! Дублёрка!

— Рост, цвет глаз, — напирал я.

— Глаза не запомнила, волосы под шапкой из чёрного кролика, рост, ну... повыше тебя.

И ругался он сильно. Девчонка-то поскакала во второй подъезд, а этот стал мне высказывать. Я, говорит, уважаемый человек...

— Дальше? — боясь сбить старушку с мысли, спросил я. Похоже, что это был один из визитов Светки, когда она просила у меня ключи от мастерской.

— Номер машины записывала. Нужно?

— Конечно! — хором заверили мы с Ильёй.

— В милицию я хотела звонить, но номерок немного перепутала. Не то «9», не то «8». Сумку до двери донесите, я посмотрю на кухне в столе.

Через пять минут мы с Ильёй стали обладателями замызганной бумажки. Как бабка вообще её сохранила и не выкинула?

— Узнаем по номеру имя — считай, дело в шляпе, — обрадовался я полученным сведениям.

— Приходим и спрашиваем, это вы гражданку Романову отравили? И он сразу соглашается, — спустил меня с небес на землю Илья.

— Проследим, — неуверенно добавил я.

— По методам наружного наблюдения ты что получил?

— Не отлично, но близко к этому. У меня же это непрофильный предмет. За одно задание удовлетворительно поставили, в сумме хорошо, — ответил я.

— Значит, я узнаю что можно по этим данным и устрою тебе ещё одну практику наружного наблюдения, — пообещал Илья. — Жди, позвоню.

Возможность пробить номер автомобиля и адрес даже при отсутствии компьютерной базы у Ильи имелась. Всего два дня ему понадобилось для этого. Встретились в этот раз мы у нашего дома, где нет старушек, гоняющих за парковку.

Илья выглядел озадаченным.

— Не всё так просто? — распознал я его выражение лица.

— Меня адрес смутил, — ответил Илья и зачитал, что удалось узнать: — Александр Дмитриевич, твой тёзка, но постарше на десяток лет, ему тридцать четыре года. Согласно справке, человек с этим именем имеет московскую прописку, а по твоим словам парочка искала место для интимных встреч.

— Наверняка женат, Светке мозги пудрил, что в разводе, — заверил я.

— Будем следить, — озвучил Илья мои мысли.

Тут я вспомнил, что Мишка «рвался в бой», и предложил взять и его. Илья скривился. Моего друга он не то немного ревновал, не то относился с предубеждением к еврейской национальности, нормальных отношений между ними никогда не было.

— Математик, аналитик, — добавил я немного «рекламы».

— Бери, если вам нечем в отпуске заняться.

— На самом деле и тебе нечем, — напомнил я, что Илья уже подключился к расследованию.

Телефона у Левинсонов не было, пришлось мне бежать пешочком. Илья терпеливо остался ждать внизу. Мишка моему появлению обрадовался неимоверно.

— Запиши, где там тебе положено, что осведомитель сообщил, — первым делом ошарашил он меня.

— Ты не перегрелся? — поинтересовался я. — Погода нынче жаркая.

— Я с Анной Жаровой встречался. Она, знаешь, что вспомнила?!

— Говори, — подбодрил я.

— Светка рассказала ей, что отчего-то решила, что Александр шпион. Тот над ней посмеялся и сообщил, якобы он специальный агент службы безопасности! Как тебе мотив?! — Мишку аж распирало от эмоций.

— Мог прихвастнуть, девицы любят подобное, но документик про шпиона ты мне попозже заполнишь, — решил я.

Илья к добытой информации отнёсся иначе. Он вычленил основное — мужчина стал «хвастаться» своей принадлежностью к спецслужбам после того, как Светлана его заподозрила.

— Ох как мне не нравится то, во что вы влезли, — устало потёр шею Илья. — Там же подписки о неразглашении и прочая канитель сейчас посыплется.

— Мы ещё ничего не нарыли, — напомнил я. — Поехали, хотя бы на его место проживания посмотрим.

— Сейчас я на машине у дома покручусь, но лучше чередовать автомобили. Следующий раз на твоей поедем, или я служебную возьму, — сообщил Илья. — Хотя... Не стоит. Мы просто проводим вместе отпуск.

— С Ильёй Андреевичем по Москве катаемся, — поддакнул Мишка.

На дом посмотрели. Я сразу понял, что если тот самый Александр Дмитриевич здесь

проживает, то человек он непростой. Дом на Краснопресненской набережной предполагал, что жильцы люди обеспеченные и имеют престижную работу. Я поднялся на нужный этаж и позвонил в дверь. Что говорить, не придумал и понадеялся на то, что в середине рабочего дня никого дома не будет. Так оно и оказалось, дверь мне не открыли. Организовывать в этот день слежку смысла не было. Если уж начинать, то с утра пораньше.

— Одеться неприметно и при себе грелку иметь, — напутствовал нас Илья.

— Грелку-то зачем? — не понял Мишка, подразумевая, что температура воздуха днём под тридцать.

— Шутит он, — не стал я пояснять, что этот резиновый предмет для ведения слежки довольно нужный.

Если приспичит в туалет, а отойти нельзя, то форма грелки с закручивающейся крышечкой очень удобна. Хорошая грелка до литра жидкости вмещает в себя. Но лучше просто меньше пить, да и не нажираться, это я хорошо усвоил. По стационарному наблюдению у меня всегда было отлично. Когда ведётся наблюдение с целью контроля за местностью, зданиями, не находящимися в движении предметами или людьми, поверьте, для художника моего уровня это плёвое дело. Притом что стационарное наблюдение тому, кто не в курсе, трудно обнаружить, то вообще хорошо.

Правда, в обратном действии, когда ты знаешь и должен указать проверяющему, кто ведёт контроль, приходится проявлять максимум внимания. В это время нет тех возможностей, что будут позже. Отсутствует мобильная связь, видеокамеры и прочие технические примочки. Надеяться нужно на свою память и умения. На них я и рассчитывал, прихватив на следующий день альбом.

Парковаться у дома мы не рискнули и выбрали площадку чуть в стороне. Илья обещал подавать сигналы, если из нужного подъезда будут выходить мужчины подходящего возраста. Позицию он занял за деревом так, чтобы несильно было заметно со стороны. Лето, пора отпусков. Не так много людей ходит на работу. Прождали мы до десяти утра и без нужного результата.

— Можно было сразу предположить, что если нет поблизости припаркованной «Волги», то её хозяин отсутствует, — логично рассудил Мишка.

— Или хозяин «Волги» проживает по другому адресу, или имеет гараж, — добавил я.

— Значит, ориентируемся на автомобиль. Ежедневные проверки. Пока в течение двух недель, — поставил задачу Илья.

— К бабушке в гости зайдёшь? — спросил я на обратном пути.

— Обязательно! — спохватился он. — Это вы меня своими делами отвлекли. Завтра же с утра и зайду. Ты предупреди её.

Отпуск прошёл безрезультатно. Выяснили, что квартира коммуналка. Соседка Александра Дмитриевича — одинокая женщина с ребёнком. Мы проверяли адрес утром и вечером. В первом случае высматривали подходящих по возрасту и комплекции мужчин, во втором ждали появления света в окне. Такое случилось, когда у меня оставалось всего три дня до начала работы.

— Как выйдешь на службу, напишешь заявление, подколешь документ от осведомителя и передашь дело по инстанции, — оговорил со мной порядок действий Илья.

Проследить за объектом получилось не сразу. Только задействовав два автомобиля, мы вычислили гараж. И уже от него в последний день моего отпуска повели подозреваемого. «Волга» была чёрная. Номер тот, что старушка записала. Мужчина внешне подходил под

описание. Я его успел зарисовать несколько раз в разных ракурсах и подивился странному вкусу дам. Впрочем, им виднее. Предположил, что срабатывало всё в комплексе: уверенность, действительно отличная фигура, холёная морда и престижный автомобиль.

«Волга», за которой мы следили, двигалась в потоке машин всё дальше на запад столицы. Илья с каждой минутой становился всё более мрачным.

— Спорим, что он едет в МИД? — подал я голос.

— И спорить не буду, — сжал Илья крепче руль. — Телефон следователя у тебя есть? У МВД дело мы забираем. С утра приходишь на работу, заполняешь бумаги и садишься печатать всё что знаешь, а я смотаюсь за делом в милицию.

Понаблюдав за тем, как пристраивает свой транспорт объект слежки, мы не стали дальше мозолить глаза и развернулись в обратную сторону.

— У меня ведь ещё неделя отпуска, — озвучил Илья. — На море не съездил, на рыбалке не был, что за жизнь?

— Не прибедняйся. Если бы тебе всё было в тягость, давно бы перешёл в другое управление, — заметил я.

На самом деле немного развлечься днём возможность была. Мой день рождения мы отметили в ресторане «Прага». У меня в нём блат и каждая собака знает в лицо. Праздновали втроём: Михаил, Илья и я. В очередной раз я подивился ценам. При хорошей зарплате питаться в ресторанах недорого. Качество обслуживания, конечно, хромает, но в столице это не так заметно. К тому же меня знали и считали щедрым клиентом, не жмотом.

С домашними мой двадцать четвёртый день рождения отметил скромнее. С отцом съездили к бабушке, немного посидели за столом без деда. Он в последнее время из госпиталей не выбирается. Совсем плох стал. Для маман мои дни рождения очередной стресс и напоминание, что она не молодеет. Я не в обиде. Мне хватало поздравлений друзей. Жаль, в этом году не услышал их от Светки.

На даче мы с Ильёй побывали и даже провели там три дня (Мишка в это время следил за домом подозреваемого). Так что заявление Ильи, что он совсем не отдыхал летом, слегка преувеличены.

— А я ведь думал тебя на первое время в «портные» определить, — продолжил свои подколки Илья. — Поработал бы с полгодика «ножницами»...

— Ещё не поздно, — ответил я, ничуть не веря, что меня могли посадить на обработку прессы, вырезать из легальной периодики статьи. Какая-то часть аналитики, безусловно, использует и эти данные. Но у меня, похоже, собственное дело появилось.

Первый день на службе прошёл в беготне и суматохе. Личную печать для опечатывания сейфа и двери получить, кучу бланков заполнить, биографию (в который раз!) написать, с тем, что ознакомлен с правилами вплоть до схем пожарного выходов, расписаться. С биографией обычно случалось недопонимание со стороны тех, кто читал мой опус. Особенно тот момент, где я вставлял предложение: «В одиннадцать лет я стал членом Союза художников». Надеюсь, хоть здесь перепроверять и уточнять не станут, дядя Вова в курсе моей непростой биографии.

К обеду закончил бумажные дела и был сопровождён для ознакомления в столовую, где немного передохнул.

Вторую половину дня я уже работал в кабинете, куда меня определили. Напечатал на машинке (лента дрянь, нужно поменять) всё, что удалось нарыть по делу Романовой, собрал в папку имеющиеся документы, включая записку старушки, свои рисунки, и отправился на

приём к генерал-майору. Звание у меня после выпуска — старший лейтенант. Да и не принято у молодых вот так просто к начальству заходить, но попросил секретаря доложить о себе.

— У Владимира Петровича в три часа встреча с подполковником Савельевым, — сообщили мне.

— Я по тому же делу, — показал папку в своей руке.

Секретарь ещё немного посомневался, но позвонил, и буквально сразу я получил разрешение зайти в кабинет.

— Сашка, я не понял! Думал, мы отметим, отпразднуем твоё вливание в наши ряды. А тут Илья что-то с утра наплёл, куда-то уехал, и у вас сразу дела образовались. В первый день работы? — не поверил он.

— Светку Романову помните?

— Убили её, я в курсе, — нахмурился Владимир Петрович.

Передав начальнику тощую папку, я начал вводить его в курс дела. На моих глазах из добродушного «дяди Вовы» Владимир Петрович превратился в генерала. Стал раздавать по телефону указания, спросил, подъехал ли Савельев, я так понял, что к моему сообщению он отнёсся на полном серьёзе. Владимир Петрович начал рассказывать мне все трудности сложившейся ситуации.

Оказывается, заводить дела и вообще как-то разрабатывать сотрудников МИДа разрешено только, имея неопровержимые доказательства, которые можно получить путём долгой и кропотливой работой. Причиной тому, что КГБ не могло взять «за жабры» любого из министерства, был Громько. Андрей Андреевич, будучи министром иностранных дел, ревностно относился к своей вотчине.

— «В МИДе предателей нет и не может быть» — вот его слова, — процитировал Владимир Петрович министра.

Доказательства шпионской деятельности должны быть неопровержимыми. Мне вспомнилось, что именно на эти годы придётся большое число перебежчиков на Запад именно из МИДа. Не помнил я их. Всплывала в памяти фамилия не то Шевченко, не то кого-то с созвучной «украинской» фамилией, приближенного к Громько.

Меня всегда удивляли книжные персонажи попаданцев, которые чётко и внятно могли перечислить подобных «героев». На самом деле нужно или интернет держать под рукой, или специально заучивать и зубрить, надеясь на то, что случится оказия перенестись в прошлое, а тут ты такой во всей красе и умный. При этом не забывать, что попаданцев может занести с одинаковым успехом во времена мамонтов, Петра I и так далее. Не факт, что вызубренные маньяки СССР пригодятся.

Не знаю, был ли настоящим шпионом этот Александр Дмитриевич или так совпало, и Светку не он отравил, разбираться всё равно нужно, но я такого шпиона не помнил.

Безусловно, известные и склоняемые всеми личности отложились в голове, но тоже без точных дат. Бывали, конечно, исключения. И только по той причине, что я когда-то изучал и читал интересную мне тему. К примеру, взрыв автобуса в 1971 году в Краснодаре. Кто помнит? А я помнил, потому что в детском саду был в группе мальчик (кажется, Коля), чья мама погибла в том автобусе. И в моей голове не сохранились бы эти данные, но меня потрясло больше всего, что уже через год у Коли была другая мама. В том возрасте мне казалось, что самое худшее, что могло случиться в жизни у человека, — это смерть мамы, и другая женщина её не сможет заменить.

Спустя много лет взрыв автобуса если и вспоминали, то с излишними деталями. Автобус почему-то превратился в троллейбус и так далее. Я и сам забыл, какой именно вид транспорта взорвал шизофреник. И когда появилась возможность через интернет найти документы и фото, то почитал. Почитал и запомнил.

Отвлекусь немного от автобуса и того шизофреника и вернусь снова к детскому саду, где мне довелось провести время до поступления в школу. Дети в нём, как мне запомнилось, обычные, не то чтобы уж сильно баловались. Был там у нас в группе один шептун мальчишка. Он был меньше всех по росту, этакий воробушек-забияка. Во время дневного сна вечно на что-то отвлекался, смеялся. Маленький, смешливый, мешал детям спать. В один из дней воспитательница, наорав на него, стащила с койки и поставила на подоконник. Затем она спустила с него трусы и выставила на всеобщее обозрение как нам, так и тем, кто мог видеть мальчишку со стороны улицы.

На рёв и причитания ребёнка женщина не велась. Проучив таким образом его и унижив (боюсь даже думать, какие комплексы он заимел в старшем возрасте), она спустя полчаса вернула его обратно. Позже, когда я уже учился в школе, узнал, что эта воспитательница стала заведующей детским садом, а затем заслуженным педагогом или типа того. М-да уж...

Но вернёмся к четырнадцатому июня 1971. Сдав всё что можно в универе досрочно, я купил билет на поезд и поехал в Краснодар, решив, что смогу повернуть операцию по предотвращению террориста тихо и без проблем.

Начнём с того, что я не знал, когда и на какой остановке гражданин Волынский сел в автобус. В интернете указывалось время взрыва 8:30. В районе восьми утра я стоял на остановке и тихо паниковал, думая о себе не самые приятные вещи. Чего сам поёрся? Чего «в органы» не заявил? Наконец дождавшись нужного автобуса под номером один, я еле втиснулся в него и принялся оглядываться по сторонам.

Тот или не тот автобус? Вдруг они чаще ходят, чем я рассчитал? И только увидев, как на следующей остановке заходит, можно сказать, знакомое лицо, я запаниковал в полной мере. Прикиньте, сам! Боже, какой я придурок! Влез в автобус с бомбой! Но делать нечего, пришлось протискиваться к Волынскому, чтобы своими глазами увидеть чемодан, поставленный возле бензобака.

— Гражданин, это у вас что такое? — громко поинтересовался я. — Тикает как бомба и запах химический. Товарищи! Кричите водителю, пусть останавливает. В автобусе бомба!

На самом деле в гуле голосов я не слышал никакого тиканья. Про запах вообще была полная импровизация, в душном автобусе среди потных тел ароматов хватало с избытком. И тем не менее одна дамочка поддержала мой выпад.

— Бомба! — истерично закричала она.

— А!!! — заголосил Волынский. — Выпустите меня, пропустите! — стал он рваться на выход.

Повезло, что водитель был не дурак и затормозил. Народ стал спешно покидать автобус.

— Мужчины, помогите удержать этого террориста! — попросил я, и добровольцы нашлись. Скрутили, заломили руки.

В общем, выгрузись мы все. Водила с неким недоумением на меня посмотрел. Про бомбу он понял, но, похоже, не поверил. Где те бомбы с террористами и где СССР?

— Я так на работу опоздаю, — послышалось со стороны.

— Чего мы все вышли?

— Товарищ, вы точно видели бомбу? — подошёл ко мне один пожилой мужчина в

очках.

Тут я сообразил, что мы слишком близко к объекту.

— Все бегом подальше! — заорал я и, бросив на фиг шизофреника, кинулся в сторону. На часах было точное время взрыва. И если автобус ещё не взлетел на воздух, то это дело нескольких секунд.

К сожалению, моим заверениям поверили немногие. Водила вообще решил вернуться в салон. И в это время прозвучал взрыв. Автобус, эту махину производства Львовского завода, подбросило вверх примерно на метр. Росшие у обочины дороги деревья повалило взрывной волной. В двухэтажных домах, расположенных поблизости, звякнули и посыпались оконные стекла. Повезло, что большая часть пассажиров отошла к передней части автобуса и смертельная начинка почти никого не зацепила. Разве что водителя взрывной волной подкинуло и отбросило на тротуар.

Что тут началось! Тётки заголосили, кого-то посекло осколками стекла, кто-то просто напугался. Те мужики, изначально помогавшие мне, кинулись догонять шустрого террориста. Он успел прийти в себя и припустить в сторону улицы Тургенева. Молодцы, догнали, накостиляли и даже стали связывать ремнём ему руки. Тот мужик в очках, что интересовался про бомбу, побежал к телефону-автомату.

Транспорт на Гагарина разом встал. Люди, ехавшие по своим делам, кинулись на помощь. Насколько я заметил, смертельно раненых среди пассажиров не было, но после взрыва многие получили порезы от стекла и каких-то мелких металлических деталей. Раны кровоточили и на фоне взорванного автобуса представляли страшное зрелище.

В этой неразберихе я тихой сапой сбежал. Звание героя и всенародная слава мне ни к чему. Пока не опомнились и не подъехала милиция, я под предлогом посмотреть, кому там плохо, слинял. Дальше пешочком, пешочком. Мельком глянул на дом, где прожил детство и юность. Он только строился. Наверное и «я» маленький в детский сад хожу, но это неважно. Быстрее на вокзал и на поезд.

Место я приобрёл в плацкарте, боковое у туалета (какое было, то и купил). Главное, сейчас удалиться подальше. Хорошо, в это время у пассажиров поезда никто не проверяет паспорта. На вокзалах нет сканирующих рамок и моей личностью никто не заинтересуется. Ладно поезд, меня система контроля в аэропортах вводила в ступор. Понятно, почему потом стали угонять столько самолётов. В небольшие воздушные суда пассажиры сами заносили багаж, который никто и не думал проверять. Да в этих баулах пулемёт пронести не проблема. А уж пистолет в кармане проще простого. Единственная загвоздка была в том, что раздобыть пистолет в СССР сложно, зато не проблема изготовить обрез из охотничьего ружья. Служба безопасности в аэропортах не скоро устранил эти недостатки, пока же считают, что проверки паспортов хватает. На железнодорожном транспорте контроля совсем нет.

Пока ехал, анализировал и костерил себя за правильные или не очень действия. Не хотелось мне светиться перед милицией, поскольку объяснить имеющиеся данные я не мог. Откуда у студента МГУ, проживающего в Москве, сведения о террористе? Зато милиция могла легко обвинить меня в причастности. Адреса Волынского я не знал и не факт, что сумел бы отыскать, не засветившись. Был вариант не пустить его с чемоданом в автобус. Однако бомба по-любому взорвалась бы рядом с жилыми домами, а я в одиночку мог и не поймать мужчину. В результате успокоил себя, решив, что поступил правильно.

Домой вернулся без проблем. Моё отсутствие не было замечено. То, что я сдал сессию

досрочно, тоже никого не заинтересовало. Думаю, это была единственная акция с моей стороны, которую я смог осуществить единолично и без последствий. Пассажиры автобуса, конечно, опишут мою внешность, а вот найти меня вряд ли получится. Ну, допустим, нашли, и что? Дяде Вове я выдам своё «озарение» и инцидент спустят на тормозах. На самом деле я надеялся, что искать парня, сообщившего о взрывном устройстве, долго не будут. Волынский во всём признается, у него дома найдут доказательства, а я останусь в памяти, как безымянный герой.

Если бы со всеми остальными шпионами и маньяками всё было так же просто. Почему-то чаще всего вспоминают Чикатило. А таких «Чикатило» по стране середины семидесятых было с полсотни. Без дат и привязки к местности я помнил некоего Бирюкова, так называемого «охотника за младенцами». Примерную картинку я Владимиру Петровичу предоставил.

Он долго не мог поверить, что такое вообще возможно. Несколько раз переспросил, что я имею в виду под фразой «совершение с младенцами насильственного полового акта» и сильно огорчился, что я не помнил год, когда появится этот маньяк. Ведь вычислить его получится не раньше, чем он совершит первое убийство. Тут я вспомнил, что в первый раз его оштрафуют за хулиганство. Милиция успеет пресечь преступление, когда тот украдёт коляску с ребёнком. Его отпустят, взяв штраф (мужчина сообщил, что просто пошутил над нерадивой мамашей). Надеюсь, эта информация сработает. Безусловно, Владимир Петрович служит не там, где ловят маньяков, но он как-то решает вопросы с моими предсказаниями через других сотрудников. Гагарин, к примеру, уже закончил военную академию и где-то работает не испытателем, а в комиссиях.

Понемногу я добывал из памяти что-то нужное. Не всегда, правда. Про Мюнхенскую олимпиаду вспомнил, когда там уже всё случилось.

С другими данными была схожая ситуация. Припомнилась мне народная присказка о космонавтах: «Шатались-шатались, воынили-воынили, ни хрена не сделали, еле сели». Это про Шаталова, Воынова, Хрунова и Елисеева. А вот когда и что там у них приключилось, совершенно вылетело из головы. Как потом оказалось, это был экипаж «Союза-4».

Зато я не забыл «Виктора Суворова», настоящее имя которого Владимир Резун^[1]. В конце девяностых появилось много разной литературы из числа той, что раньше не могла быть напечатана. «Аквариум» — единственная книга этого автора, которую я читал. Впечатления остались смешанные. Я так и не понял, по какой причине Резун с семьёй сбежал в Великобританию. Его оправдания не выдерживали критики. Сами произведения автора Суворова служить надёжным источником информации не могли — каждый смотрит и судит со своей колокольни.

Другой вопрос, что пользы от этого моего знания было мало. Повлиять и как-то приостановить возможности тоже не было. Что толку с этих знаний?

Резун ещё ничего предосудительного не совершил. Он окончил Военно-дипломатическую академию. Член партии, женат, двое детей. Сейчас служит где-то в Швейцарии сотрудником легальной резидентуры ГРУ. Что ему можно предъявить, кроме моего «озарения»? Да ничего! Никаких зацепок, никаких имён у меня нет, а военная разведка не менее ревностно относится к своим сотрудникам, чем комитетчики. Руководство силовых ведомств в первую очередь прикрывает «своих».

Встав у руля, тот же Андропов стал заботиться о своих подчинённых. Сотрудникам КГБ

хорошо платили, давали квартиры, продовольственные пайки. У КГБ имелись свои санатории, поликлиники, госпитали. И если раньше за звание платили только военным, то Андропов добился этого и для своих комитетчиков. И конечно же, при Андропове появилось большое количество генеральских должностей. Дядя Вова — пример такого щедрого «звездопада».

Он, кстати, уже собрал в кабинете нужных людей, чтобы обсудить ту информацию, что я принёс в своей папке.

— Заполняй и подписывай, — передал мне Владимир Петрович документы, — а мы пока с товарищами обсудим данные, полученные от тебя.

Илья к тому времени уже принёс то, что забрал у следователя. Мало того, он посетил судмедэкспертов, взял результаты анализа яда и фото отпечатков пальцев, которые удалось собрать криминалистам.

Нужные документы я прочитал быстро, поставил подписи, что ознакомлен, и присоединился к беседе. Всё внимание комитетчиков было сосредоточено не на убийстве Романовой, а на том, что совершивший его мужчина, возможно, шпион. И здесь нельзя спугнуть или как-то проявить заинтересованность. К тому же у милиции никаких данных по поводу личности преступника не было. Номер автомобиля — весьма косвенная улика. В посёлке видели чёрный автомобиль, номера которого были забрызганы грязью. Светку обнаружили в доме спустя двое суток. Найти по горячим следам свидетелей не удалось. Доказательств нет.

— Значит, подключаем 7-е управление и ведём слежку, — подвёл итог Владимир Петрович. — Я лично доложу наверх. Савельев, яд необычный, поищи что-то по этой теме.

Меня всё же посадили на «ножницы», рассудив, что ничего добавить по делу шпиона я не могу. Дело поручили нехитрое. Вырезай каждый день из газет статьи на определённую тематику (которую начальник указал) и вклеивай в журнал. Самих иностранных газет я не видел. Это были распечатанные переводы статей. По итогам недели выбирались наиболее значимые факты. По итогам месяца писалось донесение и подавалось начальству.

Подключили меня на разбор прессы и радиопередач Великобритании, подозреваю, с подачи Владимира Петровича. Не знаю, кто вёл раньше эту работу, но я просмотрел то, что было собрано с начала года, и сильно удивился. Чего только там, на острове, в этом году не случилось!

Бастовали врачи, требуя работы «по правилам», был принят закон о Национальном управлении по предпринимательству. Британское правительство отказалось от участия в проекте создания туннеля под Ла-Маншем. И тут же провели референдум о пересмотре условий вступления страны в Европейское экономическое содружество. Надо же, не знал, что это дело у них с середины 70-х закрутилось. Маргарет Тэтчер стала лидером Консервативной партии. Всё, капец шахтёрам и профсоюзам севера Англии.

Добавить своих замечаний по этому поводу? Написал, выдвинув предположение, что через четыре года Тэтчер станет главой правительства, и понёс свой доклад. Хорошо, что моим непосредственным начальником является Илья.

— Товарищ старший лейтенант, сочинения на вольную тему пишут в средней школе, а у нас серьёзное заведение, — посмотрел он на меня как на недоумка.

— Ты пока бумажку не рви. Владимиру Петровичу занеси, — сообразил я, что сглупил немного, но отступать и не думал.

— Он с ней тоже в туалет ходит, — не хотел брать в работу сомнительный документ Илья Андреевич.

— Про Светкиного убийцу что слышно? — поинтересовался я, сменив тему.

— В разработке у 7-го управления, — ответил Илья таким тоном, что я больше ничего не стал спрашивать, и послал меня дальше ножницами щёлкать, а не отвлекать его своими

вольными аналитическими сочинениями.

На следующее утро Владимир Петрович завернул в кабинет аналитиков сам. Прошёлся по кабинету, посмотрел, как мы работаем. Сослуживцы взялись изображать кипучую деятельность, листая бумаги на столе и чиркая карандашами. Я тоже пухлый журнал, куда клеивал вырезки, к себе придвинул, решив не отставать от других и продемонстрировать рвение в работе.

— Петров, как тебе трудится? — спросил Владимир Петрович. И что ему отвечать? Всё зашибись, всю жизнь мечтал нюхать канцелярский клей и резать статьи?

— Зайди-ка к Савельеву, — обронил генерал и вышел из кабинета.

От парочки сослуживцев я словил насмешливые взгляды. Юрка Нечаев слышал возмущённое высказывание подполковника в мой адрес, когда я выходил от него. Как раз дверь открыл, а Илья вслед прокричал, чтобы я больше у него не показывался с нелепыми сочинениями.

Ничего удивительного, что информация о моём позоре быстро разошлась по отделу. Трое моих соседей по кабинету уже были в курсе того, что я написал нечто такое, чем вызвал гнев начальства. Тут ещё и Владимир Петрович оторвал свой генеральский зад от кресла и лично пришёл с проверкой.

В кабинете меня уже ждали. Причём как-то по-семейному — три стакана чая в подстаканниках, сушки.

— Садись, — кинул Владимир Петрович. — А то, смотрю, ты там так заработался, час попить некогда.

Это он явно пошутил. Как пинают балду «портные», я знал не понаслышке. Завал в работе случался по понедельникам, когда нужно было перелопатить всё, что накопилось за выходные, и в пятницу, когда делался недельный отчёт. Среди недели сидишь, читаешь статьи из газеток или распечатки радиопередач. Не работа, а сплошной отдых.

Мы неспешно испили чаю, а после я, изобразив собачью преданность в глазах, устоялся на своих кураторов.

— Илья Андреевич, вы, конечно, с биографией старшего лейтенанта Петрова не знакомы, — продолжил начатую беседу Владимир Петрович с подколки. — Он у нас вообще-то талантливый с самого детства.

Илья недоверчиво покосился на товарища генерала. Мне пока тоже было непонятно, к чему это вступление.

— В следующий раз так называемые «сочинения» Петрова даже не читайте. Несите мне, не задумываясь, важно это или нет.

— Будет исполнено, — подобрался Илья.

— Александр Дмитриевич, у тебя ещё что-то насочинялось? — про между прочим поинтересовался генерал.

— Массовая приватизация предприятий и возможные скандалы в правительстве приведут к тому, что фунт стерлингов упадёт ниже отметки два доллара за фунт, — выдал я знания из будущего.

— Дальше, — подбодрил меня Владимир Петрович.

— Исландия в следующем году разорвёт дипломатические отношения с Великобританией, — добавил я.

— Товарищ генерал-майор, при всём моём уважении, но последнее заявление высосано из пальца! — возмутился Илья.

— Почему же? — удивился я. — Как раз уже имеются все предпосылки. Исландия давно высказывается против ловли трески в её территориальных водах. Это серьёзные деньги и престиж страны.

— Ну, вы меня поняли, спасибо за чаёк, — поблагодарил дядя Вова и вышел из кабинета. На пороге чуть притормозил и добавил: — Петров, напечатай всё, что сейчас сказал.

— Иди, самородок, работай, — отпустил меня Илья. — Почитаю на досуге твои опусы.

Я и пошёл, после погрузился не столько в свою писанину, как в размышление о тех процессах, что происходили в стране. Быть одним из винтиков грустно. Спасибо, Владимир Петрович прислушивается, но насколько он может применить полученные данные, вопрос спорный. Надеюсь, что информации по фунту стерлингу найдут применение.

Инфляция по доллару тоже была, правда, менее значительная. А ведь именно этой валютой СССР оказывал «братскую интернациональную помощь» коммунистическим партиям Запада. И будет платить миллиарды до самого развала Союза. Удивительное дело, почему те коммунистические организации тратили деньги и никакие налоговики и финансисты не обеспокоились их источниками доходов. Не верю я, что в 70-х в той же Америке была плохо поставлена налоговая служба. И тем не менее миллионы долларов «растворились» или пошли на непонятно какие дела.

Невольно мне припомнилась информация о вливании денежных средств во французскую компартию. Чего стоит коммунистка Марина Влади!

Сослуживцы, с которыми я делил кабинет, мою задумчивость расценили по-своему. Отчего-то решили, что я получил такой нагоняй, что вопрос о моём выдворении из отдела практически решён, по этой причине устраивать мелкие пакости в отношении меня стало в порядке вещей. То бутылёк клея заменят на такой же, но высохший, то ножницы спрячут, и тому подобное. словно не взрослые люди, а выпускники детского сада. С утра в курилке соберутся, что-то обсудят, помимо новостей, и давай мне козни строить.

Три дня я терпел, потом всё же решил разобраться.

— Товарищи, а что у вас было по боевым искусствам? — как бы между делом поинтересовался я. — Так кулаки чешутся морды набить, но субординация не позволяет. Никто не желает со мной устроить спарринг по самбо или дзюдо?

— Ты, стралей, не наглей, — хохотнул своей рифме Нечаев. — Вылетишь из отдела в два счёта.

— Понял, со спортом у вас не очень, — ответил я и сел строчить нормальный такой донос. Как говорится, с волками жить — по-волчьи выть.

Илья мою писюльку почитал, что-то там на ней отметил и кивнул, подразумевая, что принял мой опус к сведению. И уже на следующий день меня отсадили в отдельный кабинет, поручив разбор совершенно других документов.

В воскресенье у бабушки, поедая пироги, мы с Ильёй обсудили эту тему. Ему, оказывается, тоже несколько штук докладных на меня принесли. Я ж всё ещё комсомолец, взносы плачу регулярно и высчитываю без обмана. Другой вопрос, что они у меня отличались каждый месяц. Союз художников выплаты производил по известной только ему схеме. О моих доходах начальству известно, а вот комсorghу — нет. Когда я ему почти полтинник отслуonyявил, он не сразу понял, что это за один месяц. Бдительность проявил, «накатал телегу». Рассказывать, что это от Малого театра за портрет Елены Николаевны Гоголевой, я не стал, но такой специфический коллектив стукачей начал немного напрягать.

Повезло, что начальство отселило меня, а после нагрузило сверх меры и думать о пустяках времени не осталось. Со сверхсекретными документами я дела не имел, но с грифом «секретно» пришлось поработать.

В начале октября по агентурным каналам из Чехословакии пришло донесение о том, что ЦРУ завербовало в Колумбии советского дипломата. По имеющимся данным, этот человек получил кодовое имя Trigon, то есть треугольник. Сам документ я не видел, но получил письменное распоряжение отсортировать всех сотрудников по возрасту и датам возвращения их в СССР. Список из семидесяти человек мне был предоставлен, доступ к анкетам тоже. Увидел я нужную фамилию, как только дошёл до буквы «О». От волнения даже пальцы задрожали. Подчеркнул нужное имя и отправился к Илье Андреевичу.

— Александр Дмитриевич, — прочитал он и издал звук, напоминающий рычание льва.

— Мы за ним следим уже три месяца. Пока безуспешно, — напомнил я. — Кандидат экономических наук, спортсмен, не курит, не пьёт, тщательно следит за своим телом. Это ещё одно подтверждение того, что уже есть на него.

— Обоснование подготовь, каждого человека из списка в любом случае проверь. Всякое бывает, вдруг это другой, и у нас не один, а два предателя, — распорядился Илья.

Насчёт того, что появился новый завербованный агент ЦРУ, никто не сомневался. У нас имелся другой документ о том, что в конце 1974 года обнаружен ранее неизвестный канал радиопередач, захватывающий Москву и область. Аналитики нашего отдела предположили, что сеансы могли начаться раньше, чем нужный человек вернулся в СССР, это известный приём, чтобы отвлечь внимание от конкретного человека.

Работу с документами я продолжил. Добросовестно отсортировал всех, кто вернулся из Колумбии за последние два года. Согласно имеющимся фактам, произошла утечка информации, касающаяся переговоров в Женеве. Эти переговоры по ограничению производства ядерного вооружения велись с 1972 года, но договорённости так и не были достигнуты. Кто-то сливал американцам сценарий советской стороны. Из всего списка, что мне дали, только три человека имели доступ к Женевским документам и подходили по другим параметрам.

Агент Trigon в их число попал. Настораживало и привлекало к себе внимание то, что Александр Дмитриевич, вернувшись из Колумбии, отказался от нескольких выгодных предложений и остался работать на должности с более низкой зарплатой, чем он мог иметь, зато с доступом к секретной информации. Но наблюдение требовалось организовать за всеми. Отчёты по первым двум фамилиям я перепечатал и с этими данными направился к Илье.

— Снова у нас на этого Тригона ничего нет, — озадачился он. — Будем продолжать наблюдение.

Наружное наблюдение — долгая и кропотливая работа. Начнём с того, что связываются с завербованными агентами не каждый день, а то и не каждый месяц. Да и предателю получить действительно важные сведения не так-то просто. Не шлёт он посылки заокеанским друзьям каждую неделю. Поди поймай такого «на горяченьком».

Ситуация с Тригоном выглядела запутанной ещё и по той причине, что он, будучи работником МИДа, официально считался ещё и внештатным сотрудником КГБ. Обычная такая практика вербовать осведомителей. Конкретно этого человека вербанули в то время, когда он был простым референтом МИДа и только надеялся, что ему повезёт попасть за границу.

Первое подозрительное шевеление возле Александра Дмитриевича случилось тогда же, в начале октября 1975 года. На всякий случай наружники присматривали за парковкой, где иногда стояла «Волга» объекта. Машина, удачно припаркованная под фонарём, поздним вечером хорошо просматривалась. Появившийся со стороны полноватый мужчина выглядел пьяным. И всё бы ничего, но этот «пьяница», не удержавшись на ногах, облокотился на «Волгу». Всего пара секунд, и он двинулся дальше.

Спустя некоторое время одна из групп подошла к автомобилю, чтобы зафиксировать чуть приоткрытое стекло передней дверцы. А за тем «артистом Больших и Малых театров» выдвинулись другие наблюдатели, доведя его точнёхонько до улицы Вавилова, где были квартиры американцев, проживающих в Москве.

И собственно, до конца года о Тригоне больше никаких подозрительных донесений не поступало. Он простыл, заработав серьёзную пневмонию. Позже оформил путёвку и уехал в санаторий. Наружное наблюдение 7-е управление сняло. Зря, конечно, но доказать что-то я не мог, к тому же работы хватало и без этого.

В аналитический отдел стекалась всевозможная информация контрразведки. У меня дополнительно имелось задание по Великобритании. Генералу было интересно посмотреть, что я могу выжать из данных собранных официальным путём. «Ножницами» я уже не работал, но еженедельные отчёты просматривал. Спрогнозировал, что международный валютный фонд предоставит Великобритании заём (на самом деле помнил из истории такое), и собственно, больше ничего.

Зато по событиям в Москве поступало, на мой взгляд, много лишней информации, такие как доставка в посольство США замороженных продуктов из европейских магазинов. Ящики с замороженными овощами и соками выгрузили прямо во дворе посольства. Также перед какими-то большими приёмами из Германии в Москву привозили нечто экзотическое (цитрусовые, авокадо, свежий перец). Порой сами работники посольства делали заказы в Хельсинки, и продукты раз в две недели доставляли в посольство. Интерес ради я взглянул на перечень продуктов и цены. Нехилая накрутка за свежие овощи с поставкой в зимнюю Москву. Два кочана капусты (наподобие китайской) стоили девять долларов, ореховая паста по пять долларов за банку и так далее. То есть представляете, какой шёл тотальный контроль за иностранцами?

Любое посещение американцами ресторанов тщательно отслеживалось и проходило через наше управление. Попасть в рестораны американцы могли только по предварительной договорённости (иначе могло не быть свободных мест), имея при себе соответствующий документ. Обычно на это же время соседние столики оккупировали замаскированные работники КГБ. Давать чаевые иностранной валютой не запрещалось, но официанты не имели право их брать. Если такие инциденты случались, то это тщательно расследовалось.

Другая забавная информация была связана с автомобилями. Многие американцы, уезжая на работу в СССР, отправляли контейнеры с личными вещами, продуктами (их разрешено было пересылать до девяти сот килограммов) и машинами. Среди которых были «Вольво», «Мустанги» и прочие модели, не рассчитанные на суровую русскую зиму. Кто посмышленнее, приобретал «Жигули». В одном из документов писалось, что некая Марта Петерсон купила нашу отечественную модель оранжевого цвета. Наружное наблюдение отметило удобство слежения за таким ярким автомобилем.

Те, кто не учёл русских морозов, пытались подражать «аборигенам». Очередное донесение зафиксировало курьёзный факт. Некий работник посольства, насмотревшись на

то, как наши мужики прогревают двигатели паяльными лампами, решил перенять опыт. Отчего-то лично наблюдать за прогревом он не стал, а удалился домой. И выскочил на улицу, лишь когда загорелся соседний автомобиль.

Американцы, эти серьёзные дяденьки и тётеньки, работающие в посольстве, в первое время своего пребывания в Союзе, вели себя словно дети малые. В мороз могли выйти без шапки, за что сразу получали советы от бдительных советских граждан. Пользоваться общественным транспортом толком не умели. Разве что на метро разъезжали с восторгом и удовольствием. Мне и самому московское метро середины 70-х нравилось.

Нет толкучки, нет духоты, вентиляция справляется с тем объёмом подачи воздуха, на который она рассчитана. А стоимость проезда в любом транспорте смехотворная. В Москве его много и разного.

Самих иностранцев в Москве середины 70-х было в разы меньше по сравнению с моим временем. Наблюдение велось в основном за представителями посольства. Особенно если это была капиталистическая страна. Второе главное управление, специализирующееся на контрразведке, тщательно отслеживало контакты. Позже сложится такое общественное мнение, что КГБ следило чуть ли не за каждым жителем страны. Безусловно, такого не было. Просто имелось огромное число осведомителей. Особенно в творческой среде писателей, актёров и музыкантов.

Этих вербовали по линии 5-го управления. Чаще всего под конкретного человека. Доносить на своих коллег от осведомителей не требовалось. Мало ли что люди могли сболтнуть в ходе общения. Комитетчиков больше интересовали связи с иностранцами и родственники за границей. Ещё один интересный момент, если представитель творческой интеллигенции отказывался, то повторно его уже не вербовали, но некоторые козни КГБ мог устроить. Пример тому — кинокарьера Гурченко, которая в своё время отказалась стать осведомителем.

Чисто из любопытства я хотел бы покопаться в архивах 5-го управления, но, увы, приходилось возиться с вероятными шпионами. Что-то, конечно, перепало и нашему управлению. Так я с удивлением прочитал служебную записку о том, что в декабре 1975 года в своей новой квартире на Кутузовском проспекте Владимир Высоцкий принимал зарубежных гостей из Австрии. Это были телевизионщики, снимавшие фильм «Дети улицы театров».

Упоминание об известном актёре навело меня на мысль посетить спектакль с его участием. На «Таганке» я давно не был. Видел всего один спектакль с Высоцким. Написать Владимиру Петровичу о наркомании Высоцкого? Если истории о том, что артист был завербован КГБ, верны, то моя подсказка должна сработать. Опять же это мои предположения. Ходили слухи, что именно комитетчики были заинтересованы в том, чтобы Высоцкий подсел на иглу. В общем, я своё «озарение» предоставляю, а там уж как решит генерал. Сам я к Высоцкому точно не пойду. Не поймут меня. Вдруг за шизофреника примут и стуканут по инстанциям?

Новый 1976 год встречали привычной компанией — мои дед с бабушкой, Илья и я. Дед был плох, с кровати не поднимался. Хрипел, жалуясь на боль в груди. Пробыли мы у них недолго и уехали через час после полуночи. Илья забросил меня в мастерскую и, ещё раз поздравив, уехал к себе. Первого января я бездельничал, подъедал то, что бабушка дала с собой, смотрел телевизор. Вечером показали премьеру фильма «Ирония судьбы или с лёгким паром».

Второго числа снова вернулся на службу и погрузился с головой в дела.

А пятого января умер дед. На работе я взял несколько дней отпуска, Илья подписал мне его без вопросов. Сам он пришёл в день похорон. Пытался меня поддержать и успокаивал бабушку. Для ветерана, имеющего столько ранений, дед пожил неплохо. Но несильно это знание помогало. На поминках я пытался заглушить свою боль и выпил неприлично много водки.

— Илюха, — обнимал я старшего друга. — Ты не понимаешь... не понимаешь... — заплетающимся языком пытался что-то объяснить. — Он же для меня был чуть ли не единственным родным человеком в этой жизни. Любил деда как своего.

Илья слушать мои бредни не стал, загрузил в свой автомобиль и отвёз в квартиру. Сам не остался, но утром я обнаружил на столе бутылку кефира, как послание от него. Промучился полдня головной болью, вылакал кефир, сходил ещё за двумя бутылками. К обеду уже оклемался, напился кофе и стал вспоминать, чего наболтал в предыдущий день.

Память возвращалась частично. Ни разу за свою жизнь в этом времени я не позволял себя подобного. А ведь нас в школе КГБ учили, как пить и не напиваться. Есть такие штучки у комитетчиков. Секрет простой — до начала попойки употребить любые антациды. Самый доступный — это пищевая сода. Активированный уголь тоже подойдёт. Есть ещё дорогой и мало кому доступный метод: за два дня до серьёзной попойки начать употреблять йодосодержащие продукты: мидии, кальмары, креветки, фейхоа. Благодаря этому щитовидная железа выбросит в организм значительное количество гормонов, способствующих нейтрализации алкоголя.

После третьей-четвёртой рюмки обязательный поход в туалет. Предварительно лучше бы выпить пару стаканов воды и дальше два пальца в рот, пока алкоголь не успел впитаться и разойтись по крови.

Похороны деда сорвали все тормоза и я не задумывался о последствиях. Собственно, никто моего пьяного бреда не слышал, а Илья мог ничего не понять. Как бы не так. Заявился он вечером, притащил пирожки с ливером и пачку чая.

— Зелёный человечек, ты уже оклемался? — поинтересовался Илья. — Чаю попьём?

— О! Тёпленькие ещё, — обрадовался я пирожкам. — Стесняюсь спросить, к какой части тела ты их прислонял, чтобы сохранить температуру?

— В машине тепло, — хмыкнул Илья, ставя чайник на огонь. — Как самочувствие? Прогуляемся после на свежем воздухе?

— Прогуляемся, — обречённо ответил я.

Ничего Илья не забыл, мои слова вызвали у опытного комитетчика ожидаемые вопросы. Можно было спустить всё на тормозах и уйти в несознанку: типа был пьян и за свои слова не отвечаю. Но сначала послушаю вопросы, основное для себя я уже решил.

Начнём с того, что хитромудрому дяде Вове я никогда не доверял. У него были свои интересы, касающиеся прежде всего карьеры. На самом деле не так-то и плохо иметь дружеские отношения с генералом, но ему уже за пятьдесят. Через десять лет, когда начнётся передел власти, он будет ещё «в седле», но уже через двадцать — заслуженный пенсионер. Илья в плане перспектив устраивал меня больше. Оставалось услышать, что он хотел спросить.

— Холод собачий, — заметил я, когда вышли из дома.

— Отъедем немного, в машине поговорим.

Долго кататься по проспекту не стали, нашли место, где припарковаться, там и встали не глуша мотор.

— Сашка, так что ты там вчера заливал про почти родного дела? — без прелюдий задал Илья вопрос в лоб. Сразу отвечать не стал, сделал паузу, прикидывая, с чего начать разговор.

— Скажи, братишка, что тебе показалось странным с первого дня нашего знакомства? — не стал я отвечать конкретно на вопрос.

— Ты в свои пять лет был очень смышлённым, — не задумываясь, сообщил Илья.

— Таким умным мальчиком, что без проблем и, заметь, без учебников по истории разбирался в ситуации на Кубе, знал такие слова, как «революция» и прочие?

Илья молчал, не вставляя замечаний, видимо предполагая, что если я начал говорить, то выдам всё до конца.

— В общем, не знаю что и как. Ты же у нас атеист, да и я во всякое такое, — неопределённо покрутил рукой, — не верил. Однако моё сознание взрослого человека перенеслось хм... сквозь время и пространство, чтобы вселиться в тело мальчика Саши.

Видя недоверие в глазах друга, привёл ему некоторые факты, что он в своё время упустил.

— То есть ты наш советский человек, но из будущего, — резюмировал Илья, выслушав меня.

— Насчёт советского тут не всё так просто, — тяжело вздохнул я. — Начнём с того, что СССР в моём времени давно распался.

Примерно за полчаса я кратко и без подробностей изложил будущую историю страны.

— Сашка, брешь, — развернулся ко мне всем корпусом Илья. — Скажи, что от начала и до конца ты всё придумал.

— Не скажу. Мне нужен надёжный человек и своя команда на будущее.

Проговорили мы до середины ночи. Илья, как и положено нормальному комитетчику, предложил решить все проблемы силовым путём — «нету тела, нету дела». Пришлось кропотливо разъяснять ему, что, к примеру, убийство Брежнева ничего не изменит. На его место встанет Суслов или Кириленко. Это будет равноценный обмен.

— Уже через несколько лет у Кириленко станет заметен старческий маразм. И тем не менее убрать его с поста секретаря ЦК КПСС смогут только после смерти Брежнева, — пояснял я.

— А когда Брежнев умрёт, ты в курсе? — с надеждой в голосе поинтересовался Илья. Выдал ему всем известную дату. — А я когда? — не унимался он.

— Откуда же мне знать? — искренне удивился я. — Мы с тобой в моей первой жизни

не встречались.

— В первой жизни... — хмыкнул Илья. Он, похоже, никак не мог принять этот факт.

Я же продолжил расклад по персонам. Даже вспомнил одну историю маразма Кириленко.

— Приходит к нему один из секретарей обкомов, докладывает о разворачивающейся стройке. А Кириленко давай кричать, что в его области такой завод не нужен. «А вот Леонид Ильич сказал, что нужен», — возразил секретарь. «Вы мне бросьте вбивать клин между мной и генеральным секретарем! Мы с Леонидом Ильичом всегда думаем... — и замолчал, никак не мог вспомнить слово „унисон“. — В один унитаз!»

— Сашка, ты придумал. Скажи, что придумал. Не может такого быть, — не верил друг.

— Если бы, — покачал я головой. — Кириленко читать и писать разучится, а его будут на работу привозить. Там же и Брежнев уже будет словно мумия ходячая. Вот ещё анекдот на эту тему:

«Брежнев на заседании Политбюро говорит: „Товарищи, вынужден констатировать, что у нас в Политбюро наблюдается маразм. Например, вчера на похоронах товарища Сулова (кстати, почему я его тут не вижу?), когда заиграла музыка, только я догадался пригласить даму на танец!“».

Анекдот Илью не развеселил.

— А что Сулов?

— Серый кардинал? Предположу, что какое-то преимущество перед тем же Кириленко у него есть, но не забывай, что ему сейчас семьдесят четыре года. Умрёт раньше Брежнева. Ходили слухи о причастности Андропова к его смерти. Но согласись, когда человеку восемьдесят, проблемы с сердцем вполне ожидаемы. И инсульт в том числе. Но, собственно, я не об этих пеньках замшелых завёл разговор, а о тех, кто будет рваться в власти. Не знаю, получится ли что-то изменить в стране, но некого товарища Горбачёва лучше бы устранить. — Илья метнул на меня взгляд, а я поспешил пояснить: — На этом этапе достаточно нарыть компромата. Чуть подпортить репутацию, чтобы он не взлетел вверх.

Всё, что я хотел обсудить, за один раз не успел. Нам же с утра на работу. Попросил Илью подобрать вопросы, которые он считает наиболее важными, а я, по мере возможности, отвечу на них. Вопросов у него было много. Андропова он тоже не забыл. Я дал ему неоднозначную оценку. И снова Илья пристал со своей «ликвидацией».

— У Андропова два зама, которые докладывают о каждом его шаге Брежневу — Цвигун и Цинаев. Кто-то из них займёт освободившееся место и нет гарантии, что этот человек будет лучше.

Моё оперирование именами и должностями, которые простые смертные не должны, по идее, знать, всё больше убеждало Илью, что я ничего не сочиняю. Единственное, что он не понимал, отчего произошёл развал социалистического строя.

— Там не один фактор и не лично Горбачёв во всём виноват. Он ускорил процесс, пустив его по определённому пути.

— Какие факторы, какие? — недоумевал Илья.

— Начнём с коррупции, перекосов выпуска товаров тяжёлой и лёгкой промышленности. Национальные проблемы, которые стараются не замечать, давление идеологии, запрет на общение с иностранцами.

— Что хорошего в тех иностранцах? — перебил меня друг.

— Не само общение, а лицемерие верхушки. Они заявляют одно, а сами разъезжают по

заграницам, посылают своих детей отдыхать по путёвкам. Имеют доступ к товарам в «Берёзках», — перечислил я.

— Иначе нельзя. Откроешь границу, и всё...

— Что всё-то? — переспросил я. — Будет эта граница открыта и более-менее развитые страны сами не захотят принимать наших граждан. Знаешь, какого труда мне стоило получить рабочую визу в Великобританию?

На этом месте пришлось прерваться от обсуждения причин развала СССР и вернуться к моей персоне.

— А я ведь заметил, что не сильно ты был удивлён Лондоном. Списал на твою необычность, а ты, оказывается, лучше меня город знал.

— Я знал другой Лондон, за сорок лет даже он серьёзно изменился.

Кратко изложил те несоответствия, упомянув супермаркеты, и от них плавно перешёл к проблеме дефицита у нас в стране.

— Советский Союз на данный момент уже подсел как наркоман на «нефтяную иглу». Это не только самый простой способ пополнить бюджет страны, но и большая зависимость от мирового рынка и игр на бирже. Когда в 1985 году резко упадут цены на нефть (американцы подсуеются), то это станет крахом для многих планов.

— И что, мы ничего не сможем сделать и изменить?! — возмутился тому, что узнал, Илья.

— Вдвоём не сможем, да и группой тоже. Даже организуй мы какую-нибудь подпольную организацию, изменить что-то глобально не получится. Мы не перекроим госпланы по выпуску оборонной продукции, не изменим красивую и сытную жизнь аппаратчиков, не наполним пустые полки товарами. Плюс СССР в эпоху Брежнева начал сильно отставать от запада в техническом плане.

— Сашка, так нельзя! Нужно что-то менять!

— Угу. У нас ещё Афганская война через три года. И не предлагай пойти к Устинову рассказать, что ничего она не даст.

— К Устинову соваться не стоит.

— Афганскую войну поддержат Андропов и Суслов, — добавил я.

— И что нам остаётся делать?

— То, что и делали. Ловим шпионов, защищаем страну как умеем.

Под это дело я рассказал Илье о своих «озарениях», конкретно о генерале Полякове из ГРУ и прочем.

— Теперь мне понятно, отчего Владимир Петрович твои докладные по Великобритании велел приносить ему.

— Я лишь немного вспомнил. В основном то, что специально изучал и сдавал по тестам в Англии. Про Маргарет Тэтчер информация стопроцентная. «Железная леди» надолго станет премьер-министром.

Вопрос об Англии в очередной раз завёл Илью. Типа как я мог предать Родину. Уехал!

— Вообще-то я там работал, а не Родину продавал. Если мои услуги были востребованы, то почему бы и нет?

И снова выслушал лекцию на тему того, как я нехорошо поступил.

— Братишка, так мы всё и будем менять, — похлопал я Илью по плечу. — Вот команду единомышленников собираю. Как все замшелые мухоморы из Политбюро перемрут, так мы и возьмём власть в свои руки. Думаешь, меня просто так на экономический факультет

занесло? По-хорошему, неплохо бы юриспруденцию изучить, но законы к тому времени изменятся. О! Кстати, в 1977 году примут новую конституцию.

Илья поворчал ещё что-то и согласился «вернуться к нашим баранам». То есть к агенту Тригону. Вокруг него было всё тихо. Получалось, мы знали, а не предполагали, но доказательств не имели. Тут ещё наложились разногласия между КГБ и МИДом. Открытс разрабатывать вероятного завербованного ЦРУ агента комитетчики не могли. И вскоре наружку по этому объекту отозвали, перебросив на не менее важные дела. С этим я был категорически не согласен. Убийство Светки не раскрыто, а преступник гуляет на свободе.

— Старший лейтенант, прекрати! — наорал на меня Илья. — Всё я знаю не хуже тебя, но ты видишь, какая у нас ситуация.

— Мне что, самому за этим Тригоном ездить?

— А вот этого не нужно. Есть специально обученные люди.

— Илья, у нас же есть доказательства, — продолжал я гнуть своё.

— О чём именно? Что некий работник американского посольства, предположительно в пьяном виде, прислонился к чужому автомобилю? Кто-то видел, что он передал?

— Так-то да, — согласился я. — Ты же понимаешь, что мне он не как враг нужен, а как убийца Светки.

— Понимаю. Достанем, — пообещал Илья. — Займись тем, что сейчас актуально.

Перед очередным раундом переговоров по ОСВ-2 в Москву прилетела американская делегация. Комитетчики наружного наблюдения тщательно фиксировали маршруты передвижения американцев. Каждый шаг был запотоколирован. Не знаю, где 7-е управление выискивало резервы, похоже, парни работали без выходных с утра до ночи. Материалов собрали море! Здесь и походы американцев в кафе, театры, рестораны, официальные экскурсии по Москве, посещение книжных магазинов и просто прогулки по городу. Последние фиксировались особенно тщательно.

Наше управление тоже забыло, что такое сон и отдых. На карты наносились маршруты конкретных личностей, цветными карандашами отмечались пути, с датами и временем. Фотографий и материалов было так много, что их складывали в коробки в отдельной комнате. В сейфе это всё не могло вместиться. Комнату каждый день тщательно проверяли, а уходя, печатавали.

Как хорошо будет в будущем, когда появятся компьютеры и миниатюрные средства хранения информации. Скажу честно, я, видя, как растёт гора материалов, сильно сомневался, что мы этим всем воспользуемся и будет какой-то прок. Не думайте, что я там один дышал пылью и складировал в коробки документы. Нас пятнадцать человек работало. Делали описи, составляли подобие картотеки, чтобы, когда понадобится, быстро найти нужную информацию.

При всём при этом общественную работу и комсомольские собрания никто не отменял. Приходилось конспектировать материалы XXV съезда КПСС и выступать на собраниях. Это лицемерие сильно угнетало. Удачно я переложил часть своего груза на Илью. Теперь это и его забота. Он, кстати, прочувствовался моим заявлением по маньякам. Сильно огорчился, что я мало помню, но заявку в МВД подал. Не знаю, под каким именно соусом это дело прошло, но нам стали ещё и такого рода документы присылать.

Меня от основной работы Илья не отвлекал, но сам что-то накопал.

— По данным МВД с 1974 года в Москве появился новый маньяк, — озвучил Илья тему документов, которыми занимался. — Почерк одинаковый: выслеживает по вечерам хорошо

одетых женщин, идёт следом, убивает, отбирает ценности.

Документы и я пролистал, укоризненно посмотрел на товарища подполковника. Начнём с того, что мы не следственный отдел КГБ и этому не обучались. Во-вторых, всё, что имел Илья, не имело конкретики. И наконец, в-третьих, это не наша работа! Но Илье какая-то вожжа под хвост попала. Он возомнил себя мессией по очищению страны и меня в это дело потянул.

— В пятницу съездим в Подмоскowie. Есть одна ниточка. Походим, поспрашиваем. У меня список по дням и конкретному времени. Свидетели могут помочь связать это в цепочку.

Илья меня убедил и увлёл тем, что в рабочий день появилась возможность отвлечься от бумаг и куда-то прокатиться.

— Ты сам-то ничего не помнишь по этому маньяку? — выяснял Илья по пути.

— Не помню, — ответил я. — Видать, не самый известный.

— Около тридцати женщин убито, неужели у вас там, в будущем, такое не зафиксировали?!

— Начнём с того, что твои цифры могут быть неверными. Кто-то работает, копируя почерк, кто-то убит по другой причине и не маньяком. Их в это время было много, но в средствах массовой информации не отражалось.

— Как же не отражалось? — удивился Илья. — Щёлоков лично по телевизору выступал.

— Это в Москве, а по стране ходили невнятные слухи. В общем, я не помню подробностей. А про Чикатило Владимиру Петровичу информацию предоставил.

Поездка в Подмоскowie получилась неоднозначной, но некоего Анатолия, на которого поступили доносы от бдительных граждан (целых три штуки!), мы нашли и с родительницей его пообщались. Дамочка оказалась крупной и колоритной.

— Эльза Ивановна, — представилась она и передвинула зажатую в зубах беломорину из одного угла губ в другой. — Граждане, а ваши документы можно посмотреть?

«Граждане», то есть мы с Ильёй отрепетированным жестом продемонстрировали свои корочки. Маленькие и невыразительные глаза женщины сощурились, но в квартиру она нас запустила.

В последующие несколько минут мы проявляли взаимное недопонимание. По ходу дела узнали, что Эльза Ивановна во время войны была надсмотрщицей в лагере, после отсидела своё, сейчас работает на предприятии там же, где трудится её сын. Наконец у нас появилась возможность задать вопрос про того сына.

— Толька, а ну сюда! — гаркнула женщина так, что я чуть не подпрыгнул на диване от испуга.

Оказалось, всё время, что мы беседовали, некое запуганное существо сидело на кухне. Поговорить толком с этой особью мужского пола не получилось по той причине, что парень сильно заикался и был напуган до такой степени, что я опасался, как бы он в обморок не упал. На показания мамы ориентироваться не стоило, и мы вскоре попрощались. Правда, уезжать не спешили и прошли по соседям. Их наши вопросы ничуть не удивили. По поводу биографии Эльзы Ивановны все были в курсе.

— Сучка фашистская, — заверила одна из соседок, при этом опасливо оглядываясь по сторонам.

Почти сразу мы узнали кое-что интересное, но не по нашему делу. До семи лет все соседи были уверены, что у Эльзы Ивановны имеется дочка. Девочку мама водила в детский

сад, наряжала в платья, завязывала на голове бантик. И только в школе выяснилось, что это был мальчик. Эльза Ивановна объяснила по-простому, мол, всегда мечтала иметь дочь. Не представляю, каково было жить парню с такой родительницей, но результат воспитания мы видели.

— Он не маньяк, — пришёл я к выводу. — Или станет им позже. Я бы такую мамашу сам прибил.

— Согласен, — сопоставил Илья даты. — Анатолия многие видели дома в те дни, когда совершались преступления.

— Чего мы вообще поехали этим делом заниматься? — недоумевал я.

— Надоело в кабинете сидеть. Ты же помнишь, каким я был активным, — немного пожаловался Илья. — Тут ещё ты со своими откровениями. Захотелось активной деятельности.

— Эта деятельность нам не по профилю. Давай лучше придумаем компромат на Горбачёва.

— У меня уже есть некоторые наработки, — сообщил Илья. — Дам почитать, но после документы уничтожу.

Я тоже кое-что припомнил.

— Став первым секретарём крайкома, Горбачёв занимался больше пропагандой, а не реальными делами. Одна из его самых ярких авантур — ипатовский метод уборки урожая, — рассказал я. — Заметь, Горбачёв закончил заочно Ставропольский сельскохозяйственный институт и получил диплом агронома-экономиста. Эту авантюру он устроит на следующее лето. У нас есть время подготовиться так, чтобы вместо поздравлений от Брежнева Горбачёв получил достойную награду.

Илья потребовал подробностей, и я ему их предоставил (то, что вспомнил). Задумка по уборке зерновых была сама по себе неплохая. Специальные отряды людей с техникой срочно перебрасываются в один район, где созрели зерновые, обмолачивают зерно и убирают солому. Дальше отряд передвигается в соседний район и так далее. На бумаге выглядит красиво, а в результате потери зерновых до пятидесяти процентов.

Автор «нового метода» предложил убирать зерновые культуры отдельным методом. Вначале скосить всё, а затем обмолотить. И главное — работать не менее двадцати часов в сутки. Для далёкого от сельского хозяйства Ильи я пояснил откровенную глупость этой идеи. Обычно молотят зерно до десяти-одиннадцати часов ночи. Позже воздух охлаждается, на валки и на нескошенные хлеба выпадает роса. Продолжать работу комбайнёры должны начинать не ранее девяти утра, когда всё просохнет. То есть реально работать не более шестнадцати часов в сутки.

Горбачёвская затея была в корне безграмотной. Во влажном колосе остаётся невымолоченной треть зерна. Далее то, что собрали, складировалось на токах, где влажное зерно из-за отсутствия сушилок плесневело. Самые «рачительные» хозяева пытались скормить это зерно животным, что вызвало падёж скота. Буду честным, сам метод комплексной уборки урожая вполне пригоден, но в середине 70-х неприменим по многим причинам. Не хватает техники, оборудования для сушки и грамотных людей.

— Горбачёв отрапортует о том, что уборка зерновых в Ипатовском районе завершится в рекордно короткие сроки, и Леонид Ильич пришлёт поздравления. Нам нужно успеть дискредитировать Горбачёва до того, как он пустит информацию наверх, — пояснял я Илье своё видение ситуации. — Прикинь, его кандидатуру даже на место министра сельского

хозяйства рассматривали.

— Не помнишь, как Андропов относился к Горбачёву?

— Всячески поддерживал, и Суслов тоже.

— Ничего. Главное, мы знаем, что нужно сделать. Найду я местных ставропольских журналистов, чтобы освещали это дело в прессе. А там и документики о вредительстве подготовим. Давно такого не писали, но ты утверждаешь, что Горбачёв имеет диплом? Вот от этого и оттолкнёмся. Как это так, человек с двумя высшими образованиями ни черта не смыслит в деле, которым занимается?

Далее я припомнил ирригационную авантюру Горбачёва всё там же, в Ставропольском крае.

— Не могу назвать точно дату, — сразу сообщил Илья. — И по цифрам помню приблизительно. Что-то порядка полмиллиарда рублей профукано.

— Сколько?! — не поверил Илья.

— Не... там не все деньги пропали. В эту тему я особо не вникал. Знаю, что одна десятая часть каналов оросительной системы имела гидроизоляцию и облицовку, остальные создавали нужную видимость и километраж в отчётах на бумаге.

— Проверим, найдём кого отправить и как правильно подать, — пообещал мой друг подполковник.

На этом мы пока закруглились. Текущую работу с нас никто не снимал.

Разработкой Горбачёва Илья занялся лично. Обещал, что будут и подставные осведомители, и реальные свидетели. За месяц он успел накопать не особо много. В 1972 году на свадьбу дочери Ирины Горбачёв принял (якобы в подарок) от директора ликёроводочного завода несколько ящиков специально изготовленного алкоголя.

Бдительные граждане донос написали. В результате директора Карлову, которая всю вину взяла на себя, посадили, а Горбачёв отделался устным порицанием. В принципе, конкретно этот случай мало чего давал, но если взять всё вместе... Опять же я беспокоился, что Андропов и прочие товарищи спустят прегрешения Горбачёва на тормозах. Илья обещал, что устроит «утечку» с таким расчётом, чтобы на Западе заголосили. Типа верхушка власти откровенно прикрывает зарвавшихся партийцев. Надеюсь, что это сработает и исторический процесс пойдёт иначе.

Невольно я завидовал Мишке. Живёт парень спокойно, работает, пишет диссертацию. Познакомился с девушкой Катей. Даже познакомил её с мамой Розой. Впечатлениями не делился. Предполагаю, тут нужно видеть и слышать самому. Главное, что друг серьёзно в Катерину влюбился. Мишка вообще-то, когда хочет, может быть очень обаятельным парнем. Да так, что никто и не скажет, что это математик. С Катей он познакомился, когда девушка поступала на мехмат.

— Сидит, кулачки сжала, готовится, — рассказывал Михаил. — Ну, я и решил чуть пошутить. Повернул учебник обложкой верх и говорю: — А-а-а... Алгебра. Читал. Её в конце книги убьют.

Естественно, что на лето наши с Мишкой планы не совпали. Я вообще не думал, что у меня будет отпуск. Кто его молодому старлею, да ещё летом, даст? Оказалось, что непосредственный начальник был заинтересован в моём отдыхе. Илья мало того, что подписал разрешение на отпуск, так ещё и себя предложил в качестве сопровождающего.

— Махнём на море, — заявил Илья.

Я сразу стал прикидывать, какие маньяки, шпионы и прочие криминальные личности могут обитать в тех краях. Так ничего и вспомнил. Позже узнал, что и у Ильи намёток не было, просто ему захотелось отдохнуть. Типа с кем не бывает?

— А меня зачем с собой брать? — не понял я.

— Да одному как-то не так... Кроме того, мы с тобой толком поговорить не можем. Все по-быстрому да в спешке, — сумбурно пояснил Илья.

— По путёвке? — продолжал я прояснять для себя ситуацию.

Оказалось, что по путёвке не поедем не только потому, что их нет, но и чтобы лишний раз не светиться. По этой же причине и машину не берём. Двинемся как простые дикари на поезде. Но дикарями мы будем не самыми «дикими» (в смысле без палаток), а снимем жильё в частном секторе.

— Ты только одежду нормальную купи, — сделал я замечание Илье. — Иначе я никуда с тобой не поеду.

В Илье, в костюме и при галстукe, с короткой стрижкой, за версту был виден комитетчик. Насчёт того, чтобы он не обновлял причёску перед отпуском, я уже сказал. Хотя мне самому не нравилась мода середины семидесятых — бакенбарды, удлиненные усы и общая «лохматость» на голове. Если актёры и деятели культуры, появляющиеся на

телевидении, как-то укладывали волосы и следили за буйством растительности на голове, то обычные парни несильно заморачивались. Какой проснулся с утра, такой и вышел на улицу.

Меня же бесило то, что и в парикмахерских с трудом удавалось получить приемлемый вариант. Намучился я изрядно, пока подобрал мастера, который запомнил, что за модой я не гонюсь и стрижка «полубокс» в стиле сороковых годов мне тоже не нужна. Нарисовал ему как представлял и помнил «теннис», но слегка «заросший». Мастеру мой рисунок (фас, профиль) понравился, он его у себя сохранил и стриг меня потом по особому тарифу как модельную стрижку. Стоило на пятьдесят копеек дороже, но это была сущая ерунда по сравнению с тем, что я перестал метаться по парикмахерским.

Меня даже Владимир Петрович на общем собрании в пример ставил коллективу. Глядя на Илью, который имел схожую стрижку, можно было предположить, что он военный. Подтянутый, ни грамма лишнего, спортивная фигура, приятные черты лица. Удивительным образом с возрастом мы всё больше походили друг на друга. Мой мастер в парикмахерской так и подумал, что это старший брат. А с почти идентичными стрижками, в одинаковых серых костюмах наше сходство только усиливалось. На работе не раз и не два я ловил задумчивые взгляды сослуживцев. Нечаева перевели на другую работу, но остались те, кто помнил, что строчить на меня доносы и как-то ущемлять не стоит. Предполагаю, все решили, что мы с подполковником родственники.

— Тебе нужны джинсы и нормальные футболки, — заявил я Илье перед отпуском.

— Ты меня ещё к фарцовщикам отправь покупать джинсы, — усмехнулся он в ответ.

— Осталось у меня немного сертификатов, в «Берёзку» сходим, приоденем тебя как человека, — пообещал я.

Выбирать «Берёзку» особо не стали и поехали в ближайшую. Каково же было наше удивление, когда на парковке перед зданием встретилась знакомая чёрная «Волга» Тригона. Илья среагировал примерно так же, как и я.

— Идём куда шли, не притормаживаем, — тихо сообщил он.

— Со второго этажа будет видно, кто подходит к автомобилю, — также тихо предложил я.

Продемонстрировав на входе наличие сертификата, мы неспешно, но и не притормаживая, двинулись на второй этаж. Окинув быстрым взглядом посетителей магазина, я не увидел никого похожего на Тригона.

— К окну поближе подойдём, — повторил Илья изначальный наш план.

Вообще-то подойти так, чтобы из окна было видно парковку, у нас не получилось. Возле прилавка стояла семейная пара иностранцев, которые донимали продавщицу и разглядывали хрусталь.

Илья двинулся к соседнему прилавку, а я пристроился рядом, делая вид, что тоже интересуюсь хрусталём. Почти сразу понял, что мужчина и женщина американцы (очень характерный акцент). Кроме того, мужчине, как и мне, хорошо было видно нужный автомобиль на парковке. Кстати, его владелец вернулся и сел за руль. Уже через пару минут «Волга» покинула стоянку. Американец продолжал наблюдать совсем не за дамой, выбирающей вазочку, а за тем, что происходило снаружи.

Удачно мы так зашли. То, за чем мы посетили «Берёзку», всё же купили. Правда, Илье взяли не джинсы, а велюровые брюки приятного горчичного цвета. К ним подобрали приличные летние туфли, футболку и так называемый батник. Американцы к тому времени ушли, и мы спокойно занялись покупками.

— Когда-то ты мне покупал одежду в Лондоне, теперь я тебе, — заранее пресёк я

попытку вернуть мне потраченное рублями.

— Сочтёмся, — не стал настаивать Илья.

Наконец мы с пакетами покинули «Берёзку» и смогли обсудить увиденное.

— Это точно не встреча с агентом, — категорично заявил Илья.

— Проверка на предмет слежки, — поделился я своим мнением. — С той позиции американцу было хорошо видно, как автомобиль Тригона выворачивает на мост и никто не последовал за ним, не совершил схожий манёвр.

— Повезло, — непонятно о ком произнёс Илья.

— Накрылся наш отпуск? — задал я вопрос.

— Почему? Документы заполним, рапорт генерал-майору я подам. Пусть он сам с седьмым управлением разруливает вопрос, а мы, как и планировали, поедem в Туапсе.

Поезда этого времени в летний период, как говорил известный юморист, сплошь «бронированные». Билеты мы приобрели заранее, даже в мягкий вагон, но по той самой броне. Простому человеку купить билет крайне сложно. Нам же помогли удостоверения КГБ. Двухместное купе было шиком для многих. Народ, что попроще, и не думал тратить такие деньги. Им и плацкарта хватало за глаза. А кондиционеров и биотуалетов в это время нет. Если у нас в элитном вагоне была жара и духота на стоянках, то что говорить о плацкарте? Рисковый народ покупал что-то из еды на станциях у торгашей, несильно заботясь о своих желудках.

Мы с Ильёй питались исключительно в ресторане. Правда, ничего не пили из спиртного, чем сильно огорчали персонал. Допустим, от пива бы я не отказался, но оно всё было просроченное. Отсутствие консервантов не позволяло долго хранить бутылочное пиво.

Парочка девиц пыталась напроситься на угощение и приятное времяпрепровождение. И снова мы были непреклонны. На море подберём для себя «подруг», эти вагонные девицы доверия не внушали. Очень уж плотоядно поглядывали на извлекаемые из кошельков купюры. Причём дамы настолько были навязчивые, что поджидали нас на подступах к купе. Илье пришлось провести воспитательную работу с проводницей. Засветив своё удостоверение, он предупредил, что организовать неприятности сумеет в течение пяти минут. Народ в это время панически боится того самого КГБ. Девицы исчезли так быстро, что мы и не поняли куда. Не удивлюсь, если сошли на ближайшей станции.

— Постарайся больше не показывать, что ты такой большой начальник, — попросил я Илью, — Иначе весь отпуск испортишь. И да, мы будем снимать жильё в частном секторе. Надеюсь, тебя не смутит то, что за постой возьмут по рублю с человека?

— Не смутит, — зевнул и потянулся Илья. — Не в нашей компетенции.

— Угу, — согласился я и вспомнил подходящий к случаю анекдот:

«Что-то давно тебя не видно. Где ты работаешь?»

— В КГБ.

— А что же вы там делаете?

— Занимаемся недовольными советской властью.

— Ха! А что, есть довольные?

— Есть, но ими занимается ОБХСС».

С поиском жилья получилось не совсем удачно. Первая шустрая бабёнка привела нас в однокомнатную квартиру, где уж имелось два постояльца. Сама хозяйка ночевала на лоджии.

— Не пойдёт, — категорично отмёл я такой вариант.

Наученный прошлым опытом, я предположил, что расписанные красоты могут оказаться совсем не такими. Повезло, что таксист послушно согласился подождать минут пять у подъезда и никуда не уехал. С ним мы вернулись обратно на вокзал. Ушлая баба хотела с нами прокатиться, но Илья захлопнул дверцу автомобиля перед её носом. Не нужно было обманывать нас, завлекая квартирой со всеми удобствами.

Следующий раз мы выбрали комнату в частном секторе, правда за полтора рубля с человека. Этот вариант понравился больше. Так-то в доме было ещё две комнаты для курортников, но у каждого своя дверь на запоре. И что самое удачное — напротив проживали две дамочки. «Маринка и Иринка», как представились они.

Илья показал мне незаметно большой палец. Типа «берём», не раздумывая. Вообще-то дамы были старше меня лет на пять-семь, но Илье по возрасту подходили. К тому же у нас в планах ни к чему не обязывающий курортный роман и не более того. Братишка сразу распустил хвост.

Сколько лет знаю Илью и каждый раз поражаюсь его способностям так легко и непринуждённо выдавать дезинформацию. Мы, оказывается, военнослужащие, живём в Куйбышеве, отпуска совпали, вот и решили провести их вместе. А служба наша настолько трудна, что ни сил, ни времени нет посмотреть по сторонам. Хорошо, что здесь сразу так повезло и мы встретили двух прекраснейших особ женского пола. А то, что обе разведены и имеют по одному ребёнку, так даже плюс, а не минус.

Поскольку Маринка и Иринка уже три дня были в Туапсе, то они нас познакомили с местными достопримечательностями. Намекнули, что неплохо бы сходить вечером на концерт. В курортные города приезжает много артистов, чтобы выступить, подзаработать и немного отдохнуть. Как раз с сегодняшнего дня выступала группа «Поющие сердца».

— Обязательно ходим на концерт, — согласился Илья и увлёк нас к билетным кассам. Приобрёл самые дорогие. На самые лучшие места. Не в первом ряду, а в пятом, не посередине. После мы искали место, где пообедать. Без галстуков в рестораны соваться не стоило, да и выбор особо большим не был.

— Здесь быстро очередь проходит, — просветила нас Марина насчёт ближайшей столовой. — Мы вчера минут двадцать стояли, дольше искали место, куда с подносами приткнуться.

— Понятно, дамы. Сходите посмотрите, что вы будете кушать, скажете нам и дальше на поиски места, — сориентировался я.

Девушки моё распоряжение выполнили в точности.

— Тебе какую? — решил поинтересовался Илья, когда они удалились на поиски столика. — Рыженькую Марину или шатенку Ирину?

— Без разницы. Но кажется, девицы нас сами поделили. Марина на мне всё время висит.

— На вечер нужно вина прикупить, — продолжал разрабатывать коварный план соблазнения братишка. — Не мало ли мы презервативов взяли?

— Если не хватит, купим советского производства в аптеке. И надо бы прикинуть культурную программу на ближайшие дни. Спросим у хозяев, можно ли за домом шашлыки устроить, — дополнил я.

Про шашлыки я не просто так вспомнил, как раз мы дошли до линии раздачи и нужно было что-то брать на обед из предложенного ассортимента. Подружки посоветовали бефстроганов и категорически не рекомендовали котлеты. На гарнир была гречка и

макароны. Супы на нас впечатления не произвели, поэтому добрать калорий решили выпечкой.

— Лето, юг, а в столовой ни зелени, ни свежего салата, — возмутился я.

— Нужно самими покупать, — оценил Илья более предприимчивых курортников за соседним столом, добавивших к вторым блюдам помидоров. В общем, мы хоть и наелись, но все равно пошли на рынок. После обеда здесь уже не было особого разнообразия. Но малосольные огурцы и фрукты продавали. Прикупили яблок с персиками и уже с этой добычей поспешили на море. Больше ждать мочи не было. Хотелось уже окунуться и насладиться тем, ради чего приехали на юг.

Пляж оказался паршивым по той причине, что недавно случилась небольшая (местные так утверждали) утечка с танкера. Нефтяные пятна размером с пятикопеечную монету покрывали прибрежную полосу примерно на два метра от кромки воды. Это волнами разнесло нефть по берегу. В самом море загрязнение было не так видно. Похоже, курортники всё на себе унесли. Да и мусора у берега столько, что нефть на этом фоне не особо заметна. При этом народ активно купался, радуясь морю и погоде.

Мне же после первого заплыва показалось, что тело пахнет сырой нефтью. Долго плескаться не стали. На вечер запланирован поход на концерт, а с добыванием еды в это время не так всё просто. На пляже из того, что приносили местные торговцы, рискнули купить два пакета семечек и поспешили в магазины, пока те открытые.

Ирина рассказала, что они в предыдущий день покупали копченую скумбрию. После отварили молодого картофеля и устроили неплохой ужин.

— Картошка у нас ещё осталась, — заверила девушка.

— А рыбы нет, — отметил Илья пустую витрину.

— Мужчина, у нас мяса нет! — возмутилась продавец. — А рыбы нет в соседнем отделе.

Не сдержавшись, я хохотнул и предложил купить консервы.

— Из иваси, картошки и майонеза неплохой салат сделаем, — пообещал я. — Можно супчик из пакетов сварить.

— Годится. Завтра продумаем места питания, — решил Илья. — Давай ещё очередь в винно-водочный займи.

Вчетвером быстро приготовили ужин на хозяйской кухне и стали собираться на выход. Дамам наши шмотки из «Берёзки» очень приглянулись. Щебетать стали с удвоенным энтузиазмом. Ирина всё выспрашивала Илью, как он без женской руки управляется? Тяжело, поди? Это они ещё не знают, что мы оба с автомобилями. Это по нынешним временам свидетельство ого-го какого достатка! Про квартиры в столице я вообще молчу.

Дамы, если и видели в нас перспективных женихов, то навязчиво себя не вели. На концерт нарядились, правда, так, что я невольно присвистнул. Конечно, джинсовые юбки не для южной погоды, но свой достаток подружки продемонстрировали. Наша группа невольно привлекала к себе завистливые взгляды.

Билеты приобрели мы на некую группу «Поющие сердца». Особо за эстрадой этого времени я не следил. Всевозможные ВИА плодились как грибы после дождя. Из знакомых, тех, кто продержится на этом «Олимпе», я знал Пугачёву, но она только-только начала набирать популярность.

Похоже гигантоманией в это время увлечены все люди искусства. Художники пишут монументальные полотна, а инструментальные ансамбли собирают группы из десяти-

двенадцати человек. И костюмчики полный отстой. Конкретно у этого ансамбля рубашки были уж очень сильно украшены вышивкой. Аляпистые воротники, высокие яркие манжеты. Отчего-то мне захотелось придушить того модельера, кто разрабатывал и воплощал в жизнь этот пир для глаз.

Между прочим, репертуар ансамбля оказался знакомым. В прошлом году я смотрел фильм «Ар-хи-ме-ды», на съёмки которого был приглашён этот ансамбль. В целом вечер не разочаровал. А уж его продолжение и тем более.

Марина рассказала, что хозяйева не бдят особо за постояльцами, никто не проверяет комплектацию по комнатам. Они лично видели, как в третью комнату мужчина приводил разных дам.

Так что мы с Ильёй перемигнулись, и я ушёл ночевать с Мариной в их комнату. Единственные претензии были по поводу кровати с панцирной сеткой. Пришлось стаскивать матрасы на пол. Так и тише было, и прохладнее.

Утром мы встретились около десяти утра. Илья вид имел довольный. Думаю, и у меня было схожее выражение лица. Дамы нам на скорую руку изобразили яичницу и чай. Я поговорил с хозяйкой по поводу шашлыков на вечер. Оказалось, что и мангал есть, и шампуры. И лучше нам поспешить на рынок за мясом.

На рынке мы основательно потратились. Дядька, торговавший свининой, поинтересовался, не нужно ли молодого вина, и мы взяли трёхлитровый баллон местного алкоголя. После докупили овощей, фруктов для девушек и на такси отвезли всё домой. Пока мы с Ильёй мариновали шашлык, подружки сварили суп из пакетиков. Несильно я жалуя этот продукт, зато быстро, сытно, и можно отправляться на пляж. В самое пекло!

Почему-то народом это воспринималось нормально. Вода прогрелась, а то, что можно обгореть на солнце, неважно, за этим и приехали. Хотя я попытался из одного большого полотенца и двух палок соорудить подобие навеса. Илья по пути на пляж купил маску. Мы по очереди ныряли, непонятно что пытались разглядеть на глубине.

Ирина тоже попробовала понырять. В то время, пока наши спутницы осваивали это развлечение, мы лежали на берегу и без стеснения обсуждали их фигуры.

— И не сказать, что рожали. Следят за собой, — отметил я. — Интересно, сколько им лет на самом деле?

— Больше двадцати пяти, — усмехнулся Илья, вспомнив, что сам же и заявил, что милым девушкам всегда двадцать пять и ни годом больше.

Очередной вечер нашими мужскими организмами, изголодавшимися по женской ласке, был воспринят на «ура». Шашлык таял во рту, вино несильно било в голову. Да и пил я его мало.

— Саша, не понравилось? — выспрашивала меня Марина.

— Я спортом занимаюсь, не употребляю много. Иногда пиво, и не более того, — пояснил я.

— Завтра пива купим, — пообещал Илья.

В результате мы и литра вина не выпили. Разошлись по комнатам практически трезвые. Не знаю, во сколько угомонились они с Ириной, но я выпустил из рук свою даму, когда время приближалось к двум часам ночи. Ожидаемо, что проспали неприлично долго. Только деликатный стук в дверь заставил меня подняться и привести в порядок кровати.

Девушки быстро умылись и поспешили в летнюю кухню готовить завтрак, а мы с Ильёй решили поскрести щетину на мордах и задержались немного у рукомойника.

— Сумочка Марины в тумбочке лежала, — намыливая щёки, рассказал Илья.

— И ты сунул нос проверить документы, — продолжил я за него.

— Обязательно, — подтвердил товарищ подполковник. — Ирина по паспорту Наталья Седарчук. Тридцать два года. Не замужем, отметки о детях нет, прописана в Туле.

— Интересно как, — отметил я. — А мы им зачем? Деньги?

— Деньги, шмотки.

— Думаешь, обворуют?

— Могут просто довольствоваться тем, что мы на них тратим.

Словно подтверждая слова Ильи, дамы спросили, а не поужинать ли нам сегодня в ресторане?

— На вечер можно и пива взять, я договорилась с хозяевами, они на нас купят и в холодильнике оставят, — прощбетала Марина.

— Чудесный план, — подыграл Илья. — Пока же поспешим на пляж, думаю ещё одну маску для ныряния купить.

Собираясь на пляж, мы задумались, куда спрятать деньги и документы. Предыдущее место внутри одного матраса не выглядело уже надёжным. Из всего, что имелось в комнате, подошёл шкаф. Вдвоём мы его еле отодвинули от стены, затем вогнали булавку в заднюю стенку и закрепили пакет. Одному человеку такой шкаф не сдвинуть, а обыскивать долго комнату не получится.

— Пиво вечером пьём или нет? — мучился я вопросом.

— Посмотрим.

На самом деле ничего подозрительного в поведении наших женщин я не заметил. Они были такими же смешливыми и обаятельными. Как художник я ещё раз отметил, что фигуры отличные и детей у дам не было. На ужин, согласно озвученным пожеланиям, пошли в ресторан. Илья сам договаривался со швейцаром. Уговорил и даже при этом своей ксивой не засветился.

Официантка вначале особой любезности не проявила. В это время уважаемым считается тот клиент, который покупает много выпивки. Мы же взяли всего одну бутылку шампанского. Пришлось мне сунуть в карман фартука официантки трояк, чтобы она стала шустрее работать и перестала кривиться. Общепит советских времён это отдельная тема. В московских ресторанах, таких как «Советский», культура обслуживания на высоком уровне, а в провинции даже не стоит и заикаться про так называемую культуру. Впрочем, женщинам всё понравилось. Мы и потанцевали, и поскандалили с какими-то арами на тему того, кто даму ужинает, тот её и танцует. До мордобоя не дошло — мы ушли раньше, чем те парни спохватились.

— Сашка, с моего стакана глаз не спускаешь, — предупредил на всякий случай Илья уже дома.

Роли мы с ним поделили. Я отдавал себя в жертву, а Илья должен остаться трезвым. Полной уверенности в том, что нас хотят опохмелить, не было, но бережёного, как говорится, бог бережёт. Запомнил я только начало посиделок, то, как чистил тараньку, а после вырубил меня напрочь. Очнулся на своей кровати под какой-то бубнёж. Прислушавшись, сообразил, что это Илья диктует текст согласия на сотрудничество с компетентными органами.

— Таблетки от головной боли случайно нет? — подал я голос.

— стакан с водой и анальгин на тумбочке, — не оглядываясь, сообщил Илья и продолжил диктовать.

Позже «граждане женщины» собрали вещички и убыли на автовокзал. Как и куда они купят билеты, нас не волновало. Илья напоследок немного им пригрозил, и те должны были послушаться.

— Лет десять назад такого вообще не могло произойти, — возмущался Илья.

— Всегда были и будут подобные люди, — отмахнулся я. — На пляж сегодня не пойдём, хреново мне.

— Пей больше жидкости, активированный уголь возьми, прости, не думал, что они рискнут нас так травануть. Станет хуже, в медпункт обратимся.

— Дозу наркотика скорее всего не рассчитали. Кому-то другому могло не повезти.

— Я предупредил, что любой подобный случай в Туапсе, и мы сразу их сдадим, независимо от того, причастны они или нет. Должны убраться подальше.

Окончательно пришёл я в себя к вечеру следующего дня. Мы валялись с Ильёй на пляже, вяло переговаривались. Он выпрашивал меня о будущем и, судя по реакции, верил не всему.

— Да ладно! Про сеть мировую верю, но про то, что люди сами добровольно будут писать свои данные, ты загнул.

— Не только личные данные. Свои фото, фото родных, домашних животных, пристрастия, хобби и все будет загружено в сеть.

— Это же рай для спецслужб! — теперь уже восторгался Илья.

— Ну... где-то так. На самом деле всякие политики и известные люди будут иметь специальные сайты, где их биографии тщательно отредактируют. Криминал на страницах тех же «Одноклассников» выставлять свои лица не станет.

— И как удобно из одной страны в другую информацию передавать, — никак не унимался Илья. — А кто-то это отслеживает?

— Смотря что.

— Передачу карт, к примеру?

— Карты, в смысле спутниковые снимки, тебе любой школьник на личном телефоне продемонстрирует, ещё и с навигатором, как до того места добраться и за сколько времени пешком, на машине или самолёте.

— И что же, секретов совсем не останется?

— Секретов будет много, но там свои заморочки. Да и неважно это сейчас. Ты лучше скажи, пойдём вон к тем девушкам знакомиться?

— Соплячки мелкие, — не поддержал меня Илья.

— Тогда двинули в кино и мороженое по пути купим.

У хозяев, где мы снимали комнату, помещение напротив нашей двери недолго пустовало. Уже на следующий день в комнату поселили женщину с ребёнком.

— Здорово! — поприветствовал Илья нового соседа. — Ты откуда такой бледный и худой?

Пацан насупился и отвечать не спешил.

— Это правильно, что мама тебя на юг привезла. Как раз здоровья наберёшься, после в школе всем врагам надаёшь. Как звать-то? Я дядя Илья.

— Игорь, — неуверенно ответил мальчишка и попятился в сторону своей комнаты. — Я в школу ещё не хожу.

— Здравствуйте, — выглянул из-за двери женщина. — Я Людмила. Это Игорёк, мы из Москвы, а вы?

— В некотором роде тоже из Москвы, — напустил тумана Илья.

На пляж мы пошли вместе и после отправились обедать. Людмила категорически была против, чтобы мы их угощали чем-либо.

— Не выдумывайте. У меня есть деньги для нас Игорьком, — возмущалась она.

— Но мороженое я могу купить? — ворчал Илья.

— Не больше одной порции в день. Игорёк после болезни не отошёл.

Ненавязчиво Илья продолжал выпрашивать Людмилу о том, где и кем она работает, почему на море приехали дикарями и вдвоём.

— Отпуск летом мне, как матери-одиночке, дали, но путёвок в местное уже не было. Там только «своим» выдают. А мы на больничном почти всю весну провели, Игорёк болел, — поясняла Людмила. — Мама денег дала и отправила нас на юг, чтобы немного закалить Игорька.

— Это правильно, — согласился Илья и потрепал белобрысую макушку мальчишке. Тот по-свойски забрался дяде на колени и втирал что-то про самолёты.

— У меня папа лётчик был, — заявил он вскоре.

Наверное, я не сумел скрыть снисходительное выражение лица по поводу «папы-лётчика», а Людмила заметила.

— Муж правда летал на Ил-18. В газетах не писали. Игорёк, сбегай за панамкой, — отвлекла ребёнка Людмила и, убедившись, что сын отошёл на приличное расстояние, продолжила: — Два года назад при вылете из Пулково самолёт загорелся. Сто девять человек погибло вместе с экипажем. После я поменяла квартиру на Москву, поближе к маме. С работой немного не сложилось. Я по образованию химик-технолог, по специальности найти работу можно только в НИИ. Взяли только лаборантом, а тут ещё Игорёк стал болеть. Надеюсь, в школу пойдёт, мне проще станет.

Вскоре мама с сыном пошла купаться, а мы остались лежать возле вещей, попутно обсуждая новых знакомых.

— Между прочим, это моя привилегия сидеть у тебя на коленках, — изобразил я обиду на лице.

— Братишка, так я не возражаю! — заржал Илья и похлопал себя по колену.

— Тебе лет пятнадцать назад нужно было своими детьми обзаводиться.

— Пятнадцать лет назад у меня был ты. Но вопрос с детьми и сейчас не поздно решить, — сообщил Илья, внимательно следя за своим подопечным. Затем что-то узрел, что ему не понравилось, и припустил бегом на выручку.

— Дядя Илья меня плавать учил, — вернулся весь синий, как магазинная курица, Игорь.

— Главное, чтобы не простудился, — вытирала Людмила полотенцем мальчишку.

— Собираемся в парк на карусели, — скомандовал Илья.

Собственно, до конца нашего отдыха, на который было отведено две недели, мы так и отдыхали вчетвером. Илья позже поменял билеты, взяв для нас одно купе.

— Какие планы на будущее? — ненавязчиво поинтересовался у Ильи, подразумевая маму с сыном.

— Посмотрим. Ты же помнишь Веру, какую истерику закатила несостоявшаяся тёща, когда узнала, что я служу в КГБ.

— Людмиле ты об этом решил рассказать в Москве?

— Не раньше.

Обратно мы возвращались весело. Игорёк не давал никому заскучать. После вообще предложил Илье стать его папой.

— Понимаешь, парень, не нам с тобой это решать, — дипломатично ответил Илья.

Адресами и телефонами мы обменялись, а за пару часов до прибытия в Москву Илья показал своё удостоверение.

— Я так и подумала, что ты или милиционер, или военный, — призналась Людмила. — Надо же, подполковник.

Игорь услышал и понял из этого всего слово «подполковник» и чему-то возгордился. Повторял его до того момента, как мы вышли из вагона. Буду надеяться, что у них всё сладится.

Дома я пробыл два дня, постирался, прибравшись и, собрав вещи, поехал на электричке на дачу. Машины дома не было, как и отца. Стало быть, они с бабушкой в Валентиновке. Прикупив парочку кур на рынке и взяв свежего хлеба, поехал к своим.

— Саша, ты совсем не рисуешь, — первым делом попеняла мне бабушка. — Полмесяца на море и привёз оттуда одни фотоплёнки. Ты же талант, каких поискать. Нельзя же так!

Отец бабушкины нотации поддержал. Я фыркнул на всех и, прихватив этюдник, ушёл к Жаровым. Там всегда найдётся натура. Да и поболтать по душам есть с кем.

Бабушка с отцом отстали от меня ненадолго. Как только плов был готов, они, погрузив его на тележку, привезли к Жаровым. Тут и Максим Никулин прибежал. В общем, вечеринка намечалась хорошая. На меня надели с вопросами об отдыхе. Я рассказывал много и совсем не то, что было. Упомянул о нефти, грязных пляжах, похвалил в целом морской воздух и нёс подобную чушь.

А в субботу на дачу приехал Илья на своей машине, и не один, а с Людмилой и Игорем. Мои обрадовались, как будто встретили давно потерянных родственников. Бабушка Игорька закармила. Отец пообещал сводить на рыбалку. Людмила в первые минуты немного растерялась, но после отошла и с недоумением разглядывала картины, которыми была завешана вся дача.

— Так ты известный художник? — недоумевал она.

— Сейчас мало рисую. Даже в отпуск альбом не брал. Мы с Ильёй вместе работаем, он мой начальник, — приоткрыл я немного секретов.

— Через неделю на работу, — тяжело вздохнуло начальство.

— Ничего, не последний же отпуск в нашей жизни, — успокоил я его.

Возвращаться к трудовым будням не хотелось, а куда деваться? Из нового, что я первым делом увидел в сводках, — за Тригоном возобновили наблюдение. Не постоянное — двадцать четыре часа, только по вечерам, когда он покидал МИД, слежка велась. Но это из того, что меня волновало, а так-то бумажных дел накопилось много и во всё нужно вникать, читать, писать заключения. На то мы и аналитический отдел. Между прочим, самые тихие и серые мыши из кэгэбэшников.

Десятого сентября нашему «папе», в смысле Андропову, присвоили звание генерала армии. К слову, Щёлокову тоже. Тому я ещё понимал почему. Глава министерства внутренних дел воевал, имел боевые награды и как-то можно оправдать его желание получить такое звание. Но Андропову-то за что? Илья не сразу понял, чему я возмущаюсь.

— Человек ни разу не военный и вдруг генерал армии! — возмущался я.

— Юрий Владимирович в партизанах был, — пояснил мне Илья.

— И что, сразу, минуя все звания, генерал армии?!

— Сашка, молчи, негодуй про себя. Наше дело маленькое, — осадил Илья. — У меня другой к тебе вопрос. Двадцать второго октября мы с Людой расписываемся. Ты у меня свидетель.

— Тихо-мирно расписываетесь? — уточнил я. — Без «Чаек» с куклами на капоте и фаты?

— Скромно, — повторил Илья. — Столик на вечер в «Арбате» заказал. Игорька теща заберёт присмотреть.

— Чего вам подарить? — озадачился я.

— Что-нибудь в хозяйстве полезное. Лучше дай совет, как поступить с квартирой. У Людмилы однокомнатная на юго-западе. У меня тоже однушка.

— Так, слушай сюда, — сориентировался я. — Людмилину квартиру как-нибудь обменяйте или хитро пропишите на жилплощадь того, кого заинтересует обмен. Лучше на Рублёвку. Цены в будущем там на недвижимость будут космические. Ты же на семью

получишь квартиру в Москве и лучше с пополнением семейства не затягивай, чтобы сразу на трёхкомнатную претендовать.

— А сам почему на Рублёвке ничего не купил? — спросил Илья.

— Забыл. Теперь вспомнил. Действительно, пора уже задел на будущее создавать.

Владимир Петрович в ЗАГСе не был, но его Илья пригласил в ресторан. Мама Людмилы осталась с внуком дома.

— Что так скромно гуляем? — по-стариковски проворчал генерал.

— Так получилось, что из родни у меня оказались только Увахины и Петровы, — ответил Илья.

Людмила была уверена, что мы родственники. Её подруга, бывшая свидетельницей, заверила, что я на брата очень похож. Бабушка от посещения ресторана отказалась, и мы ещё раз планировали отметить это дело в субботу дома. В ресторане отметили само торжество, выпили шампанского, немного потанцевали, да и стали расходиться. Молодых и свидетельницу посадили в одну такси, а мы с Владимиром Петровичем подождали другое.

— Поляков вернулся в Москву, — сказал мне генерал перед тем, как забраться в салон автомобиля.

И чего такой хороший вечер испортил? Думай теперь, гадай, как и на чём подловить этого гада. На официальную поддержку семёрки не стоит рассчитывать. Самим следить? Так и Поляков оперативной работе обучался. Вычислит, забеспокоится, заляжет на дно. А нам такого не нужно. Да и где на это взять время?

В понедельник мы с Ильёй в обеденный перерыв вышли прогуляться. Кратко обрисовал ему ситуацию, честно признался, что не знаю, с какой стороны подступиться к Полякову.

— Сейчас слезка ничего не даст. Он только вернулся, вступает в должность. Не станет же он с первого дня хватать то, что под руку подвернётся, и передавать американцам. Пару месяцев имеем в запасе.

— Или больше. У него где-то дача. Я помню, что Поляков увлекался столярным делом. Сам что-то мастерил. В той мебели найдут тайники, — дополнил я.

— Ближе к зиме на дачу он не поедет, но узнать её местонахождение нужно.

— Владимир Петрович говорил, что обыск без санкции прокурора не даст доказательств преступной деятельности.

— Это он правильно сказал. Нагрянь мы сейчас на дачу и даже найди что-то, не докажем ничего. Он откажется от всего и нас обвинят в подлоге. Пока первостепенное дело — определить место дачи.

Владимиру Петровичу о том, что Илья в курсе моих «неординарных» способностей я безусловно, не рассказывал. Он свято верил в мои «озарения» и был этим доволен, но попросил Илью помочь в некой разработке неофициально. Пока. Поскольку доказательств нет. Под это дело нам выделили старенькие, неприметные жигули и три комплекта номеров к нему. А также ключи от гаража, где этот транспорт будем хранить и менять по мере необходимости номерные знаки. Документы на каждый вариант также были выданы.

Следить за генералом ГРУ начали от его места работы. Периодически то меня, то Илья Владимир Петрович оформлял в командировки. Лишних вопросов у комитетчиков задавать не принято. К тому же друзьями-приятелями я не обзавёлся и вопросы об отсутствии на рабочем месте мне никто не задавал.

До начала декабря мы выяснили не так чтобы много. Проследили немного за его женой и двумя сыновьями. Я рассказал Илье известную версию, что на предательство Поляков

пошёл по причине того, что ему не дали нужной суммы на лечение ребёнка, когда он служил где-то за границей. Мальчик умер, а Поляков возненавидел свою страну и тех, с кем работал.

— Туфта, — не поверил Илья.

— Официальная версия.

— Сам дурак, что жену и малолетнего ребёнка потащил с собой туда, где не было должного медицинского обслуживания.

— Возможно, мальчика и в Союзе не вылечили бы, — согласился я. — Но не о том речь. Он продолжал сливать информацию по людям уже будучи на пенсии. Предположу, что ему нравится сама двойная жизнь.

Дачу Полякова мы всё-таки вычислили. Один день покрутились в округе и не стали больше внимания привлекать. Снег уже выпал, а на белом следы автомобиля были отчётливо видны. К тому же жигули не вездеход, по заснеженной дороге передвигается плохо. По этой причине дачную слежку отложили на весну.

А тут новая напасть. Пятого декабря, в день конституции, на Пушкинской площади состоялась демонстрация диссидентов. Наше управление к этому делу не привлекали. Людям со стороны кажется, что КГБ только и жаждет засадить побольше народа за решётку, неформалов притесняет, хиппи гоняет, с диссидентами борется. На самом деле этим занималось 5-е управление, а не все подряд комитетчики. Зато нашему управлению, занимающемуся контрразведкой, поступали отчёты по таким делам.

Из рапортов и свидетельских показаний я узнал, что возглавил группу демонстрантов Андрей Сахаров. Первым делом они почтили память миллионов загубленных жизней. Подразумевалось убитых теми, кто служил, начиная с ОГПУ и включая КГБ. Дальше демонстранты стали скандировать: «Свободу Буковскому! Свободу Буковскому!» Также мне перепали документы по прослушке радиостанции ВВС. Иностранные журналисты словно шакалы набросились на сенсацию.

Что интересно, про саму демонстрацию я не помнил, зато прочитал в своё время интервью и одну книгу Буковского, написанную им уже в Англии. По этой причине знал немного больше, чем те, кто был свидетелем происшествия. Демонстрация подобного рода в Москве и Ленинграде довольно редкое явление. От аналитиков потребовали справки и прогнозы. Меня же на ковёр вызвал Владимир Петрович.

— Что скажешь? — задал он вопрос в лоб.

Отвечать вслух я не стал, зато написал на листке бумаги: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую бл#ть, чтоб на Брежнева сменять?»

— Ты сдурел?! — зарычал генерал.

— Э... вообще-то это не моё. И кто придумает, я не в курсе. Народное творчество, а может, чья-то провокация. Вы мне вопрос задали, я ответил.

Смятую бумажку Владимир Петрович развернул, ещё раз перечитал, но переспрашивать у себя в кабинете поостерёгся. Пришлось вечером с ним пешочком прогуляться. А морозец, между прочим, градусов двадцать пять был.

— Пойдём в метро, — сообразил дядя Вова, что мы скоро зазвоним в самых нежных частях тела.

В фойе метро было чуть теплее и поговорить можно без проблем.

— «Хулиган» — это тот самый Буковский?

— Он, его скоро обменяют, — заверил я.

— А нам что делать?

— Ничего, — искреннее удивился я. — Выпроят Буковского в Великобританию, и все дела.

— Это хорошо, — окончательно успокоился Владимир Петрович. — Пусть и дальше 5-е управление бодается насчёт него.

С Ильёй разговор на тему Буковского получился более обстоятельный.

— Как всё странно выглядит. Ты читал его книгу, которую он ещё не написал, — рассуждал заумно Илья. — И кто прав, а кто не прав в вашем будущем?

— Начнём с того, что про жертвы «кровавой гэбни» всё верно. Но конкретно этот борец за свободы у меня вызывает недоумение. Прикинь, человек сам нарывался и провёл в общей сложности почти пятнадцать лет в заключении. Из них одиннадцать в тюрьмах, остальное время в психушке. Был признан вменяемым, что удивительно для этого времени.

Илья недобро на меня посмотрел, но от комментариев удержался.

— Даже не спорь! — заявил я. — В психбольницу попадают многие инакомыслящие. Доказывать ничего не буду, сам узнаешь со временем. Так вот, Буковский до тридцати шести лет толком ничем не занимался, протестовал, сидел в тюрьмах, объявлял голодовки, страдал, а по сути получился пшик. То, чего он так страстно желал, случилось само собой, Горбачёв объявил гласность и свободу, но его снова всё не устраивало. Я так до конца и не понял, чего хотел достичь Буковский. В начале двухтысячных он даже пытался баллотироваться в президенты России. Ему отказали в регистрации в связи с отсутствием гражданства. Буковский снова начал доказывать, какой он патриот. Прожив около тридцати лет в Англии, вместо того чтобы поменять свой старый паспорт на новый, Буковский стал требовать российского гражданства. Хотя в своё время, в 1992 году, отказался от него, выражая таким образом протест против политики Ельцина.

— Получается, он добивался того, чего и сам не мог понять?

— Какая-то теория у него была. Хотя моё мнение — это человек из числа тех, кому нужен, как в том анекдоте, «другой глобус». Это моё видение ситуации. Тебе эти фамилии ничего не скажут, но запомни на будущее. Борис Немцов поддерживал Буковского. Ещё один интересный момент. Буковский подавал заявление в Лондонский суд с требованием запретить выезд Горбачёва из Великобритании, когда тот читал там лекции. Ничего не добился, конечно. Также он ненавидел всеми фибрами души КГБ и, в частности, президента России Путина как одного из бывших комитетчиков. Снова протестовал, писал петиции. Довыёживался, что им серьёзно заинтересовалась британская полиция. При обыске в доме нашли несколько тысяч порновидео с несовершеннолетними подростками.

— И чем всё закончилось? — явно заинтересовался Илья последним пунктом.

— Буковский заявил, что порнушку ему подбросили спецслужбы, которые днями и ночами только за ним и наблюдают. Сразу после того, как на него завели дело, объявил голодовку. Это у него коронный трюк, который он в тюрьме не раз проделывал, протестуя. Наверняка у него много поклонников и сочувствующих лиц. Я к ним не отношусь, имею право на своё мнение. Умер Буковский в ореоле славы политика и правозащитника.

На том мы и закончили обсуждение инцидента на Пушкинской площади.

Как я и сообщил в своём прогнозе, обменяли Буковского на Корвалана восемнадцатого декабря. Попутно я вспомнил и пожаловался Илье, что Буковский будет поддерживать бойкот московской олимпиады. Опять же это были те события, которые мы не могли предотвратить. Владимир Петрович в очередной раз порадовался моим способностям к «озарениям», только что пылинки с меня не стряхивал. Генерал, сообщая мне о том, что очередное пророчество сбылось, приосанился, не каждому смертному удаётся узнать

события будущего. Он по какой-то причине считал, что это лично его заслуга. Я не возражал, делая вид, что сильно завишу от генерала и шага не могу ступить без его одобрения.

Январь 1977 года выдался очень холодным, температура колебалась от минус тридцати до минус сорока. Нормальные люди в такой мороз из дома не высывались. Тригон затаился, наружное наблюдение ничего не давало и доказательств того, что он агент, не хватало.

Я продолжал работать аналитиком, сортируя документы. Из сводок, поступавших в январе, наиболее значимым стал взрыв в московском метро. До нашего управления информацию довели, но заниматься взрывом было кому. Я немного заскучал, перебирал в памяти, что читал когда-либо. Обидно стало, когда случился пожар в гостинице «Россия», а я вспомнил о нём, услышав в метро сплетни. Специально и по конкретному году ничего не вспоминалось. Всплывали и события, и названия книг, а вот с конкретными именами было хуже. Решил посоветоваться с Владимиром Петровичем.

— Имени не знаю, год тоже, что-то связано с архивами КГБ. Вы, случайно, не в курсе их не перевозят с одного места на другое?

Генерал покосился на меня, отбил какой-то незамысловатый ритм по столику (мы в пельменной сидели) и наконец соизволил ответить.

— Первое главное управление пять лет назад начало перевозить архивы с Лубянки в Ясенево.

— Пять лет назад, — вздохнул я, — тогда информация устарела.

— Не думаю. Архивы все ещё переправляют. Но имени ты в своих озарениях не видишь?

— Человек руководил передачей архивов... Кажется, — после небольшой паузы добавил я.

— Схожу на приём к Крючкову. Дело серьёзное. Лучше ошибиться, чем недосмотреть. Подумай, может, какие-нибудь ассоциации, детали?

— Точно не уверен. Возможно, это не к архивному работнику относится, а к Полякову.

— Давай, давай, — подбодрил меня Владимир Петрович.

— Документы, тетради хранились в молочном бидоне на даче. Вернее, закопаны там. Нет, раз дача — это точно про Полякова.

— Допустим, дача у многих имеется. У того же Тригона, так что это не показатель.

— Или бидон с документами у Тригона хранится? — совсем запутался я в своих воспоминаниях. — Но выносил листки с записями в носках точно руководитель архива.

— Вот видишь, уже деталей добавилось.

На этом, собственно, всё и завершилось. Больше ничего я из себя не выжал. Владимир Петрович не сильно расстроился, уверяя, что для первичной проверки этого хватит.

Снова потянулись серые трудовые будни. Даже в выходные дни у меня не осталось развлечений. Илья с семьёй, Мишка с Катериной. Они согласовали дату свадьбы на середину марта. А у меня ни девушки, ни работы интересной. Живописью заняться, что ли? О! Никулин обещал поговорить с Мироновым о портрете. Нужно напомнить о себе и напроситься. Не знаю, насколько Миронов тщеславен, но денег за портрет я брать не планировал. И вообще хотел написать оригинальный портрет.

Договориться о портрете с Мироновым не получилось. Он пообещал, что освободится ближе к лету. Пока не до того — шла озвучка фильма «12 стульев». Я так понял, что мне дипломатично отказали по той причине, что мы не были знакомы. Разговор по телефону, где я ссылаясь на Юрия Владимировича, впечатления на Миронова не произвёл.

Скуки ради замутил нечто на космическую тему. Потом потащился писать заснеженный пейзаж в Сокольники. Этюд получился так себе. Морозы ослабли, но краски всё равно подмерзали. А я под это дело простыл и провалялся на больничном неделю дома. С тоской переключал каналы телевизора, сожалея, что нет видеомэгафона и нельзя всю эту «сельскую жизнь» убрать с экрана.

Илья прибежал меня проведать. Варенье приволок, продуктовый набор, поругал меня за беспечность, спасибо, пообещал, что бабушке ничего не скажет. В воскресенье вечером позвонил Владимир Петрович. Его интересовало, когда я появлюсь на работе, пообещав сюрприз. Мне сразу захотелось на неё прийти, заверил, что в понедельник буду как штык. Похоже, появились некие подвижки по тем вопросам, что я набросал.

Генерал сиял как медный самовар. Встретил меня с отеческой любовью, долго тряс руку в приветствии, прежде чем сообщил, что на нас тут обрушились всевозможные блага, награды и премии.

— Взяли Митрохина Василия Никитича, он руководил передачей архивов госбезопасности. И как красиво взяли... — причмокнул губами генерал и тут же изобразил суровую мину. — Благодаря разработкам агентов нашего отдела и твоей аналитике.

Насчёт агентов Владимир Петрович явно гнал пургу. Но какие-то документы руководству Первого управления он подал. И надо же, поймали на горяченьком агента! Учитывая, какое размытое описание я дал, самому удивительно.

Видя, как меня распирает от любопытства, генерал немного подумал, сейфик открыл и папочку с документами мне дал.

— Читаешь здесь и быстро, — скомандовал он.

Особо читать там было нечего. Главное, что бидон с тетрадями в деле фигурировал и действительно хранился на даче. Документов или фотокопий Митрохин из управления не выносил. Оказывается, он просто читал, запоминал, конспектировал. Позже, уже дома, переписывал в тетрадь то, что запомнил, в развёрнутом виде. Некоторые его записи касались операций внешней разведки КГБ аж 30-х годов. Безусловно они немного потеряли актуальность, но обнаружение некоторых фактов не пошло бы на пользу имиджу страны.

— Тебя представляют на капитана, — отобрал недочитанные документы Владимир Петрович и убрал снова в сейф.

Оперативники потратили всего несколько дней на наблюдение. Затем был обыск Митрохина на проходной и дальше он уже сам «запел». Представляю, как были ошеломлены те, кто его допрашивал. Пять лет человек конспектировал особо секретные документы и никто не заметил. И если нам перепали «пряники», то в Первом управлении многим достались «кнуты».

Зато под это дело разработка Тригона возобновилась в полной мере. Наружка, следящая за работником МИДа, приволокла свой отчёт и столько фотографий, что в коробку не вмещались. Больше всего меня порадовало то, что сопровождал своеобразного курьера от 7-го управления Алексей. Обнялись, похлопали друг друга и окунулись в дела.

— Здесь маршруты вашего объекта, — пояснял Алексей. — Ничего примечательного, но наружников заинтересовало, что объект двигался на машине по Краснопресненской набережной и делал странные остановки в таких местах, которые не имели достопримечательностей. Посмотрите, вдруг что-то найдёте по ним.

Поскольку Тригон был в разработке в связи с ЦРУ, то сравнивать маршрут нужно было с американцами. Коробка с надписью «Краснопресненская набережная» у нас имелась ещё с

тех времён, когда в Москве проходили переговоры по ОСВ-2. Мало того, по этому маршруту прогулялось сразу три американца. Уже одно это могло привлечь внимание.

Далее даже накладывать карты не потребовалось. Всё видно невооружённым глазом. Правда, писанины было много. Я шесть листов напечатал, чтобы потом красиво преподнести начальству.

— Конкретно моменты передачи или закладки не зафиксированы, — читал Владимир Петрович.

— Совпадение маршрутов не может быть случайностью, — дополнил я.

— Подключаем все ресурсы управления. Будем арестовывать по подозрению в шпионаже.

Как нарочно, Тригон перестал вести себя подозрительно и ходить по маршрутам, отмеченным американцами. Не то удивительное чутьё у человека, не то так совпало. Александр Дмитриевич разъезжал по Москве с новой невестой. Читая отчёты, я скрипел зубами от злости и ничего изменить не мог.

Тригон умудрился познакомиться с дочерью секретаря ЦК КПСС Русакова, помощника Генерального секретаря. По Русакову была дана очень краткая и секретная справка о том, что он ценит профессионализм, умеет держать язык за зубами, у Брежнева на хорошем счету. По дочери, кроме фото и описания внешних данных, информации было ещё меньше.

Как дальше шла оперативная разработка Тригона, прошло мимо нас. Аналитический отдел на этом этапе не задействовали. Тут как раз и свадьба Мишкина подоспела. Снова мне была отведена роль свидетеля. Самое смешное, что я до этого ни разу не встретился с невестой друга. Как-то всё у нас не совпадало, а специально спрашивать я не хотел.

Тётя Роза особо довольной не выглядела, и я не сразу понял, отчего так.

— Твоё влияние, — проворчала она. — Миша таки решил стать Ивановым, взять фамилию жены. Это чтобы на защите диссертации лишних вопросов не задавали.

— Весьма разумное решение, — поддержал я Мишку и, взяв пакет с ленточками, поспешил на улицу украшать свою «Волгу» свадебной атрибутикой. Илья с Людмилой на свадьбу тоже были приглашены. По своим каналам Илья раздобыл «Чайку» с водителем, чем вызвал бурю восторга у Мишки.

Насколько я понял, семья Катерины из «простых». Родители живут в Томилино, работают за заводе. В Томилино на «Чайке» в сопровождении трёх «Волг» мы и направлялись выкупать невесту. Предполагаю, что это событие соседям запомнится надолго. Пусть Мишка сам по себе не особо богатый жених (пока), зато имеет друзей, умеющих пускать пыль в глаза.

Катерина внешне мне понравилась. Миленькая шатенка с карими глазами. Предполагаю, её внешность и примирила тётю Розу с выбором сына. Зато подружка невесты была типичная блондинка, которая быстро сориентировалась и начал раздавать мне авансы. Хорошо, бдительный Илья увидел мою перекошенную физиономию и уже после ЗАГСа стал целенаправленно спаивать свидетельницу. В результате в ресторане она не досидела до конца и была отправлена домой. Я под это дело выдал ключи от «Волги» вызванному Ильёй водителю. Он отвёз девушку и вернул машину на стоянку. Мишку я на всякий случай предупредил, что продолжать знакомство с Наденькой не желаю. Это чтобы случайно не дал девице мой телефон.

А так погуляли на свадьбе хорошо. Второй мой друг стал семейным и только я никак не мог определиться. Периодически меня накрывали некие ностальгические воспоминания о

прошлой жизни. То хотелось родителей проводить, то друзей. Спасибо, Илья вовремя притормаживал мои порывы, намекая на то, что и в Москве дел хватает.

Генерал сгрузил мне выписки наших аналитиков по поводу того, что некто (страна) проводит подрывную деятельность и активно вливает в экономику СССР фальшивые банкноты. Не поручусь, что «наши» не проводили подобных акций. Единственный затык у аналитиков возник с определением причастной страны. Контрразведчики носом землю рыли и на данный момент смогли показать лишь примерный район распространения банкнот. Прочитав обзорную справку экспертов по качеству купюр, я вообще не понял, что здесь можно предпринять и зачем Владимир Петрович дал мне это задание.

На самом деле документ от экспертов оказался интересным. Фальшивые банкноты были выполнены с высочайшим профессионализмом. Безупречные клише, идеально подобранный цвет и прочие детали поразили специалистов. Была версия, что матрицы украли из Гознака и орудует банда фальшивомонетчиков. Но аналитики нашего управления настаивали на варианте широкомасштабной операции ЦРУ.

Насколько я понял, мне эти документы Владимир Петрович передал по старой привычке — вдруг осенит. В этой теме специалистом я не был. Чисто с житейской стороны всегда интересовался, где и как берут подходящую бумагу для печати купюр. Таковую ведь не купишь в канцелярском отделе. Вот тут как раз мнение аналитиков разнилось. Если принять версию того, что это ЦРУ подрывает экономику страны, то их фальшивки должны быть идеальными не только в плане клише. А у изъятых двадцатипяти- и пятидесятирублёвых банкнот на сгибе чуть отслаивалась бумага. Кстати, это единственное, что сразу и чётко выдавало подделку.

Илью мои страдания над документами, переданными от других аналитиков, не особо волновали. Он готовился к летней работе и дискредитации Горбачёва. Естественно, что на службе мы это никогда не обсуждали и делились идеями после работы.

— Нужно бы в Ставрополь слетать, но пока не придумал повод, — просвещал Илья. — Думаю...

— Подожди, — перебил я его. — О! Сейчас 1977 год!

— Да, — осторожно дополнил друг. — Ты дату позабыл?

— Нет, не дату. Прикинь! Как всё в тему, просто рояль концертный из кустов сам выполз.

Про «рояли в кустах» Илья был в курсе и попросил подробностей.

— В прошлом году у Горбачёва был в личных водителях один перец, имя не припомню. Известный человек будет. Талантливый фальшивомонетчик. Кажется, это его дело я сегодня разбираю.

Илья вытряс всё, что смог, с меня. Особо я его не порадовал, заверив, что имя он узнает в отделе кадров. В свою очередь, я из той стопки документов напечатал справку о том, что фальшивомонетчик проживает в районе Ставрополя. Владимир Петрович поскрёб затылок и сообщил, что если подполковнику Савельеву нечем заняться, то он может слетать на юг.

Кольцо вокруг Баранова Виктора Ивановича уже сжималось. Сотрудники местных органов работали в авральном режиме. Работникам сбербанков и просто кассирам в магазинах было дано указание отслеживать людей, кто будет просить размен крупных купюр. Приезд Ильи только ускорил этот процесс. Начал он с водителей, быстро отыскал подходящего человека по имеющимся данным. Баранов на тот момент нигде не работал, зато дарил дорогие подарки родне. Фальшивомонетчика арестовали, а подполковник Савельев

провернул ещё одно небольшое дело в Ставрополе, договорившись с корреспондентами на серию летних статей.

С середины апреля мы с Ильёй возобновили слежку за Поляковым. Мимо дачи прогулялись пешком несколько раз. После Первомайских праздников туда приезжал грузовик со стройматериалами. В основном это были доски. Старший сын и сам Дмитрий Фёдорович перекидали их в сарай. Так-то ничего подозрительного. Но я точно знал, что Поляков начнёт мастерить тайники в мебели собственного изготовления.

— Больше не светимся на даче, — решил Илья. — Если есть материал для мебели, значит, в тайники что-то будет закладывать. На тебе поиск свидетелей для показаний и подписка о неразглашении от водителя грузовика.

— Свидетелей в дачном посёлке не будем искать? — задал я вопрос.

— Будем, но позже.

В гараже мы оставили «жигули» и пересели на мою «Волгу». Илью я подвёз до дома и отправился к родителям. Можно было и по телефону узнать, но я решил проведать отца. Давно не был, а то он скоро снова уедет на всё лето в Валентиновку. Именно по этой причине я и отправился к нему, чтобы решить вопрос с «Волгой». Одна машина на двоих не всегда удобна. И вообще, почему я до сих пор не купил свою? Денег на сберкнижке почти десять тысяч скопил. Действительно туплю. Дядя Вова приобрести мне автомобиль точно поможет. Осталось решить, что именно я хочу. Скорее всего неприметные «жигули», чем «Волгу».

С этими мыслями в голове я и вошёл в квартиру. Маман, как всегда, была где-то у подружек, а отца я застал на кухне в компании с бутылкой водки. Очень редкий случай, надо сказать. Я могу на пальцах одной руки пересчитать те случаи, когда отец вместо лёгкого сухого вина употреблял крепкий алкоголь.

— И что случилось? — первым делом задал я вопрос.

Будь отец трезвым, он бы, возможно, и не ответил, а тут сразу выдал, что у «Катеньки новый любовник».

— Был и «старый»? — зацепился за слово.

— И не один, — с недоумением посмотрел на меня отец.

М-да... Действительно, я пустил побоку общение с семьёй. Впрочем, поведению маман я ничуть не удивлён. И как её воспитывать, тоже не представляю, но осмотр вещей произвёл. Откуда у неё столько новых шмоток? Поковырявшись в секретере, я обнаружил старые сертификаты и новые чеки «Березки». Это уже совсем ни в какие ворота не лезет. Маман могла серьёзно усложнить мне жизнь. Здесь даже Владимир Петрович не отмажет.

Просидев дома часа три, я так и не дождался возвращения «Катеньки». Отца уложил спать, пообещав ему, что сам во всём разберусь. Чёрт! Как всё не вовремя! Владимиру Петровичу рассказывать такое не стоило. Зачем давать лишний компромат на себя? Придётся самому разбираться и следить за маман.

Илью, конечно, ввёл в курс дела. Он обещал прикрыть, дав возможность уйти с работы после обеда. В тайном гараже я снова обменял свою машину на «жигули» и за час до окончания рабочего дня занял место для слежения возле МИДа. Отчего-то решил, что мамашин хахаль за ней заедет. Ни фиги. Она отправилась на метро, и я, бросив машину на стоянке, устремился за ней следом. Удобно наблюдать за таким объектом, который листает журнал и по сторонам не смотрит.

И ехала маман не в сторону нашего дома, а куда-то в центр. Был вариант, что к одной из

своих подружек или в парикмахерскую. Как потом оказалось, целью посещения стала комиссионка. Наверняка маман приглянулась очередная шмотка и она решила её прикупить. Заходить внутрь я не рискнул, опасаясь, что при всей своей беспечности в относительно небольшом помещении она заметит родного сына.

Ждать пришлось минут сорок. Что удивительно, сам магазин должен был вот-вот закрыться, а маман всё не появлялась. Хорошо, я вовремя заметил режим работы и спохватился. Мысленно обругал себя за то, что не провёл разведку местности. Уверился в том, что куда маман зашла, оттуда и выйдет. Когда продавец перевернула на двери табличку, сообщающую, что заведение закрыто, повторно обозвал себя идиотом и ринулся вокруг здания, предположив, что должен быть и запасной выход.

Из него как раз выходила маман в сопровождении импозантного мужчины. Пока он запирали двери комиссионки, я разглядывал его. Мужчина был определённо младше избранницы. Правда, и маман в свои сорок шесть выглядела от силы лет на сорок. Примерно такого же возраста был и этот «объект страсти». После он увлёк маман в автомобиль. Номер я запомнил, но даже не рыпнулся, чтобы как-то преследовать. Зачем? Я его тёпленьким завтра на месте работы возьму.

Илья мне всю плешь проел, что у меня осведомителей мало. Как раз удачно присмотрел себе очередную жертву.

В комиссионку я заявился, как только она открылась после обеденного перерыва. Прикинувшись простым покупателем, посмотрел ассортимент товаров и цены на них. Нашёл стенд, где как раз были вывешены имена сотрудников, победителей каких-то там соревнований. Женские имена я сразу отмёл. Мужских было два: директор и зам. У одной из продавщиц я попробовал узнать, на месте ли директор. Оказалось, тот на данный момент отсутствует по причине болезни. Зато заместитель, Геннадий Павлович Тулин, на месте.

— Кабинет где? — спросил я таким тоном, что у женщины и мысли не возникло меня остановить.

— По коридору третья дверь, — запустила меня в подсобку продавец.

Нужное помещение я нашёл и даже постучал, прежде чем войти.

— Гражданин Тулин? — задал я вопрос и продемонстрировал удостоверение.

Мужчине сразу стало нехорошо. Он побледнел и нервно сцепил пальцы рук.

— Ну-ну... не стоит так волноваться. Я же из КГБ, а не из ОБХСС.

Но кажется, не успокоил. Над губой у мужчины теперь выступили капельки пота. Что ж его так плющит? То в холод, то в жар? Ой, не зря я сюда зашёл, не зря.

— Начнём с того, что вы мне подробно опишете, — придвинул я к нему лист бумаги, — откуда у гражданки Увахиной Екатерины Фёдоровны чеки Внешпосылторга?

— Чеки? А? — словно очнулся Тулин. — Так это не я! Это Додик Катерину снабжает.

— Вообще шикарно, — изобразил я акулю улыбку на лице. — И про Додика мне подробно на втором листке. А давайте документик для начала заполним.

— Что это? — не понял мужчина.

— Согласие на добровольное сотрудничество с компетентными органами. — И снова радостная улыбка.

— Не хочу... — проблеял Тулин.

— Неважно, — заверил я. — Придётся. Или я сумею устроить вам неприятности.

Первое шоковое состояние немного отпустило Тулина, и он начал брыкаться. Резко забыл настоящее имя Додика и где его искать. После про маман не пожелал отвечать. На

этот счёт у нас имеются чёткие инструкции и целый список рекомендаций, чем можно надавить на таких неразговорчивых. Уложились мы за час. Я получил всё что хотел, пригрозил и был уверен, что конкретно этот индивид от маман отстанет. Не уверен, что она вскоре не найдёт другого любовника. Потому следующий разговор предстояло провести с ней.

Не откладывая в долгий ящик, я этим же вечером решил навеститься к родителям. Поскольку времени до возвращения маман домой было достаточно, заехал по пути на рынок. В мясном отделе было пусто, но что-то я сумел купить в кооперативном магазине. Затем заскочил в гастроном и нагруженный как верблюд приволок продовольствие домой.

Маман по пути куда-то заезжала, в квартире появилась ближе к восьми вечера и выглядела крайне недовольной. Никак Геннадий от ворот поворот дал? Мы же с отцом, напротив, были сытыми и умиротворёнными.

— В честь чего разносолы? — раздражённо поинтересовалась маман.

— Могу я иногда родителей порадовать своим появлением?

— Ты нечасто дома появляешься.

— Появляюсь часто, да всё тебя нет, — парировал я.

Отвечать маман не стала и сосредоточилась на том, что было расставлено на столе.

— Мама, скажи, а где твой сын сейчас работает? — спросил я, придвигая тарелку с колбасной нарезкой ближе к себе.

Ответом мне стал недоуменный взгляд.

— Э... — не подобрала она подходящего слова.

— А ты в курсе, что я выполняю важную правительственную программу по модернизации экономики в приоритетных направлениях народного хозяйства?

— Да? — совершенно искренне удивилась маман и покосилась на отца, который еле сдерживал ухмылку.

— А ты в курсе, что твои общения со всякими Додиками в первую очередь компрометируют меня? — продолжил я «наезд». — Если копнут с проверками, откуда у тебя знакомства с фарцовщиками, что мне отвечать? Это, между прочим, до восьми лет лишения свободы для тебя и полный крах моей карьеры.

Маман сидела и хлопала глазами. Какие-то шестерёнки в её голове крутились. Надеюсь, что хоть немного напугал. Наличие любовников время от времени тоже буду отслеживать. А то, ишь, совсем совесть потеряла!

Насчёт покупки «жигулей» я озадачил Владимира Петровича. Он меня как-то хитро вставил в нужный список вместо себя и уже в начале июня я приобрёл ВАЗ-2103. Консервная банка ещё та, но ездить же на чём-то нужно. Илья моё транспортное средство одобрил, заверив, что именно на такой машине девочек нужно катать. Сам он мне компанию составить, увы, не может. Жена скоро родить должна.

— Я верю в тебя, — хлопнул Илья по плечу. — Дерзай!

— Какое там дерзай, — вздохнул я. — Ты видел, сколько документов из Управления «К» перебросили? Отпуск и море в ближайшее время не светят.

И только я так решил, как меня вызвал к себе Владимир Петрович.

— Петров, отправляешься в командировку в Сочи, — ошарашил он.

«Свезло так свезло», как говорил Шариков. Место командировки мне понравилось, а то, что следить придётся за Тригоном, уезжающим туда со своей невестой Ольгой, не очень.

— Берёшь этюдник, второй паспорт, где ты у нас Увахин, и корочку Союза художников. Билет на самолёт уже куплен, встречать в Адлере тебя никто не будет. Сам доберёшься до места. Путёвка есть, касательно остального пройдёшь инструктаж у напарника.

Об отъезде Тригона на юг стало известно заранее. Оперативники каким-то образом получили дубликат ключей и рассчитывали проникнуть в квартиру, пока будет отсутствовать хозяин. Авантюру провернули серьёзную, соседку по коммуналке с ребёнком срочно отправили по путёвке, предоставив горящую через местком. Квартира будет в полном распоряжении комитетчиков. На меня возложено задание следить и вовремя оповестить, если объект вдруг сорвётся с места и решит вернуться обратно.

Безусловно, я не один буду работать.

Возможность познакомиться с объектом появилась уже в самолёте. Чёткой линии поведения никто не задавал. Подразумевалось, что я ориентирую по на месте. Жаль, конечно, что в салоне я сидел слишком далеко от той парочки. Зато они меня точно запомнили, когда я зацепился ремнём этюдника (его я пронёс с собой в салон) и красиво растянулся на трапе.

— Ох ты ж, простите, — причитал я, собирая конечности.

На помощь мне кинулись сразу две стюардессы. Я сделал вид, что сильно смущён, и после весь полёт заигрывал с девушками. Пару раз с довольной улыбкой на лице я прогулялся в сторону туалета. Как раз мимо Тригона прошёл. На него не смотрел, продолжая сиять только для стюардессы. Хотя краем глаза отметил оценивающий взгляд, которым окинул меня объект.

Выглядел я, как и положено «свободному художнику», мажору — весь в ярком импортном шмотье и «шузах». Цивильная стрижка была замаскирована при помощи мелирования прядей в платиновый оттенок. Специально осветлённые пряди в моей шевелюре смотрелись дерзко и необычно. Пусть я и имел нормальную стрижку, но для поездки её растрепал и зафиксировал лаком причудливую композицию. Генерал мой новый имидж одобрил и через бухгалтерию выделил на непредвиденные расходы пятьсот рублей.

До Сочи я добирался на такси. Кто и как следил за Тригоном и его невестой, меня не волновало. Я заступал на вахту сутки спустя. Мой сосед по комнате обязан был проконтролировать прибытие объекта, и напарник не подвёл. Он даже умудрился

подслушать разговор и заранее сообщил, что Тригон с девушкой на следующий день с утра собираются в дендрарий. У меня было время сориентироваться и подготовиться к «неожиданной» встрече. На такси я доехал раньше объектов слежки и, купив билет, помчался с этюдником по аллеям. Советов мне никто не давал, но я сам решил, что мимо розария, где как раз цветут розы всевозможных сортов, девушка точно не пройдёт.

Выбранная мной нежно-кремовая роза источала восхитительный аромат. В окружении изумрудных листьев она выглядела главной царицей. Название розы было сложное на латинском, я даже не пытался его запомнить. Большинство растений имело таблички с обозначением на русском и латинском языках. Случайно я стал свидетелем забавной сценки с участием женщины и девочки, оказавшихся неподалёку.

— Мама, смотри! Этот кустик похож на тот, что у нас рядом с домом растёт! Интересно, что это такое? — спросила девчушка и тут же прочитала название на табличке, поставив ударение в произвольном порядке: «По гАзонам не хОдить», — сообщила она и примолкла. Название ей явно показалось знакомым.

Про себя я посмеялся и продолжил то, чем занимался, попутно сожалея, что не взял цветную плёнку для фотоаппарата, на этюде много цветов не запечатлею, а здесь так красиво! И так я увлёкся, сосредоточившись на натуре, что по сторонам не смотрел.

— Саша, какая прелесть! — услышал я у себя за спиной и с искренним недоумением обернулся.

Всего секунда понадобилась мне, чтобы сориентироваться, как себя вести при появлении объектов слежки.

— Мы знакомы? — отозвался я с интонацией искреннего удивления.

— Нет, не знакомы, — ответила Ольга Русакова.

— А кого вы Сашей назвали? — скосил я под дурочка.

— Это мой жених, Саша, иди сюда! — позвала она. — Помнишь художника? Он с нами летел на самолёте. Вы, оказывается, тёзки.

— Александр Увахин, — представился я.

— Увахин... Увахин... — пробормотала девушка. — Мне кажется, я что-то о вас слышала или читала.

— В журнале «Смена» три года назад печатали мои эскизы молодёжных кафе. Или в «Работнице» ещё раньше могли видеть выкройки и фото детских игрушек.

— Точно, игрушки! У меня есть котик-обормотик, — вспомнила Ольга. — Ну надо же, где можно встретить знаменитостей! — продолжала радоваться она.

Её спутник жарких восторгов не разделял, но соизволил представиться и имя невесты назвал. Позже парочка удалилась, а я спокойно продолжил воплощать в масле «царицу» роз. Первое непринуждённое знакомство состоялось. Заподозрить подставу Тригон не мог. Они сами ко мне подошли. Оккупировал это место я час назад, никого не трогал, не навязывался. Следующая встреча в доме отдыха не должна показаться преднамеренной. В день прибытия я специально на ужин ходил в кафе на набережной, чтобы не пересечься с парочкой раньше времени.

Голос Ольги звучал вдалеке и мне стоило больших усилий не поворачиваться и не смотреть ей вслед. Когда-то так же беззаботно щебетала Светка.

Вскоре я сложил этюдник, зафиксировав картонку внутри, чтобы не размазались краски и, протерев руки тряпкой, стал собираться. Непередаваемый аромат скипидара не мог перебить запах роз, но чем дальше я отходил от газонов, тем сильнее чувствовался

характерный душок. Это как раз явилось одной из причин, по которой я перестал брать в отпуск этюдник. Привлечь девушку можно и рисовальным альбомом, а запах пинена и красок не всем нравятся.

Бабушка, конечно, на эту тему ругалась. И как ей объяснить, что свою программу максимум я выполнил? Это гениальному ребёнку могли быстро и без проблем организовать встречу с Гагариным и Титовым. Мне, взрослому, получить заказ на портреты верхушки власти чрезвычайно сложно. Согласитесь, не каждому художнику станут позировать Брежнев или какие-либо президенты.

Не скажу, что я стал хуже рисовать. Напротив, с годами техника отшлифовалась, опыта и идей я имел много. Увы, этого было совершенно недостаточно. Предполагаю, что если бы я захотел и стал рваться «к вершинам», то приобрёл бы заступников и тех, кто мог подпихнуть меня дальше. Но я изначально был нацелен на карьеру в КГБ. Моё художество себя практически исчерпало. Репутацию я заработал, денег, кстати, тоже и даже продолжаю их получать. А о своём будущем я позабочусь другим образом.

С парочкой, за которой велась слежка, я пересёкся возле столовой дома отдыха.

— Мы с вами ещё и в одном месте отдыхаем?! — воскликнула Русакова при встрече.

— Так в одном же самолёте летели, — продолжал я отыгрывать роль недалёкого парня.

— Вы в МИДе работаете? — осторожно поинтересовался Александр.

— Нет. У меня мама в МИДе, а отец бывший дипломат, — пояснил я и, судя по выражению лица, полностью успокоил Тригона. — Один друг в прошлом году женился, этой весной второй. В отпуск пришлось одному ехать и по путёвке. Обычно предпочитаю гостиницы, — пожаловался я.

— Часто в Сочи бываете? — поинтересовалась Ольга.

— В первый раз.

Так, непринуждённо болтая, мы дошли до своих корпусов. За несколько минут я успел растрепать всё, что могло ещё больше успокоить Тригона. Прихвастнул, что в Лондоне выставлялся с картинами в возрасте двенадцати лет, был лично знаком с Фурцевой и искренне переживал, что она умерла (на самом деле узнал из газет и в моей жизни это ни на чём не отразилось). На разветвлении аллеи попрощался, не забыв сообщить, что пойду на море.

Дальше снова получилось, что не я к этой парочке привязался — они сами нашли меня, загорающего на пляже.

— Ольга, хотите портрет? — закинул я удочку. — А давайте купим вина. Какое-нибудь лёгкое на закуску и посидим вечером, любуясь на закат?

— Саша? — задала интонацией вопрос своему жениху Ольга.

— Сорри, сорри, Александр, — прижал я ладонь к груди, — У меня чисто эстетический интерес к натуре.

— Хорошо, — не стал тот возражать. — Только чур выбирать вино и закуски пойдём вместе.

К чему это было сказано, я не понял, но с радостной улыбкой дебила согласился на предложенные условия. Закинув полотенца и плавки к себе в комнату, я вскоре поджидал парочку на выходе. Приветливое выражение лица поддерживал с большим трудом. Мне неожиданно пришло в голову, что Светка могла рассказать Тригону, как она позировала художнику. Мою фамилию она также могла озвучить. Отчего мне такой вариант не пришёл в голову раньше? Мало того, я неожиданно сообразил, что Владимир Петрович как раз мог

рассчитывать на такое заочное узнавание. И для чего? Чтобы объект занервничал? По идее, моя задача как можно дольше удерживать его в Сочи. М-да... Рано я себя крутым перцем возомнил. С волчарами из КГБ не скоро сравняюсь по опыту плетения интриг и придумывания «игр».

В общем, не знаю, кто из нас оказался лучшим актёром. Не то я, не испепеляющий ненавистным взглядом Тригона, не то он, сделавший вид, что не слышал мою фамилию раньше. Очень надеюсь, что так оно и было.

Покупки и посещение магазинов немного затянулись. Ольга потащила нас посмотреть, что есть в рыбном.

— «Океан», — задумчиво прочитал я название огромного по нынешним меркам магазина.

Тэк-с, тэк-с. А когда было дело о сети «Океанов»? Если ничего не слышно, то, похоже, позже. Есть ещё чем Владимира Петровича порадовать. Он же спит и видит, как ему на погоны вторая звезда прилетает. С «Океаном», конечно, не всё будет просто. Слишком серьёзные люди завязаны, лично знающие Брежнева и рассчитывающие на его защиту. Это как с делом Рашидова. При жизни Брежнева совершенно бесполезно поднимать вопрос о приписках хлопка. С другой стороны, кто мне мешает рассказать об этом генералу? Пусть он голову ломает, нужно ему соваться в это осиное гнездо или нет. Илье тоже не забыть рассказать о том, что припомнилось.

Я так увлёкся своими мыслями, что совсем потерял нить разговора. Наплёл потом Ольге, что немного задумался, глядя на бетонную стену.

— А ведь на закате она наверное приобретает невероятно красивый розовый оттенок, — сообщил я спутникам и, кажется, добавил плюсик в образ художника не от мира сего.

Тригон выглядел спокойным. Похоже, он уже уверился, что на его невесту я не посягаю, а рисовать её хочу чисто из эстетических соображений.

Во время вечерних посиделок я продолжал просвещать народ о нелёгком ремесле художника. Жаловался на критиков и то, как мне не дают творчески выражаться. Сыпал специфическими терминами, хвалил волосы Ольги, пообещал ей сделать наброски с разными вариантами причёсок. Попутно вывалил информацию об овале лица, форме черепа, скулах и так далее.

Александра я тоже не обошёл стороной, похвалив его фигуру. Ненавязчиво спросил, как можно достичь такого рельефа. Он недоверчиво покосился на меня и я тут же выдал, как сам занимался в школе самбо. Перечислил все соревнования, где занимал призовые места, пусть и не первые.

Тригон в ответ кратко изложил свою биографию. Очень кратко. В целом вечер завершился неплохо, портретик подарил, вино выпили, подозрений не вызвал. На следующий день о встрече мы специально не договаривались, но я сообщил, что с раннего утра буду на море, где они при желании смогут меня найти.

Объекты слежки появились в районе двенадцати. Я к этому времени уже много чего передумал. Допустим, Тригон узнал меня, как друга Светланы. Вероятная реакция человека, завербованного в ЦРУ, когда он понял, что раскрыт, — занервничать, уехать или предложить себя в качестве двойного агента и начать сотрудничать с КГБ. На самом деле никакого беспокойства со стороны мужчины я не наблюдал. Ольга была вообще радушна и предложила составить им компанию, но я отказался по той причине, что основательно прожарился и дальше загорать не хотел, хотя и спросил о планах.

— На обед мы не пойдём, — сообщила Ольга. — Проснулись поздно, завтрак пропустили. Пришлось самим добывать еду, до обеда не успеем оголодать.

Не сильно меня это и расстроило. Напарник с газеткой расположился неподалёку и присмотрит, а обгореть на солнцепёке в мои планы не входило. Заинтересовало, конечно, как решают вопросы сексуального плана в доме отдыха. Насколько я знаю, неженатую пару в одной комнате не должны поселить. Почти сразу я передумал спрашивать и сосредоточился на другом вопросе. Ольга предлагала отправиться с автобусной экскурсией на озеро Рица.

Отправление автобуса было в половине шестого утра. В пути три часа. Не особо мне такой отдых нравился, а куда деваться? С остановками на туалет добирались мы до нужного места больше трёх часов. Места и вправду были красивые. Мы много фотографировались, затем покупали у местных сувениры, посетили дачу Сталина, пообедали в заведении для таких туристов. Сейчас здесь тихо и спокойно. Через двадцать лет я не рискну отправиться на экскурсию в Абхазию. Пока же местные жители приветливы со всеми.

Вернулись обратно мы уже перед ужином. Тригон что-то недовольно выговаривал Ольге. Насколько я понял, красоты пейзажей он, как и я, не оценил и не понял, зачем так далеко было переться. Нужно его на какую-нибудь небольшую морскую прогулку сманить.

Через день я предложил такой вид туристического отдыха. Специально мы не искали экскурсию. Зазывала на набережной приглашал совершить путешествие на прогулочном катере. Погода в этот день была не очень. Пасмурная и ветреная. На пляже в начале июня не слишком комфортно — вода холодная.

Про что рассказывал тот зазывала с мегафоном, я толком не понял.

— Саша, отправление через пятнадцать минут, — расслышала что-то Ольга и поторопила своего жениха и меня заодно. — Давайте бегом, у меня как раз бублик в сумке. Будем чаек кормить. Саша, — это уже мне. — Вы нас сфотографируете с чайками?

— Обязательно, — пообещал я и припустил следом.

— Экскурсия полтора часа... вы увидите... и вернётесь обратно... — распинался зазывала.

Желающих покататься особо много не наблюдалось. Тётка, продававшая билеты, попросила быть осторожными на трапе, а молодую семейную пару с малышом вообще завернула.

— Вам же русским языком сказано, что волны два-три балла, с детьми не рекомендуется.

Насчёт русского языка я бы поспорил. Матюгальник зазывалы имел паршивый звук. Про что он там рассказывал, я понимал через слово. В любом случае у меня свои задачи. Если объекты решили покататься, то и я последую за ними. Мы поспешили занять места, пока нас не опередили другие желающие. Небольшое судно покачивалось, но не критично.

— Пойдёмте наверх! — предложила Ольга, подразумевая верхнюю палубу.

— Там будет холодно на ветру, — предположил я. — К тому же чайки предпочитают лететь за катером. С кормы удобнее кидать им хлеб.

Прогулочная посудина тем временем запыхтела, подала звуковой сигнал об отпадении, моряк отвязал канаты и убрал сходни. Ольга стала уточнять у своего жениха, как правильно это всё называется. И вообще, почему он не стал капитаном?! Это же так романтично!

— У меня морская болезнь. Неявно выраженная, но в сильный шторм укачивает, — сообщил Тригон.

Ля! А раньше он не мог об этом сказать? Три балла — это много или мало? Как-то я раньше над своим телом эксперименты подобного рода не ставил. В прошлой жизни проблем с вестибулярным аппаратом у меня не было.

Ольга продолжала выяснять, как вообще определить морскую болезнь. Если её не укачивает в автобусе, то это значит, что и на море не будет проблем? Выслушать симптомы и советы она не успела по той причине, что по громкоговорителю начал вещать экскурсовод, рассказывая про славное боевое прошлое мест, мимо которых мы будем проплывать.

С десятков чаек летели за плавсредством и Ольга успешно скормила им бублик. Я щёлкнул несколько кадров и почувствовал, что стала болеть голова. Ещё и запах от двигателя, который приводил в движение посудину, раздражал. К тому же скорость увеличилась.

— Ух! Ух! — восторгалась группа молодёжи, сидящая на сиденьях через проход.

У меня на каждый такой «ух» что-то нехорошо ёкало в районе горла. А потом я почувствовал тошноту. Отчего-то амплитуда скачков по волнам стала казаться сильнее. Какие три балла, да тут все девять! Вон как брызги летят! Эти экскурсоводы совсем с головой не дружат? Кто им позволил народ в бушующее море вывозить?

— Саша, пусти! — неожиданно сорвалась с места Ольга и, переступив через его ноги, кинулась к бортику. Звук, издаваемый девушкой, был более чем понятный.

Наверное, ещё минут пять я стеснялся последовать её примеру. Но тут кого-то стошнило с верхней палубы. Нас обдало своеобразным душем из морских брызг и... того самого, и я вывалил обед за борт.

Наша компания разделилась. Теперь мы не сидели дружно на одной скамье, а каждый отыскивал для себя свободное место у бортика. Другие пассажиры тоже довольно быстро перераспределились. Те, кто не ощущал морской болезни, ушли на нос, заверяя, что там не так сильно качает. Всё может быть, но носу окна застеклённые, а мне сподручнее, когда открытый бортик рядом.

К тому моменту, как посудина развернулась и взяла курс на Сочи, мой объект наблюдения лежал пластом на скамье, судорожно подрагивая всем телом. Еды и жидкости в наших организмах не осталось, а спазмы продолжались. Мы здесь не помрём? А то меня генерал убьёт, если с Тригоном что-то случится.

Швартовку я помнил смутно. Втроём мы, шатаясь, вышли на пирс и стояли некоторое время, покачиваясь рядом с такими же бедолагами.

— Жалобу на них нужно написать, — выдала оригинальную мысль Ольга.

— Нас предупреждали о волнах, — напомнил я. — Сами согласились.

— У пирса не такие сильные волны, — прошептал Александр.

— Нужно воды попить, — сообщил я. — У нас сейчас обезвоживание.

Возле уличного фонтанчика мы надолго задержались. Пили, умывались, снова пили. Ольга сообщила, что лучше не оглядываться и на море не смотреть, иначе начинает тошнить даже на расстоянии.

Представляете, каким меня сине-зелёным застал сосед по комнате? Всполошился, заволновался. Успокоил его тем, что всё нормально. Объект цел, невредим и имеет чистый желудок.

В Москву я улетал на день раньше Тригона. Свою задачу я выполнил, проследил, познакомился. Дальше его поведут без меня. В целом отдохнул неплохо, пора и на работу. Это Саша Увахин мог позволить себе длинные каникулы. К слову, второй паспорт мне изготовили почти сразу, как я приступил к работе в КГБ. Вопросов ни у кого не возникло. По деятельности службы некоторые комитетчики имеют удостоверения разных служб. Про загранпаспорта я вообще молчу.

На самом деле, как и где изготовлялась подобная полиграфия в КГБ, я не был в курсе. Это в прошлой жизни пришлось столкнуться с работой специалистов РЦ. Если иностранец терял паспорт, то его «находили» и возвращали владельцу в очень редких случаях. Подобного рода документы всегда пересылают по инстанции. У экспертов должны быть самые свежие сведения об изменениях секретных отметок в паспортах, штампах виз и прочих нюансах. Иностранец, к примеру из ГДР, мог потерять документ где-нибудь в Крыму, а отсылали паспорт секретной почтой в разведцентр того округа, чьи специалисты курировали данную страну. Много, конечно, ГРУ оставляло у себя в Москве, но и окружным РЦ перепадало.

Естественно, госструктуры не только в СССР, но и в других странах занимались подделкой удостоверений личности. Всё делалось на высочайшем уровне. Не кустарно сляпанный документ на коленке, а профессиональная работа. Печати и штампы отливались неотличимые от оригинала.

Мой же паспорт на Увахина был самый что ни на есть настоящий. Правда, постоянно иметь при себе я его не мог и сдал вместе с отчётом после завершения задания.

С Ильёй созвонился сразу, как вернулся. Искренне порадовался рождению его сына, пообещал зайти в выходные дни отметить это событие.

— Жду на работе. Много чего интересного случилось, — ответил он на мои поздравления.

Отчего-то я подумал, что это касается обыска, устроенного в квартире Тригона. Как потом оказалось, информацией следственное управление не поделилось. Что и как нашли, прошло мимо нас.

Илья радовался тому, что арестовали Бирюкова, того маньяка, который младенцев воровал. Из плохого — взяли мужчину после совершённого первого убийства. Доказательств, видите ли, недостаточно! А то я не в курсе, как эти доказательства в милиции добывают. Если бы захотели, то за сутки получили бы чистосердечное признание.

— Людмилу застрашал, — рассказывал Илья. — Она над Антоном трясётся. Гулять с коляской ходят вдвоём с тещей. Та отпуск взяла на первое время, чтобы помочь.

— Маньяка арестовали, больше таких не припомню, — постарался я успокоить Илью. — По другим нашим делам есть подвижки?

— Какие подвижки? — отмахнулся мой начальник. — Ты чего волосы не перекрасил? Зайди вечером обязательно в парикмахерскую и иди, телетайпные ленты разбирай. Там для тебя по приказу товарища генерала копии сложили.

Полистал я документы без особого энтузиазма. Мысли были о другом. После вообще убрал все статьи и принялся печатать для Владимира Петровича своё «озарение» по сети магазинов «Океан». Изложил только те факты, которые легко проверялись.

«На рыболовецких судах в море во время качки получить точный вес тары с рыбой невозможно». Написав эту фразу, я невольно передёрнул плечами, вспомнив экскурсию на прогулочном катере. После нам сообщили, что на момент возвращения к берегу катера волны были уже четыре балла. Но даже при меньшей качке точно до грамма взвесить рыбу не получится. По этой причине рыбаки всегда накидывают в ящики несколько лишних килограммов, чтобы не было недостачи.

Те, кто принимает товар, бдительно следит за этим. И излишки получаются солидные, до сотни килограммов с каждого улова. А это неучтённые деньги и возможности совершать махинации. Без фамилий, но достаточно подробно я расписал схему и то, что главные устроители этой аферы активно скупают валюту.

— Что же ты всё таким озаряешься, что нам не по профилю? — поворчал немного Владимир Петрович и забрал листки.

Это я ему ещё про Рашидова и хлопок не написал. Действительно не по теме того, чем должно заниматься 2-е управление. И вернул генералу вопрос о Тригоне. Этот как раз-таки должен проходить полностью по нашему управлению, а все наработки отдали следователям.

— И без тебя есть кому заниматься этим делом, — осадил меня генерал.

Примерно я так и подумал. По оговоркам и тому, что происходило вокруг Тригона, стало понятно, что доказательства шпионской деятельности имеются косвенные, но генералы надеются получить из него двойного агента. Будем надеяться, что всё сложится удачно.

В гости к семейству Савельевых я отправился, предварительно посетив «Берёзку», чтобы прикупить для мелкого Антона дефицит. На самом деле хотел вначале в «Детский мир» сходить. Попутно вспомнил, что осведомителей нужно навещать и не давать забывать о себе. Осведомители требуют заботы и постоянного внимания.

Завернул я в знакомую комиссионку, чтобы напомнить о себе замдиректору, и никак не ожидал, что он проявит гражданскую сознательность.

— Геннадий Павлович, не соскучились? — радостно поприветствовал я Тулина. — Как дела, как здоровье?

— Вашими молитвами, — процедил он сквозь зубы.

— Надеюсь, документики написали?

— Подготовил, — ответил мужчина, чем меня сильно удивил.

И что мы имеем? «Гражданка Увахина принесла восьмого числа на комиссию новые импортные туфли, предположительно приобретённые в „Берёзке“». Нет, ну что за дрянь! Это я про маман. Ни страха, ни совести. Пора применять более жёсткие меры. Тулина я поблагодарил и помчался домой. Родительницу не застал, а отца ввёл в курс дела. После мы с ним на пару устроили шмон в квартире. К тому времени, как подъехал по моей просьбе Илья, перевернули вверх дном шкаф в спальне и секретер. Чеков нашлось на семьсот рублей. Плюс новые вещи в упаковках: колготки женские, нижнее бельё, несколько блузок и джинсы.

Илье я кратко обрисовал ситуацию, показал документ от осведомителя и попросил помощи.

В этот раз прессовали маман по полной программе. Илья своей корочкой кэгэбэшника помахал (меня по-прежнему не светили), затем друг перечислил номера статей, которые положены за спекуляцию и незаконную покупку чеков. Маман рыдала, клялась и божилась, что никогда больше, и так далее. Не уверен, что никогда, но присматривать за ней буду. Чеки

изъял в свою пользу, за моральные, так сказать, издержки.

Вот с ними и сходил в «Берёзку», закупив для Антошки почти на двести рублей разных приятных мелочей и одежду на вырост, не забыв и про Игоря. Людмила ахнула, всплеснула руками, когда распаковала всё, что я принёс. Илья хмыкнул и потащил показывать своего «богатыря».

— Мелкий совсем, — пожаловался мне Игорёк. — Я ему буквы показывал, а он даже не разговаривает.

— Ничего, вырастет. Посмотри, какой у него папа! Будет и у тебя большой брат, — приободрил я мальчишку.

Посидели немного, отметили рождение нового человека. Снова поздравил Илью, да и вернулся домой. С нашей службой лучше иметь по утрам светлую голову. Хотя меня давно ни на какие авральные дела не срывали. И только-только так решил, как меня вызвали на работу.

— Петров, машину за тобой послали. Срочно в управление! — разбудил меня звонок от Владимира Петровича.

Собрался я без вопросов и вскоре мчался на служебной «Волге» в сторону Лубянки.

— Наш художник и аналитик, — представил меня неким товарищам Владимир Петрович. — Тригона он рисовал не один раз, к тому же лично общался.

— Значит так, товарищ капитан, — кивнул мне на место за столом один из начальников, — в ходе операции и ареста гражданина Огородника произошло ЧП. Он успел проглотить капсулу с ядом и умер в реанимации.

Чем дальше меня вводили в курс дела, тем сильнее отвисала моя челюсть. Допустим, фамилию Тригона, что он Огородник, я позабыл за давностью лет, но сами события и ключевые точки фильма «ТАСС уполномочен заявить», снятого по реальным событиям, я знал. И самое главное, что книгу Марты Петерсон «The Widow Spy» читал. Меня же продолжали просвещать, поставив непосредственную задачу — подобрать наиболее похожего внешне сотрудника, которого можно как-то загримировать и выдать за Тригона.

Отказываться от задачи я не стал, хотя и знал полную её бесполезность. Не понадобятся ни двойник, ни вторая «Волга» с номерами Огородника. Не следили американцы за Тригоном. Они так опасались скомпрометировать своего агента, что и близко к нему не приближались. Сама Марта^[2] ни разу не встречалась с агентом. Именно она передавала большинство так называемых посылок. У Юлиана Семенова и в фильме американец был мужчиной, на самом деле работала женщина, за которой спецслужбы вообще (!) не следили и не подозревали. Сработал стереотип и общепринятое мнение о том, что агентом может быть только особь мужского пола.

Свою работу по подбору сотрудника, которого можно было загримировать под Огородника я выполнил быстро, отсортировав по фото. Их уже предварительно отобрали по росту и возрасту. Мне оставалось лишь чуть дополнить. Прямо на фотографии карандашом я подрисовал детали и сообщил, что конкретно этот сотрудник подойдет при условии, что его не будут близко разглядывать.

Несмотря на то что время приближалось к трём часам ночи, Владимир Петрович увлёк меня к себе в кабинет. Никак по моему лицу понял о том, что я могу дополнить информацию.

«Марта Петерсон», — написал я на листке. Давать больше сведения не собирался. И без моего участия неплохо сработают.

Для Ильи рассказ на следующий день получился более объёмным.

— Прикинь, не сопоставил то, что лежало на поверхности! — возмущался я. — И вспомнил об этом агенте, когда меня попросили подобрать человека для двойника.

— Нежели про нас кино снимут? — обрадовался Илья.

Я посмотрел на него, как на дитя неразумное. Он что, вправду поверил, что будут фигурировать имена людей, задействованных в разработке? Пришлось просветить на эту тему. У Юлиана Семёнова немного не так, как в реальности происходило дело. К тому же я не уверен, что действительно Тригон проглотил капсулу с ядом. Это самый мутный момент в этой истории. Марта в автобиографической книге уверяла, что здоровье агента в последнее время было не очень. Они ему даже витамины передавали. Тригон жаловался на сердце, на то, что выпадают волосы и так далее.

— Ему реально могло стать плохо во время ареста и сердечный приступ не исключён, — пояснял я Илье. — Или как вариант, глотнул капсулу с ядом, но не раскусил. Тригону промывали желудок, а на другие симптомы могли не обратить вовремя внимания.

— А что по этой Марте? — продолжал интересоваться Илья.

— Возьмут её на месте закладки, — заверил я.

— И зачем? Можно ведь продолжать работать. Никто ж не в курсе, что Тригон умер.

— Хм... Большая политика. Генералы уже доложили Андропову. Он, в свою очередь, Брежневу. Какая игра и подставные агенты, когда можно американцев мордой по столу повозить?!

— Убийца Светки умер, — напомнил мне Илья.

— Да, умер. И это лучший вариант из всех возможных. Ему могли сохранить жизнь и долго использовать в шпионских играх.

Снова вернулись к личности Марты и её книге.

— Не думай, что я читал стопроцентно достоверный документ, — осадил я Илью. — О многом она могла умолчать или просто забыть. Ты о другом подумай. Я уже влияю на историю и её ход. В прошлой реальности погибла другая девушка. И остальные события могли отличаться. Марта Петерсон уверяла, что два раза передавала яд в капсулах, замаскированных в колпачки ручек. И писала чисто американский бред на тему того, как она долго и сильно переживала, мучилась морально, прежде чем в очередной закладке передать завербованному агенту специальную ручку. Ладно, она сама, но руководители ЦРУ тоже сильно страдали, прежде чем отправить яд.

— Да ну? — не поверил Илья, но тут же понял, что я произнёс последнюю фразу с сарказмом.

— Я поднял имеющиеся у нас документы. По ним получается, что Марта появилась в Москве в октябре 1975 года. По отчётам службы наблюдения она приобрела «жигули» яркой расцветки в конце осени, а Светка умерла от яда в мае. Так что про душевные муки это полная туфта. Дело считай закрыто. Лучше поговорим про Горбачёва.

— Да что говорить? — скривился Илья. — Тут два варианта: или сработает, или нет. Я, конечно, подключил кого можно. Информация в газетах появится раньше, чем среагируют наверху, но возможны любые непредвиденные ситуации.

В деле Тригона от меня больше ничего не зависело. Оставалось только ждать и припоминать детали из книги. Американцы действительно не будут знать и иметь информацию о своём агенте ровно до того момента, пока СССР сам не объявит о его судьбе. Переговоры по ОСВ-2 завершатся с нужным для нашей страны результатом. И не по той

причине, что кто-то продолжал «игру на два фронта», а потому, что ЦРУ потеряло информатора.

В этой реальности сценарий событий подготовки задержания Марта Петерсон разворачивался немного по-другому. За Тригоном следили уже давно. Наш аналитический отдел гарантировал, что сигнал о готовности к контакту подаётся, когда «Волга» Огородника оставляется на парковке. С вопросами по поводу, где должна ставиться метка губной помадой, к аналитикам всё же обратились. Но там и без меня нашлись умные люди, которые сообразили, что это дорожный знак «Дети».

Задержание агента ЦРУ — Марты Петерсон — прошло успешно. Нам перепали копии документов и поздравления от Андропова лично.

Вроде бы операция была секретной, а всё управление поголовно ходило с сияющими лицами. Как же! Шпионов разоблачили, не зря хлеб едим. Один я чувствовал неудовлетворённость своими действиями. Мало того, что не узнал известную личность шпиона, так и особого участия в его разработке не принимал.

Илья успокаивал, заверяя, что у нас работы хватает. В «Комсомольской правде» Ставрополя уже напечатали статью о сомнительных методах уборки урожая. «Диверсия или некомпетентность?» называлась статья. Саму газету мы не видели, получили по телетайпу копию текста.

— Завтра лечу в Ставрополь, — пояснил Илья. — Не совсем по нашему профилю, но я подал Владимиру Петровичу документы про того фальшивомонетчика и всё вместе, собранное на Горбачёва, выглядит серьёзно.

— Удачи, — пожелал я ему.

Уверенности в том, что всё пройдёт нормально, как раз-таки не было. Слишком серьёзные люди покровительствовали Михаилу Сергеевичу. Мы пользовались тем, что указаний сверху по поводу освещения нового метода уборки урожая сверху не поступило. Горбачёв должен был сам отрапортовать о своих успехах. Между прочим, мы серьёзно подставляли не только корреспондента, но главного редактора газеты. Они не осмелились отказать КГБ, и неизвестно, какие кары на них обрушатся.

Даже не знаю, как бы это сработало, но тут активизировались зарубежные СМИ: ВВС и американское радио «Свобода». Практически одновременно они начали вещать на тему того, как в СССР пропагандируются честность руководства и власти, а на самом деле блабла... По одной конкретной личности прошли знатно. Не думаю, что у Горбачёва не было подпевал и сподвижников, но триндели по радиостанциям только одно имя — «Горбачёв». А у меня уже всё готово было. Дополнил справочку свежими сведениями и потащил Владимиру Петровичу.

Он мужик нормальный и объективный. Пролистал документы, подкреплённые всем, чем нужно. Там и по делу ликеро-водочного завода, и водитель-фальшивомонетчик, и фотографии прокладки каналов, которые по документам имеют бетонное покрытие с гидроизоляцией, а на самом деле этого нет. И как апофеоз — Ипатьевский метод уборки урожая.

Про то, что Горбачёва тянули вверх очень значимые фигуры и конкретно Андропов, Владимир Петрович не знал. С чистой совестью он отнёс папку выше по инстанции и неожиданно получил нагоняй. Да такой, что невольно испугался за свои погоны.

— Сашка, давно не гуляли с тобой, не общались, — завуалированно предложил он поговорить в тихом месте.

— Погода жаркая, не пройтись ли нам по набережной? — согласился я.

— Ты мне документы подавал, как там твоя чуйка не заметила ошибки? Не может же такого быть! — возмутился он.

— А комиссию для проверки фактов отправили?

— Хрен их знает, — зло сплюнул генерал. — Чёрт-те что там в Ставрополе творится, а из меня козла отпущения сделали.

Поговорили мы на эту тему недолго. Замять такого рода информацию у ЦК не получится. Допустим, всяким «голосам» Америки и Англии могут не поверить честные советские граждане, но подтасовать результаты экспертизы не смогут.

Илья вернулся вовремя. Фотографии и свидетельства очевидцев привёз.

— Там такая буча, — поделился он впечатлениями. — Комиссия приехала, на них сразу аппаратчики насели. Но я-то тоже не зря засветился. Кому нужно, те были в курсе, что раньше Горбачёву Андропов симпатизировал, но зассали позвонить и убедиться, что КГБ до сих пор на их стороне. Я же их сразу вопросами о диверсионной деятельности со стороны контрразведки пугать начал.

— Ждём?

— Ждём. Ты не сильно переживай. Если не сработает это дело, я уже прикинул, как физически устранить.

— Надеюсь, что тебе не придётся рисковать, — покачал я головой, прикидывая, что скажет генерал на самоуправство Ильи в Ставрополе.

По заверениям Ильи, он отделался лёгким испугом. Против фактов трудно противостоять. Дело стали разбирать на самом верху. Суслов, по слухам, высказался в поддержку Горбачёва. Лучше бы он промолчал, толку было бы больше. А так Кириленко, в противовес своему давнему врагу, спустил указание передать документы в прокуратуру. Брежнев не занял чью-либо позицию. Не то выжидал, не то увидел для себя конкурента в лице Горбачёва.

Андропов почти сразу велел спустить всех собак на Горбачёва. И дело было не в ипатьевском методе, а в тех растратах по ирригационной системе. Илья немного удивился такой реакции, но я просветил его по другим вопросам. Именно при Андропове наконец-то займутся расследованием Рашидовских приписок по хлопку и много других громких дел случится. При всех своих недостатках Андропов весьма критически относился к зарвавшимся аппаратчикам, спекулянтам и прочим расхитителям.

Конкретно нам ни кнутов, ни пряников не перепало. Владимир Петрович, разозлённый тем, что его при первом визите начальство отчитало как щенка, подбирал самые убойные документы. По ним получалось, что доказательств того, что специально не велась вредительская деятельность, нет. И личность Горбачёва стоит исследовать более тщательно. Заодно и тех, кто ставил ему отметки, когда он учился заочно.

Надеюсь, что наша авантюра сработала и Горбачёв никогда не поднимется на вершину власти. Илья окончательно успокоился, а я задумался над тем, что свято место пусто не бывает. Немного я отклонил историю, а кто придёт на место Горбачёва?

Разборки в высших эшелонах власти на юге продолжались. Кого-то снимали с должности, кого-то пропихивали на освободившиеся места. Ставрополье потряхивало, но уже было понятно, что Горбачёва задвинут далеко и надолго. Илья прикрепил на стене в кабинете плакат с полным составом Политбюро и кандидатами в его члены, пристально разглядывал лица, что-то прикидывая в уме. Достоверно предсказать изменённое мной будущее я уже не мог. Предположу, что до какого-то момента события будут развиваться идентично, но Горбачёва мы уже исключили из этой игры. Кто его заменит, кто способен будет встать «у руля», когда все этих престарелых членов увезут на катафалках?

Впрочем, сейчас у нас имелись другие неотложные дела. И конкретно Поляков. Больше тянуть не стоило. Генерала пора арестовывать. Уверенности в том, что на даче в тайниках хранятся изобличающие документы, у меня не было. Наблюдать приходилось самому, и очень осторожно. Из всего увиденного я мог сказать, что Поляков ездит за город по выходным, мастерит в сарае деревянные поделки. И что в этом такого?

Не стоит думать, что КГБ этого времени совсем был безбашенной организацией: захотели — арестовали, захотели — посадили. Не спорю, имелись и нарушения, и незаконные действия. Однако такое могло сработать против какой-нибудь пугливой продавщицы или диссидента, подпольно печатающего запрещённую в СССР литературу. На генерала ГРУ переть буром не получится по многим причинам.

— Или пан, или пропал, — метался в сомнениях Владимир Петрович. — Да я дс Берлина дошёл! — подбадривал он себя.

Генерал как никто другой понимал, что нам грозит, если мы не найдём доказательств. Их и сейчас-то не было. В прокуратуру он мог отнести сомнительного рода документы от подставных осведомителей. Ещё в самом начале, когда я преподнёс Владимиру Петровичу свои первые «озарения», он, посоветовавшись с Семичастным, завёл дело на некоего осведомителя (имя мне не называли). Реально такого человека не существовало. По некоторым обмолвкам я понял, что на припрятанной где-то у себя печатной машинке генерал сам оформлял донесения.

Стоит копнуть глубже, и подтвердить наличие осведомителя не получится. В случае неудачи мы вылетим со службы со свистом. И это в лучшем случае. Возбудить дело против нас ГРУ тоже сможет, и надеяться на то, что Андропов отмажет, не стоило.

Идти к Андропову «на поклон» Владимиру Петровичу рано или поздно пришлось. Он собрал всё что можно (папка получилась тощая) и со словами: «Я коммунист» пошёл! Нормальный он мужик. Карьерист, комитетчик, но без гнильи в душе. Никого не стал подставлять, ни за чью спину прятаться. Всё сам. Мне, правда, перед уходом сказал, что, ежели чего, он уже подумывал о пенсии, а моё художественное творчество тоже неоспоримо. Без куска хлеба не останусь.

Обсуждать результаты посещения Андропова собрались втроем (Илья, генерал и я). Для Ильи Владимир Петрович преподнёс историю о секретном осведомителе. Илья сделал вид, что поверил.

— Щёлкнуть по носу разведку Юрий Андреевич, конечно, не прочь, но уж очень улики мутные. Семичастный бы поверил без лишней бюрократии, — намекнул мне генерал на «озарения». — Будем ждать. Никакого наружного наблюдения и топтунов до решения

СВЫШЕ.

— А если получим добро? — поинтересовался Илья нашими дальнейшими действиями.

— В этом случае тоже не всё просто. Андропов дал чётко понять, в случае неудачи это будет моя личная ошибка. Никакое другое управление не подключаем. Арестовывать будем своими силами и силами МВД.

После этой фразы оба комитетчика посмотрели на меня.

— Когда я вас подводил? — как можно увереннее произнёс я. — Моя аналитика на высшем уровне.

— Хорошо, — сцепил пальцы рук генерал. — Просчитываем действия и возможные препоны. Братъ Полякова нужно на даче. С этим все согласны?

Мы с Ильёй дружно покивали в ответ и тут же стали прикидывать, кто может быть ещё в доме.

— Не думаю, что жена или сыновья окажут сопротивление, но лучше иметь запас людей.

— Требуются надёжные люди, — произнёс я вслух.

— Ершова и Пономарёва можно взять для прикрытия, — предложил Илья парней из нашего управления. — Плюс водители на подстраховке.

— Кто-то должен проверить и убедиться, что Поляков на даче, — вставил я.

— Алексей? — добавил Илья.

— Он из 7-го управления, — напомнил Владимир Петрович, что Алексей ему не подчиняется. — С другой стороны, отчёты наружного наблюдения можно подать под другим соусом. Напишет, что следил за нашими действиями. В общем, спрошу и предупрежу о последствиях.

Больше никого из комитетчиков решили не информировать. Да и тех, кого брали, просветить собирались в последний момент, когда будем подъезжать к даче. Зато милицию задействуем по полной. Осталось дело за малым — получить санкцию от прокурора и отмашку от Андропова.

Противостояние КГБ и ГРУ общеизвестно. Не буду говорить, что претензии разведчиков были необоснованными. К примеру, моя зарплата выше, чем у капитана ГРУ. Пусть за звание нам платили одинаково, но в сумме за сопоставимую работу у меня получалось больше. И прочее денежное распределение поступало в ГРУ по остаточному принципу. Про КГБ знали все, побаивались и придумывали небылицы. Грушники, как и положено военным разведчикам, оставались в тени во всём.

Андропов, безусловно, был заинтересован в том, чтобы ещё раз подчеркнуть свою значимость. И тем не менее раздумывал он почти неделю. Мы успели много чего подготовить и предпринять. Не стоило забывать вариант капсулы с ядом. Поляков нам нужен живым. С Пономаревым я отработал на Ершове момент захвата. Также, чтобы исключить любую случайность, одежду с задержанного потребуется снять. Значит, нужен запасной комплект, вплоть до обуви и трусов.

Следственное управление подключим, когда найдём хоть какие-то улики. До этого обыск и всё остальное будут вестись оперативниками из милиции. Владимир Петрович договорился, посулив премии и грамоты. Оставалось дожидаться санкции. А её всё не было и не было. Из-за волнения я толком работать не мог. Предполагаю, что и у генерала было схожее состояние. Он поставил на кон всё, чего достиг в своей жизни.

Наконец посыльный принёс подписанные прокурором документы в опечатанном

конверте от самого Андропова.

— Начинаем, — кратко сообщил генерал. — Сегодня четверг. С завтрашнего дня отслеживаем все перемещения объекта. Петров, ты у нас, как всегда, с этюдником.

Моя роль — убедиться, что Поляков на даче. Иначе всё мероприятие теряло смысл. В том, что он хранит что-то секретное дома в Москве, я не гарантировал, а улики нам нужны сразу и наглядно.

С Алексеем я пересёкся в субботу в девять утра на условленном месте за дачным посёлком.

— Объект с женой приехал на дачу, — сообщил Алексей.

На своих «жигулях» я добрался до места, припарковался метров за сто и, вытащив этюдник, отправился дальше пешком по улице. Постучал в один из домов, поинтересовался, где проживает Мария Курилова. Подробно расписал внешность несуществующей девушки. Охал и ахал, отказываясь верить, что здесь такой нет. Мы же договорились на её портрет в саду!

С этой же легендой я подошёл к владению Поляковых. На мой стук вышла женщина. Ей я выложил всё ту же историю. Очень сердился и доказывал, что именно здесь должна меня ждать Маша.

— Как нет? Вы шутите? Могу добавить за позирование. Скажите Марии, что по полтора рубля за час.

— Нет у нас вашей девушки, — раздражённо повторила женщина.

Я же сделал вид, что не поверил, и стал кричать:

— Маша! Маша, иди поговорим!

Занавеска на окне дрогнула. Всего на мгновение, но мне этого хватило. Этюдник с левого плеча я перекинул на правое и, нахмутив брови, развернулся от негостеприимного дома. Операция по захвату Полякова началась.

Примерно десять минут потребовалось оперативникам, чтобы занять исходные позиции. По рации Илья уже передал, что объект на месте. Теперь важно не дать ему уйти окольными путями. Отойдя на несколько метров от дачи Полякова, я, оставаясь под прикрытием забора, стал ждать. Первыми к нужным воротам подъехали две наши служебные машины. Ершов и Пономарёв выскользнули из салона, как только «Волги» затормозили. Следом припарковался милицейский рафик. Милиционер в сержантской форме выпрыгнул чуть ли не на ходу. Он же и поспешил первым к калитке. Другая группа из трёх человек подошла к даче с тыла.

На стук снова вышла жена Полякова. Сказать она ничего не успела, Илья оттеснил женщину на улицу. Оба наших водителя взяли её под контроль, не забыв показать документы комитета госбезопасности. Дальше уже ни на что не отвлекаясь, мы с парнями помчались к дому, а генерал замыкал наш бравый десант. Правда, совсем незаметно и тихо проникнуть не удалось.

— Что там опять? — с недовольным выражением на лице поинтересовался Поляков, выглянув в коридор.

Дальше как на тренировке: подсечка, захват. Поляков мужик здоровый, попытался вырваться, но Ершов уже взял его на болевой, а дальше мы с Ильёй подхватили. Владимир Петрович стал зачитывать стандартный текст при задержании. Сержант по рации передал оперативникам, что арест произведён и можно приводить понятых.

— Как вы смеете?! — начал кричать генерал. — Я начальник третьего

разведывательного факультета! Вы совсем с ума посходили?!

— Гражданин Поляков, прекратите дёргаться, — осадил его Илья. — Дом окружён, ваши действия бесполезны.

Стаскивать с него одежду начали там же, в коридоре. Трещали швы рукавов, но мы делали своё дело. Труднее пришлось, когда дошло дело до майки. Удерживая одну конечность, через вторую протаскивали одежду. И только завершив с этим делом, сковали руки Полякова наручниками за спиной. В таком виде провели его в комнату.

Снимать остальную одежду было проще, но мерзко. Мне досталась примерка новых труселей на генерала. Фотограф, придурок, как раз запечатлел тот момент, когда у меня перед лицом генеральские муда висели. Спортивное трико и тапки мы с Ильёй надевали совместно. Снова снимали наручники, натягивали футболку и фиксировали генерала.

— Теперь фотографируй, — рыкнул я штатному милицейскому фотографу. А тут и понятых привели.

Владимир Петрович снова зачитал постановление, попросил мужчину и женщину, понятых, расписаться и дал отмашку на обыск дачи.

— Ваши действия незаконны. Товарищи, постановление прокурора наверняка подделка! — взывал к совести понятых генерал. — Это же известные суки из КГБ! Да им засадить честного человека и оболгать ничего не стоит!

Понятые между собой переглянулись и опасливо посмотрели на Владимира Петровича, безошибочно вычислив, кто здесь самый главный и самый страшный комитетчик. Только наличие милиции в глазах понятых делало наши действия законными. Те же стали обыскивать привычными методами, а мы с Ильёй ходили и внимательно разглядывали обстановку. Чистенько, уютно. На полу самодельные коврики, на полках и столе вышитые с любовью салфеточки. Красивый обеденный стол, покрытый вычурной салфеткой, имел массивные ножки, которые привлекли моё внимание.

— Разобрать и вскрыть опоры, — попросил я оперативника.

Инструмент для таких действий у нас был подготовлен. Стол перевернули, с усилием подрычали места крепления, ломая перекладины, и за пять минут разобрали на составляющие. Каждую ножку я внимательно осмотрел и с сожалением констатировал, что они хоть и клееные, но без внутренних полостей.

Мельком я глянул на Полякова и отметил, что выражение его лица не было столь же уверенным, как в начале. Значит, мы действуем правильно.

— Осматривайте в первую очередь мебель, изготовленную вручную, — дал я команду милиционерам.

— Пересадите подозреваемого на диван, — в ответ попросили меня.

Ершов и Пономарев послушно приподняли Полякова с табуретки на которой он сидел. Тут же эта мебель была безжалостно раскурочена, но тоже без толку. Владимир Петрович незаметно промокнул платком лоб и потёр грудь в районе сердца. Блин! Нужно кого-то за аптечкой отправить. Наш генерал по ходу не совсем хорошо себя чувствует.

— Гражданин Поляков, возможно, вы нам сами подскажете, где тайники? — спросил Илья. — Мебель у вас красивая. Не жалко будет жене оставить дрова?

Поляков промолчал.

— У нас задание. Если потребуется, разберём всё по кирпичику, — добавил я.

Нехотя Поляков кивнул на полку с книгами, висящую на стене. И уже вскоре наши подручные вынимали специальную заглушку с обратной стороны полки.

— Понятые, подойдите ближе, — попросил сержант, следящий за соблюдением протокола.

Защёлкали сразу две вспышки фотокамер — одна милицейская, а вторая Ильи. Из тайника были вынуты катушки фотоплёнок.

— Продолжайте, я на свежий воздух выйду, — сообщил Владимир Петрович.

По заверениям Полякова в этом помещении больше ничего не было. Несильно я поверил в это. Общем позже и более тщательно. На данный момент нужны ещё улики.

— Пономарёв, задержанного в мастерскую, — скомандовал Илья.

Это он правильно рассудил, что в доме тайников не должно быть много. Здесь жена, сыновья, прочие гости толкуются и пользуются мебелью. Другое дело — личная мастерская или сарай.

— Шифроблокноты где? — спросил я, оглядывая внимательно балки под потолком.

Поляков сощурился, но соизволил ответить.

— В правой, — кивнул он, подразумевая как раз те балки, на которые я смотрел.

Снова курочили и выламывали, применяя грубую мужскую силу. Вероятно был какой-то другой, простой метод извлечения из тайника нужных блокнотов, но спросить у Полякова я не успел, а милиционеры особо не заморачивались такими деталями.

— Понятые! — зафиксировали сам тайник и то, что было внутри.

На минутку я отвлёкся по той причине, что к нам заглянул с улицы один из водителей.

— Семёныч остался вашу бабу сторожить, — просветил он. — А я помчусь в город. Генералу совсем плохо, в больницу нужно везти.

— Гони, — не стал я его задерживать.

На самом деле поездка второй машины в Москву заранее оговаривалась. Улики есть, пора подключать следственный отдел. Водитель обязался выполнить поручение, как только доставит Владимира Петровича в ведомственную больницу.

— Валидол ему дал, вроде чуть получше стало, — просветил водитель и поспешил к автомобилю.

Обыск тем временем продолжался. Разобрали скамеечку с точёными ножками. Внутри обнаружили скрученные трубочкой деньги.

— Восемнадцать тысяч, — пересчитав, объявил для понятых милиционер.

Тётка, присутствующая при обыске, тихо охнула и покачала головой, пробормотав: «А таким приличным человеком казался». Похоже, на неё не произвели впечатления найденная фотоплёнка и непонятные блокноты. Зато деньги, которые не хранят в сберкассе, на взгляд обывателя выглядели подозрительно.

Поляков ещё ничего не успел сказать, а я уже предложил осмотреть спиннинги и удочки, стоящие в углу. После разбирали основу токарного станка. Кучка шпионских документов пополнилась тетрадами с записями, батарейками (явно непростыми) и снова фотоплёнкой, но теперь уже микро.

Генерал, сообразив, что мы неплохо и сами справляемся с поисками доказательств, перестал помогать и заметно успокоился. Понял, что ничего изменить не сможет. Его прошлые заслуги померкли на фоне неопровержимых улик. Предполагаю, что подобные предатели не один раз прокручивали в голове момент ареста. Похоже, что и Поляков имел давно придуманную для себя линию поведения.

Мы же проявляли чудеса прозорливости. Илья предложил проверить подоконники в доме и тут же был вознаграждён за идею. Очередной тайник, на этот раз с ювелирными

украшениями.

Когда через два часа подъехали парни из следственного управления, материалов на расстрельную статью уже бывшего генерала ГРУ хватало с избытком. Старший следователь хотел тут же наложить свою лапу на вещдоки, но Илья успел его опередить, заявив, что арестованного пора перевозить в следственный изолятор в Лефортово, а с доказательствами шпионской деятельности будет разбираться 2-е управление. К тому же квартиру в Москве тоже стоит обыскать.

Следователи не сильно кочевряжились. Им и без этого перепадёт много чего интересного.

— Петров, отправляешься с ними, — отослал меня Илья.

Наши помощники остались продолжать обыск на даче, а Полякова повели в рафик с зашторенными окнами. Несильно это помогло. Дачный посёлок уже был в курсе того, что происходит нечто необычное: несколько служебных машин, милиция, люди в серых костюмах, отгоняющие любопытных, подразумевали, что случилось что-то неординарное.

— Попить хоть дайте, — попросил Поляков.

— В Лефортово напоят, — не отреагировал на просьбу арестованного следователь.

Мне и самому хотелось пить, но операция будет считаться завершённой, когда за Поляковым захлопнется дверь камеры. Это, кстати, случится нескоро. По общепринятым правилам силовых ведомств «колотить» преступника нужно сразу, пока он ошарашен всем случившимся и не придумал для себя приемлемую линию поведения. Так что у генерала впереди долгий день допросов и признаний.

Супруга Полякова увидела, как мужа уводят, и попыталась вырваться, чтобы что-то прояснить для себя. Женщину довольно грубо отстранили, не дав даже прикоснуться или, не дай бог, передать какие-то вещи. И дальше уже без задержек служебная машина помчалась в сторону столицы. Я отстал ненадолго. Закинул этюдник в багажник и присоединился, изображая сопровождение. Затык случился на проходной следственного изолятора. Меня в списках допущенных не было. Естественно, внутрь не пустили и мои документы проигнорировали.

— Капитан, какой смысл тебе делать пропуск? Все материалы, стенограммы и допросные листы передадим вам завтра, — заверил меня старший следователь. Пришлось согласиться и покинуть это негостеприимное заведение.

Родное управление гудело как растревоженный улей. Илья с вещдоками уже приехал, Андропову доложили об успешном завершении операции. Несмотря на субботу, он был на работе. Сам не пришёл, но один из его заместителей к нам наведлся.

— Обыск продолжается, но доказательства сотрудничества с ЦРУ генерала Полякова имеются в достаточном количестве, — отчитывался Илья. — Плёнки переданы в лабораторию, скоро будут распечатаны. Шифроблокноты и аппаратура здесь, деньги и ценности описаны.

Только ближе к шести вечера мы с Ильёй смогли посетить буфет и немного перекусить.

— Знаешь, одно это дело оправдывает все мои поступки, можно считать жизнь прожитой не зря, — устало поделился я своими мыслями с другом.

— Тоже мне придумываешь, — недоверчиво посмотрел Илья. — Какие твои годы? Будут и другие подвиги.

— Обязательно, — усмехнулся я.

После мы позвонили в госпиталь, интересовались здоровьем Владимира Петровича.

Дежурный врач сообщил, что волноваться не стоит. Ночь генерал проведёт в палате, а с утра посмотрят чего и как.

Зная дядю Вову, я предположил, что он с утра рванёт на работу, несмотря на выходной день. Нужно его потом заставить лечь подлечиться или вообще отправить в санаторий на весь август. Заслужил.

В ближайшие дни отдых нам не светил. Мы буквально утонули в ворохе бумаг. На каждое действие требовалось написать обоснование. Пусть улики и неопровержимы, но бюрократов во всех службах хватает. Поскольку изначально все открестились от сомнительного задания, то весь успех целиком и полностью принадлежал 2-му управлению и нашей троице конкретно. От следователей прислали копии допросов. Ко всеобщему изумлению, «пел» Поляков как тот оперный певец, не запинаясь и не стараясь что-то скрыть. Возможно, надеялся, что это ему зачтут и не расстреляют.

Согласно показаниям, работать он стал как «инициативник» вначале на ФБР, а уже после на ЦРУ. Версию про больного сына, которому отказали в операции (вернее, не дали доллары), и то, что его смерть сподвигла пойти на предательство, Поляков выдвинул в первую очередь. И тут же следователи вытащили на свет другие факты. По настоятельной просьбе Андропова ГРУ пришлось сотрудничать и устранять свои косяки.

Личное дело Полякова было предоставлено КГБ. И из него следовало, что на тот момент, когда заболел ребёнок, Поляков принимал участие в разработке одной секретной акции. У него был выбор — вернуться в Союз с семьёй, где сыну могли сделать операцию, и тем самым затормозить своё продвижение по служебной лестнице, или продолжать работать. Тогдашние кураторы опасались провала проводимой операции. Полякову и его жене пришлось бы общаться с американцами в больнице Нью-Йорка и были возможны любые провокации. Это явилось основным фактором того, что на лечение не выделили денег, и Поляков предложил себя ФБР.

Владимир Петрович, прочитав, скольких разведчиков и нелегалов сдал Поляков, выудил из стола пузырьёк с корвалолом. Я попытался отобрать лекарство, заверяя, что не при всех болезнях сердца оно помогает. Лучше уж валерьяночку, а в идеале неплохо бы в больницу лечь.

— Какая больница? — вздохнул Владимир Петрович. — Ты видишь, что творится?

У нас-то, конечно, всё было в ажуре. Довольные лица сотрудников, премии. Поговаривали, что и ордена будут. О том, что происходило в ГРУ, я мог только догадываться, читая в сводке о снятых с должностей офицеров, предположил, что многие военные чины лишатся своих мест, а кое-кто и погон.

Может, ещё кого под это дело подкинуть? Нашему слову сейчас поверят без лишних вопросов.

Следствие по Полякову продолжалось. От нашего управления ничего уже не зависело, но бумажной работы хватило всем. Владимира Петровича удалось загнать в санаторий в Крыму, а мы с Ильёй продолжали писать рапорты и ходить на допросы. В том смысле, что нас допрашивали. Завуалировано это было под беседы.

Снова и снова чиновники разных рангов задавали каверзные вопросы. Как нам вообще пришло в голову разрабатывать Полякова? Одно дело сопоставить действия, доходы и расходы кого-то из «своих», комитетских, и совсем другое — заподозрить генерала из чужого ведомства. У следователей концы с концами не сходились.

— Капитан Петров, ещё раз поясните ваши действия в ноябре прошлого года. По какой причине вы начали следить за гражданином Поляковым? — выпрашивал меня следователь в звании майора.

— Получилось всё случайно. Моё внимание привлёк человек, который профессионально проверял, не ведётся ли за ним слежка. Теперь-то я понимаю, что это были обычные действия офицера, много лет прожившего за границей. Как кандидат в члены КПСС и честный человек, я не мог не отметить подозрительного мужчины и записал номер его автомобиля.

— Почему доложили сразу своему руководству?

— Потому что я служу во 2-м управлении. Не забывайте, меня интересует всё, что касается шпионов.

— Когда вы узнали, кому принадлежит автомобиль, неужели не поняли, что это человек высокого ранга и не нужно за ним следить?

— Напротив. Я же не знал, что он только-только вернулся из командировки. Для советского генерала такая скрытность и подозрительность выглядела необычной. А я как раз кино посмотрел...

— Это к делу не относится, — прервал меня следователь на полуслове. — Не нужно утверждать, что вы начитались романов про шпионов и решили попробовать себя в роли сыщика.

— Да так всё и было! — искренне возмутился я.

— Почему ваш непосредственный руководитель отреагировал на эти сведения столь заинтересованно? — задал очередной вопрос дотошный майор.

— Возможно, по той причине, что я лучший аналитик отдела, — прихвастнул я. Следователь изобразил на лице скептицизм. — Насчёт моей биографии вы в курсе. Я не просто художник. Золотая медаль в школе, красный диплом МГУ, член Союза художников. Запоминаю лица и различаю малейшие нюансы мимики людей. У меня нестандартный подход к делу.

— Работая с документами, вы не могли видеть никакой мимики.

— Зато имеется фантазия. Гражданин Поляков приобрёл кубометр отборной доски для дачи. Сам по себе факт непонятный.

— Отчего же? — не понял следователь. — Я бы подумал, что это рачительный хозяин, который желает поменять полы или устроить другой ремонт.

— Да я, собственно, тоже так решил. Сам не знаю, зачем проник во двор и проверил сарай, где хранились заготовки. Случайно обратил внимание на то, что окошко в сарай

имело «контрольку» в виде шёлковой нити. Сам сарай был заперт на навесной замок и тоже имел потайную нить, плюс ещё на двери вверху была закреплена такая же.

— Сомнительные доказательства, — возразил следователь.

— Потому слежку за гражданином Поляковым я и прекратил. Но тут начались подвижки в деле Огородника. Вы в курсе, что, проникнув внутрь квартиры, оперативники не смогли провести обыск, столкнувшись с тем, что практически все предметы имели подобные контрольки, вот у меня и возникли ассоциации.

Илью также вызывали на подобные допросы. Раз в два-три дня приходилось объяснять свои действия и поступки. Илья приводил те же факты, что и я, ссылаясь на мою уникальную интуицию, которой он привык доверять. Владимира Петровича не трогали по той причине, что врачи не рекомендовали ему излишних волнений. К тому же у генерала имелась железная отмазка в виде того таинственного осведомителя.

— Александр Дмитриевич, вот тут у меня имеются отчёты о том, что телетайпные ленты английских средств массовой информации последние полгода вы забирали, минуя переводчиков, — наковырял очередной «компромат» следователь.

— Да, забирал, — согласился я.

— Вы не доверяете профессионалам?

— Доверяю. Но английский язык отличается тем, что некоторые фразы теряют смысл при переводе. Я лучше понимаю при чтении оригинала.

— В вашем деле не указано, что вы закончили курсы переводчиков.

— Зато написано, что я владею английским и испанским в совершенстве, — возразил я.

— Кто именно посоветовал вам изучать иностранный язык самостоятельно, кто надоумил?

— Мне было пять лет, когда я попросил родную бабушку, к слову, преподавателя английского языка, показать русские и английские буквы. Чем младше ребёнок, тем проще ему даётся обучение иностранным языкам. Моя мама переводчик, работает в МИДе.

В общей сложности вся эта канитель продолжалась до конца августа. И вдруг резко прекратилась. Оказалось, что дело вышло на новый уровень, им заинтересовался лично Брежнев. Он щедрой рукой благодетельствовал тех, кто и близко не был причастен к операции, раскритиковал военную разведку и велел представить к наградам тех, кто брал Полякова.

Обычно награждения приурочивают к знаменательным датам (7 ноября, день Советской Армии и подобные). В нашем случае было сделано исключение. Кроме того, оказалось, что все вышестоящие начальники настолько боялись взять на себя ответственность, что, кроме Андропова, никто не рискнул подписать документы. По сути, всю операцию мы разработали втроём, задействовав незначительные силы милиции (им тоже перепало «пряников»). Если кто и хотел примазаться к славе, то не успел этого сделать.

Нужно отдать должное Андропову, анализировать и сопоставлять факты он умел. Получалось, что за короткое время наше управление раскрыло агента Тригона, генерала Полякова и показало себя в деле с Горбачёвым. Последнее в некотором роде сомнительное достижение и немного нам не по профилю, но там такие доказательства, что не придраться.

Владимира Петровича, вернувшегося из санатория, вызвали на ковёр и известили, чтобы готовил дырочку под орден. А вот то, что и нам с Ильёй вручат награду, явилось полным сюрпризом. Шестого сентября провели торжественное собрание, где Андропов произнёс долгую и проникновенную речь о роли партии и Генерального секретаря в жизни советских

людей. После выступил ещё один оратор, просветивший присутствующих теперь уже о роли чекистов в Советском Союзе и наконец приступили к вручению наград.

— Капитан Петров Александр Дмитриевич за особо выдающиеся заслуги по защите социалистического Отечества награждается Орденом Ленина, — зачитал один из помощников Андропова с трибуны.

Назвать моё состояние шоковым — это вообще ничего не сказать. На негнущихся ногах я вышел на сцену и получил орден из рук Андропова. Отчего-то запылали румянцем мои щёки, уши стали горячими, а в горле появился ком. Еле сумел произнести положенные случаю слова. Следом за мной поднялся Илья и дальше Владимир Петрович. Вернувшись на своё место и слушая очередную речь, я продолжал охреневать.

Начнём с того, что Орден Ленина обычно вручают тем, у кого имеются другие правительственные награды. К тому же я не думаю, что наши заслуги были такими уж выдающимися. С другой стороны, ежели Брежнев брал вопрос под свой контроль, то ему никто не осмеливался возражать или перечить. Сказал наградить — нас и наградили.

Поздравления продолжились в родном управлении. Пономарёву и Ершову перепало внеочередное повышение в звании. Секретарь парторганизации срочно собрал собрание, на котором вначале поздравил, а после предложил сократить по времени кандидатский стаж капитану Петрову, то бишь мне, и проголосовать за принятие в ряды КПСС. Шустро шельма подсуетился. От такого откровенного подхалимажа мне стало противно, но покер фейс держал и даже руки пожимал, заверяя товарищей, что не подведу. Мне членство в партии нужно как трамплин на ближайшие годы, а к лицемерию я давно привык.

Единственные люди, кто был искренен со мной — это Илья и Владимир Петрович. Генерала я позвал в субботу на дачу. Илья с семьёй и так собирался приехать, а Владимира Петровича нужно было пригласить лично.

— Сашка, только никому ни слова, — поучал меня Илья. — Будет сюрприз.

— Сюрприз так сюрприз, — согласился я.

— Ты заслужил, даже не возражай, — привычным жестом потрепал мои волосы на макушке братишка.

— Орден твой по праву, — приобнял меня за плечи дядя Вова.

Отец Владимира Петровича всегда недолюбливал. В последние годы они редко виделись, но в этот раз не тот случай, чтобы вспоминать старые обиды. С утра в субботу я забрал генерала от его дома и мы отправились в Валентиновку. Владимир Петрович, прежде чем погрузить в багажник коробки с выпивкой и продуктами, покритиковал малый объём «жигулей».

— А Илья сказал, что это идеальный автомобиль для катания девочек, — возразил я.

— И где твои девочки?

— Работа занимает всё свободное время, — ответил я. — И вообще, мне всего двадцать шесть, куда спешить?

— Ну-ну, — не стал продолжать полемику о девочках генерал.

На даче в выходные дни меня всегда ждали. Отец был немного удивлён гостю, но ничего не сказал, я предупредил, что Илья с Игорьком тоже подъедут. Жену с малышом он оставит дома.

— Жаровы-то на месте? — поинтересовался я. — Нужно отметить закрытие дачного сезона.

— Мария Васильевна хотела ещё на неделю остаться, — возразил отец.

— Ба, дожди уже начались, не с твоим здоровьем печь топить, не выдумывай, забери домой.

— Саша, не успею я всё сложить, к тому же у нас гости, — возразила бабушка.

В результате договорились, что отец перевезёт тещу с вещами через несколько дней. Пока же готовим угощение и зовём ещё гостей. За Жаровыми я ходил сам. Пригласил их на обед, а там как пойдёт, возможно, и на ужин останутся.

— Девки, а ну-ка соберите нам с собой, — стал командовать Михаил Иванович.

Дочери и жена засуетились. От них я узнал, что Никулиных на даче нет, поэтому позвать не получится.

Стол на веранде накрыли шикарный. К вечеру я обещал шашлыки, но и на обед наготовили много чего. Бабушка всегда ждёт кого-нибудь в выходные дни и тесто на пироги ставит обязательно. Плюс мы привезли из Москвы много деликатесов. Правда, на выставленные мной бутылки спиртного бабушка покосилась недовольно, но возражать не стала.

Илья начал обучать Игорька готовить оливье и салат с крабовым мясом. Я же следил за тем гусём, что привёз с собой. Он запекался в духовке, начинённый черносливом, яблоками и курагой. Принесённую Жаровыми курицу я отобрал тоже на шашлык, поставив женщин на салаты.

Компания у нас дружная, давно проверенная. Как только гусь был готов, стали рассаживаться. Первый тост был за закрытие дачного сезона. Гости пригубили немного красного вина, а водку и коньяк никто вскрывать не стал.

— Саша, пиджак мой из машины принеси, — попросил Владимир Петрович после того, как немного перекусил.

— Что-то прохладно, — поддержал его Илья. — Пожалуй и я свой возьму.

Отец с удивлением посмотрел на нас и прикрыл окно на веранде. Никто больше не обратил внимания на то, что я отправился за одеждой.

Надевать пиджаки мы сразу не стали. Принёс я их так, чтобы не было видно закреплённого на лацкане ордена. Вообще-то у дяди Вовы хватало боевых и всяких юбилейных наград, но конкретно в этот день он закрепил один-единственный орден.

Жаров первым заподозрил, что мы что-то задумали. Не зря же я по пути сменил футболку на рубашку.

— Ну-ка, ну-ка, — приподнялся Михаил Иванович с кресла, привлекая к нам внимание. Пиджаки мы надели в комнате и теперь развернулись, демонстрируя себя во всей красе.

— Ох ты ж! — воскликнула бабушка. — Сашенька! Почему не рассказал?!

— Шурка, это Орден Ленина? — Отец снял очки, чтобы протереть стёкла.

— Папа, папа! Покажи! — скакал рядом Игорёк.

— Не ожидал, — признался Михаил Иванович. — Так, девки, по такому поводу можно немного коньяка. Плесните-ка нам на доньшке. Сердце у меня, — пояснил он всем присутствующим.

Лиза и Анна зашебетали что-то неодобрительное, но супруга Жарова распоряжение мужа выполнила.

— Владимир Петрович тоже недавно из больницы, — заметил я. — Ему спиртное чисто символически.

— Не просто так достаются ордена? — продолжала внимательно разглядывать нас бабушка.

Она так и не смирилась с тем, что я задвинул художественную деятельность, занявшись не пойми чем, а тут я порушил её взгляды на мою жизнь.

— Кушай, Сашенька, кушай, — бабушка стала подкладывать мне вкусные кусочки на тарелку.

— Шурка, ты, конечно, молодец, — продолжал восторгаться отец.

— Дмитрий, я тебе больше скажу, — привлёк к себе внимание Владимир Петрович. — Наши с Ильёй ордена — это полностью заслуга Александра.

— Товарищ генерал, вы как всегда преувеличиваете, — усмехнулся я.

— Кто генерал? — поперхнулась бабушка.

Упс... Как-то я позабыл, что она не в курсе этого.

— Извините за назойливость, если, конечно, это не государственные секреты, а в каком звании Саша? — задал вопрос Жаров, сделав вид, что не заметил бабушкиного конфуза.

— Капитан, — ответил за меня Владимир Петрович.

— Однако... Девки, ещё чуток плесните.

— Папа, тебе нельзя, — отодвинула бутылку Лиза.

— А я вот сейчас чаёк поставлю, — подхватила бабушка и, смахнув слезу, устремилась на кухню.

— Порадовал, Шурка, порадовал, — подсел ближе отец. — Не каждому повезло иметь такого сына.

С трудом мне удалось переключить внимание с себя на других гостей. Анна стала рассказывать, в каких постановках Малого театра она задействована, пригласила на спектакли. Если честно, ничего из перечисленного репертуара меня не привлекло. Драмы Шиллера я не люблю. На комедию Мольера сходил бы (у Анны там была роль Гиацинты), но её в ближайшее время не будут ставить. Из премьер в ноябре будет «Любовь Яровая».

У Лизы тоже имелись новости. Она только закончила во ВГИКе художественный факультет и её пригласили на киностудию «Союзмультфильм» [\[3\]](#). Лиза рассказывала, какой кропотливый и тяжёлый труд мультипликатора. В это время так оно и есть. До компьютерной графики ещё далеко.

Незаметно беседа перешла на обсуждение новых фильмов. Михаил Иванович сообщил, что начали снимать фильм «И снова Аниськин», где он совместно с Виталием Ивановым выступает в роли режиссёра-постановщика. Игорь, забравшись Илье на колени, внимал каждому слову Жарова. Как же! Самый настоящий Аниськин сидит за столом. Будет пацану что в школе рассказать. Насчёт школы я задал вопрос и получил заверения, что всё хорошо и даже отлично. Единственное, огорчает то, что скоро получают новую квартиру и придётся переходить в другую школу.

Отец подключился к обсуждению этой темы. Они с бабушкой на пару припомнили много детских историй про меня, которые я и позабыл. Владимир Петрович нет-нет да вставлял свои замечания. Народ хохотал. Неужели я так выглядел со стороны?

— В институте на третьем курсе началась обнажённая натура, а Шурка не успевал вместе с группой. У него же и школа, и самбо. Вот он и договорился с одной из студенток, что напечатает ей курсовую на машинке, а она за это попозировала в субботу у нас дома. Жена была у подруги, а я занимался в кабинете своими делами, — не спеша рассказывал отец. — Часа два Шурка работал, затем сделал перерыв и предложил девушке чаю. Та немного оделась и прошла на кухню.

— И тут мама вернулась, — вклинился я. — Чтобы она ничего плохого не подумала на

отца, я Ленке закричал: «Быстро раздевайся!»

Народ смеялся до слёз, представив эту сцену с обнажённой девушкой.

Отец в очередной раз закурил, а Владимир Петрович отобрал у него коробок спичек.

— Кстати, вот один из тех людей, кто подтолкнул Сашу Увахина к успеху, — сообщил дядя Вова, демонстрируя спички. — Серия этикеток «Народные промыслы» разработана Леонидом Рабичевым совместно с супругой. Поэт и художник. Я слежу за его творчеством. Хотя после известного случая в Манеже он отошёл от живописи, занимается только полиграфией.

Вспомнили мой успех в Манеже, упомянули и Светку, возникла неловкая пауза.

— Её убийца понёс заслуженное наказание, — генерал решил сообщить правду.

— Нашли? Посадили? — заволновалась Лиза.

— Почему никому не сообщили? Его судили? — подключилась бабушка к расспросам.

— Дело проходило по нашему управлению, — намекнул Владимир Петрович. — Тот человек умер.

Гости поняли, что больше комментариев не будет, и задавать вопросы не стали. Вскоре мы с Ильёй пошли раскочегаривать мангал. Пусть из-за стола никто не вставал, но время уже приближалось к ужину. И вообще, хорошо сидим. Женщины затянули романс из нового кинофильма «Дни Турбиных», Михаил Иванович их поддержал:

— Целую ночь соловей нам насвистывал,

Город молчал и молчали дома.

Белой акации гроздь душистые

Ночь напролёт нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,

В тёмных оврагах стояла вода.

Боже! Какими мы были наивными!

Как же мы молоды были тогда!

Наша дачная вечеринка перешла в ту стадию, которую я больше всего любил — с песнями и душевными разговорами. После дядя Вова с бабушкой насели на меня в плане того, что я молодой, интересный парень, а всё не тем занимаюсь. Пора оглянуться по сторонам и познакомиться с приличной девушкой. И где я её найду?

— К Мишеньке зайди в гости, у молодой жены должны быть подружки, — посоветовала бабушка. Кстати, да, Мишку нужно проведать. Орденом похвастаюсь.

В воскресенье с утра вернулись в Москву. Владимира Петровича я подбросил домой и, не заходя к себе, отправился к Левинсонам. Я ожидал услышать нечто из анекдота:

«Роза Марковна, я слышал, шо вы таки женили Мишу. И как вам невестка?

Высшее образование, умеет готовить, аккуратная, шьёт, вяжет... В общем, гадюка, гадюкой!»

На самом деле невестки дома не было. Она же студентка, а им положено ездить «на картошку». Мишка мог «отмазать» молодую жену, но не стал этого делать. Мне он обрадовался, попытался усадить за стол, но я предложил поехать к себе. Раз жены дома нет, то можно друга забрать и пообщаться, не оглядываясь на время. Если у меня такое ностальгическое настроение, то стоит и Мишку подключить.

— Саша, мама спрашивала, ты не в курсе, как проще всего уехать в Израиль? — спросил Михаил и совсем меня не удивил.

Давно я ждал этого вопроса от тёти Розы. Придётся провести профилактическую работу вначале с другом, потом с его мамой.

— Так, математик, я даю тебе исходные данные, а ты просчитываешь вероятность событий.

— Дай чем записать, — попросил Михаил.

— В уме считай. Это не те цифры, что ты думаешь.

— Так бы сразу и сказал, — устроился удобнее на сиденье Мишка.

— Тётя Роза всё там же, на овощной базе, работает? — друг утвердительно кивнул. — Официальная зарплата сто десять рублей.

— Но ты же знаешь... — начал было Мишка.

— Мне до этого дела нет. Хорошо, возьмём для примера простого инженера, молодого специалиста. Зарплата сто двадцать, жилья ещё нет, имеется комната в общежитии. Каковы перспективы?

Михаил мне эти перспективы быстро накидал: встанет на очередь, чтобы получить жильё. Лучше побыстрее жениться, обзавестись ребёнком, тогда получит двухкомнатную. Не сразу. Но лет через пять-семь, как повезёт.

— А теперь подумай о том, что работники, к примеру, МИДа, имеют гораздо выше зарплаты. Ездят по заграницам, отвариваются в «Берёзке».

— Это ты сейчас про себя? — усмехнулся Мишка. — Не трудись, я в курсе.

— Как насчёт мяса в магазинах?

— В нашем гастрономе каждый день.

— Каждый день «выбрасывают» и такая очередь, что достаётся везунчикам. Кто не успел, тем перепадают откровенные кости.

— Можно фарш в пачках купить, — не понял, к чему я веду, Мишка.

— Это в Москве. Ситуация в провинции ещё хуже. Тебе не кажется, что разница между «верхами» и «низами» усиливается? Я вот получаю продуктовый набор каждый месяц, могу в буфете купить дефицитные для тебя продукты. Вернее, просто могу их купить, а тому же инженеру это будет дорого. Как долго это будет продолжаться?

— Сашка, это будет длиться столько, насколько хватит власти той конторы, где ты служишь, — разумно ответил Михаил.

— Десять лет, — припечатал я. — Через десять лет этот колосс на глиняных ногах рухнет. Не нужно тебе сейчас уезжать в Израиль. Внуши это матери. В будущем тебе и здесь работы хватит.

— Ты уверен? — задумался друг.

— Перечитай классиков марксизма-ленинизма про признаки революционной ситуации, — рекомендовал я. — А сейчас едем ко мне, есть чем похвастаться.

Орден Мишку ошеломил. Он его долго разглядывал, прикинул на себя пиджак (натянуть не смог, комплектация подкачала). Спросил, кому об этом можно рассказать, я попросил особо не распространяться. Мои знают, а чужим не нужно давать лишнюю информацию.

Переключились на Мишкины успехи. Звание доцента он получил, но с преподаванием

не всё так просто. Пока у него полставки на кафедре и ещё подработка в одном из техникумов столицы.

— Академия наук мне не светит, — не совсем оптимистично заявил Михаил, сооружая из моих запасов бутерброды. — Чайник поставь.

— Ты метил в академики? — поинтересовался я.

— Куда бы я ни метил, не уверен, что смогу получить даже звание профессора.

— Национальность? — проявил я прозорливость.

— Угу, — с набитым ртом отозвался Михаил. После прожевал кусок и продолжил: — Антисемитизм у нас в математике.

— Ты же Михаил Иванов, русский.

— А покойный папа еврей. Повезло, что у нас близкой родни, считай, нет. Отец привёз маму из Ленинграда. Сам понимаешь, что после блокады мало кто выжил. Есть какие-то троюродные дяди и тётки где-то в Одессе. Мы никогда не общались, так что во всех анкетах я с чистой совестью пишу, что родственников не имею.

— На тебя начали уже давить? — спросил я.

— Не начали, правда, но я и не особо высываюсь. Парочку статей моих пропустили, но подразумеваю, по той причине, что подпись была «Иванов».

Дальше Михаил стал вводить меня в курс этой математической кухни. Иван Матвеевич Виноградов, выдающийся авторитет и неформальный лидер всех математиков СССР, был откровенным антисемитом. Из руководимого им МИАН он изгнал практически всех евреев.

— Не стану принижать его достижений и совершенно гениальный метод тригонометрических сумм. Те проблемы, что были недоступны в начале двадцатого века, решены благодаря его методу. Ты знаешь, что представляла собой проблема Варинга? — спросил Мишка.

— Упаси боже, — честно ответил я.

— Как гипотеза она была предложена во второй половине восемнадцатого века, — уже не обращая на меня внимания Михаил, оседлав любимого конька. — Гильберт доказал её в 1909 году. До этого проблему удавалось решить только в частных случаях. К примеру, теоремой Лагранжа о сумме четырёх квадратов. Харди и Литлвуд разработали круговой метод. И только Виноградов создал метод тригонометрических сумм.

— Я понял, Виноградов гений, — успел вставить фразу до того, пока Михаила вновь не унесло в математические дали.

— При этом он редкий мерзавец и человеконенавистник, — дополнил друг. — Понтрягин тоже антисемит, но он хотя бы диссидентов поддерживал, а после активно выступал против награждения Филдсовской премией Григория Маргулиса и Владимира Арнольда. Зато приблизил себе любимчика Аносова.

Фамилия показалась мне знакомой и я рискнул вставить замечание по поводу того, что Аносов не так уж плох.

— Да неужели?! Ты читал его докторскую диссертацию «Геодезические потоки на замкнутых римановых многообразиях отрицательной кривизны»? — возмущённо поинтересовался Михаил.

— Упаси боже, — повторил я и испытал желание перекреститься от одного названия той диссертации. — И очень жаль, что ты не влился в ряды любимчиков Понтрягина.

— Мне и под началом Тихонова неплохо, — заметил Михаил. — Сам же говорил, что за вычислительной математикой и кибернетикой будущее.

Разглагольствованиа Мишки продолжались. Я жевал бутерброды, запивал чаем и думал о том, как всё же мне повезло с выбором друзей. Отчего Михаилу и в голову не пришла идея «утопить» оппонентов, настрочив донос? Где-то через час я предложил свернуть домашние посиделки и прошвырнуться в кафе.

— В «Космос» или куда-нибудь ещё, — стал я агитировать Мишку.

— Из нас двоих это ты холостяк, которому ничего не будет за то, что пошёл знакомиться со столичными девушками.

— Твоя супруга не узнает, я могила.

— Мама отругает, — тяжело вздохнул «послушный мальчик» Миша и заверил, что готов к культпоходу.

Автомобиль, естественно, я брать не стал. Кто его знает, как там дальше вечер пойдёт? Коктейль наверняка выпьем, и куда потом, за руль? Уже возле метро я сообразил, что, надев лёгкую куртку вместо пиджака с орденом, не переложил документы из кармана. Будь я за рулём, обязательно взял бы права и удостоверение. А тут из головы вылетело.

Вообще в Москве этого времени редко кто носит постоянно с собой паспорт. Некоторые специально не берут, чтобы не потерять. Можно месяцами ходить без паспорта и в очень редких случаях тебя тормознут и попросят документы. Возвращаться домой я не стал, решив, что это плохая примета. Мишка о таких вещах вообще не задумывался. Он снова углубился в математические дебри, втирая мне что-то про теоремы и методы. Изредка я вставлял пару слов, чтобы поддержать видимость диалога. Хочет друг высказаться, пусть говорит. Нужно же кому-то его выслушать. Подозреваю, что тётя Роза с трудом воспринимает заумные речи сыночка.

В «Космос» я потащил Мишку не просто так. Начало сентября, большинство студентов помогает колхозникам собирать урожай. Число праздных туристов тоже уменьшилось. Школьники, те, кто не москвичи, разъехались по домам. Попасть в кафе на улице Горького достаточно просто и контингент должен быть подходящий.

— Когда-то мы со своими девчонками сюда ходили, — припомнил я, заглотив половину бокала коктейля «Шампань-коблер». Михаила я сразу предупредил, что это мой орден обмываем и я плачу. Для меня 1 рубль 18 копеек за коктейль недорого.

— Дамский напиток, — произнёс Мишка. — Светке нравился.

Собственно, он редко употреблял что-то крепче. Коктейль имел приятный вкус, но по мозгам бил сразу. Впрочем, так же быстро и выветривался. В составе коктейля было шампанское, коньяк, ликёр и сироп. Пропорции того алкоголя были смешными: коньяк — одна столовая ложка, вишнёвый ликёр — столько же, шампанского — 60 мл. Остальные компоненты безалкогольные. Ими набирался общий объём напитка. Но как мы знаем, смесь коньяка и шампанского даст нужный эффект. Состояние опьянения наступало буквально после первого глотка.

Часа через полтора я решил, что уже не могу видеть мороженое, а от сладкого коктейля скоро слипнется то место, что пониже спины. К тому же мой расчёт на знакомство с девушками себя не оправдал. Мишка, зараза, сверкал обручальным кольцом, отгоняя потенциальных для знакомства девиц. Другу же пришла в голову идея пойти куда-нибудь на дискотеку, но для начала просто прогуляться во вечерней Москве.

Часа через полтора, взяв такси, мы поехали на набережную Яузы. Там, в Доме культуры студенческого общежития, проводились по выходным дискотеки. К сожалению, без студенческих билетов нас внутрь не пустили. Один я, может, ещё и сошёл бы за

старшекурсника, но здоровый Михаил выбивался из нужного образа.

— Не очень-то и хотелось, — обиженно сообщил я. — И вообще, девчонки могут на подступах прогуливаться. Давай подождём.

Пока мы околачивались на подступах к Дому культуры, я затеял дискуссию на музыкальную тему.

— Отчего сейчас никто не танцует под американское диско, предпочитая Beatles, Queen, Boney M? Не умеют, сложные движения для таких мелодий?

— Ты у меня спрашиваешь? — усмехнулся друг. — Это твои коллеги готовы «шить» связь с Западом, пропаганду и агитацию за одно прослушивание подобных дисков. И вообще мы чем тут занимаемся? Смотри, какая цыпа поцокала.

Я повернулся, чтобы проследить за тем, куда указывал Михаил, и заметил:

— Она от одного твоего вида сбежит. Уже стемнело, а мужчина твоей комплекции может вызвать совсем не те чувства, — заметил я.

— К тому же она дура, — неожиданно сообщил Михаил и решил пояснить видение ситуации: — Одна, по тёмным переулкам...

— В центре Москвы, где полно бдительных граждан и милиции, — дополнил я.

— Пойдём проводим её, не приближаясь, — предложил Михаил.

— Могу и познакомиться с девушкой, если ты чуть отстанешь.

— Поспеши, я как раз вот тут сверну. Отлить нужно, — сообщил Мишка.

Отлить и мне бы не помешало, но на первом месте девушка с симпатичными ножками, гуляющая в одиночестве поздним вечером. Насчёт центра города я немного преувеличил. Хорошо, что девушка двигалась в сторону Матросского моста, а не в обратном направлении.

Бежать следом я не стал, поскольку примерно понял её маршрут. Сейчас она поднимется по ступеням на пешеходную часть моста и дальше до метро «Преображенская площадь». В общем, спешить не стоило, никуда она не денется. Зато стоило подождать Мишку и проверить кустики неподалёку. Ой, только не нужно меня уверять, что никто из вас не пользовался в тёмное время суток подобными кустами в случае, если приспичит!

Завершил я свои дела как раз вовремя — Мишка появился. Негромко свистнул, привлекая к себе внимание.

— И где наша мадемуазель? — спросил он.

— Думаю, что на мост поднимается. Поторопимся, чтобы кто-то другой, более шустрый, не перехватил.

— Шустрых здесь не видно, — заметил друг, намекая, что нам даже праздные прохожие не встречались.

И тут как по заказу из-под моста такой «шустрик» выскочил. С разбега он натолкнулся на меня, сделал странный жест рукой, но тут его взгляд упал на Мишку и он, прижимая некий предмет к себе, рванул вдоль набережной.

— Осторожнее, товарищ, — успел я сказать вслед.

— Сашка, у него женская сумочка в руках была, — заметил больше меня Михаил. — А девушка где? — с нотками беспокойства в голосе задал он вопрос.

Ступени, ведущие на мост, хорошо просматривались. Девушки нигде не было. Двойные фонари нормально освещали мост и окружение, но не то, что было под мостом. Не сговариваясь, мы с Михаилом кинулись туда и почти сразу наткнулись на тело девушки.

— Проверь, как она, я ту суку догоню! — крикнул Михаил и помчался за тем парнем.

Не знаю, каковы были шансы догнать преступника, но мужская фигура ещё не исчезла

из поля зрения. Я же поспешил на помощь девушке. Освещение под мостом было тусклое, для автомобилей хватало света фар. Как нарочно, машин не было, и я правой рукой сразу вляпался во что-то липкое, похожее на кровь. Чтобы не пачкаться дальше самому и не пачкать девушку, левой рукой осторожно дотронулся до шеи. Она хорошо была видна и выделялась неестественной белизной. Пульс не прощупывался.

Звать на помощь бесполезно, но в милицию требовалось позвонить. Выскочил я на освещённый участок, пребывая в шоковом состоянии. И тут удача! Патруль ДНД. Что-то в моём поведении им не понравилось, и двое парней выдвинулись вперёд. Слишком резко и быстро приблизились. Убегать я не собирался, но сработали давно отработанные инстинкты. Какого чёрта я сделал подсечку одному из приблизившихся и сам понять не смог. Зато это стало своеобразный командой «фас» для всех остальных.

— Да он весь в крови! — увидели дружинники мою правую руку.

— Сам пострадал или кто-то другой? — задался вопросом старший из тройки.

— Там девушка, — кивнул я в сторону моста.

Оружия или чего-то подобного дружинники никогда не носят, зато имеют свистки. Трель такого вскоре раздалась. К моему большому изумлению, милицейская машина была припаркована неподалёку. Не помню, чтобы мы её видели, когда шли за девушкой. Вероятно, этот район усиливают патрулями специально в воскресенье вечером, когда молодёжь из Дома культуры начинает расползаться по домам.

— Ваши документы? — задал самый неприятный для меня вопрос представитель правопорядка.

— Забыл в пиджаке, — совершенно честно ответил я.

Собственно, больше ничего сказать не успел. Один из дружинников проверил место под мостом и теперь с криком: «Там девушка убитая!» бежал к нам.

— Этого хватайте, — скомандовал милиционер и подал знак своему напарнику. Никогда в жизни не примерял на себя наручники, а тут довелось.

Сноровка заламывать руки и тыкать носом в капот автомобиля у милиционеров была отличная. Чуть не похвалил их за столь оперативные действия. Затолкали меня в клетушку УАЗа с решётками и стали связываться с кем-то по рации. Доказывать и выгораживать себя я не видел смысла. Народ нервничает, под мостом труп лежит. Лучше уж в спокойной обстановке рассказать всё в отделении.

На вызов примчались сразу две милицейские машины, и УАЗ двинулся к тому отделению милиции, к которому был приписан.

Мысли у меня были самые безрадостные. Надеюсь, Мишка сообразит позвонить домой и объяснить отцу ситуацию. Иначе меня ждёт очень долгая ночь. Допрашивать начнут сразу, не дожидаясь результатов экспертизы. А я как нарочно без документов. Установить по прописке паспортные данные смогут утром, и судя по довольным мордам патрульных, я их в качестве подозреваемого более чем устраивал. Не нашли у меня орудия преступления и чего-то того, что могло подойти? Так река рядом. Мол, подозреваемый выкинул, и концы в воду.

Уже в отделении при свете ламп я осмотрел себя и ужаснулся. Наручники сняли, чтобы откатать отпечатки пальцев, и оказалось, у меня не только ладонь кровью измазана, но и рукав, куртка в районе кармана и даже немного обувь. Это сколько же там крови успело натечь за короткое время?

— Фамилия, имя, отчество, адрес проживания, — начал фиксировать мои данные кто-то из оперов.

Отвечал я спокойно, упомянув при вопросе о роде деятельности Союзхудожников. О том, что я из КГБ, решил промолчать. Невольно в памяти всплыли кадры фильма «Убийство на „Ждановской“», которое случится через три года. Там потерпевший даже показал корочки КГБ, что имело фатальные последствия. Его убили именно по той причине, что опасались комитетчиков. КГБ за своего сотрудника сразу бы начал рыть землю носом, и те милиционеры предпочли оттащить тело подальше, надеясь, что никто не свяжет труп с ними.

КГБ имеет противостояние не только с военной разведкой, но и с МВД. Лучше прикинуться тихим художником и ждать, когда отец поднимет на ноги Илью или Владимира Петровича.

— Гражданин Петров, ещё раз поясните, зачем вы шли за девушкой?

— Поздний вечер, она одна, мы с другом решили негласно проводить её до метро.

— Где вы и что пили? — новый вопрос.

— Ничего не пил, — категорично ответил я.

Пьяным я не выглядел. С момента употребления коктейля прошло около четырёх часов. Им нужно было сразу брать кровь на анализ, а так уже ничего не докажут. Меня даже в вытрезвитель не отправят.

Первый подсунутый мне протокол я отказался подписывать. Слишком уж размытые там были формулировки. Не говорил я такого, что собирался с другом подкараулить какую-нибудь девушку в тихом месте.

За отказ получил ощутимый удар по печени.

— Ничего, до завтра ты у меня созрешь! — пообещал милиционер.

Действующие лица в комнате сменились.

— Что же вы отпираетесь, гражданин Петров? — задал вопрос новый участник этого идиотского спектакля. — Ваш дружок уже всю даёт показания.

— Какой дружок? — опешил я.

— Иванов Михаил Иванович, — прочитал на листке мужчина.

Я чуть не взвыл. Мишка идиот! Наверняка вернулся и нет бы сделать вид, что он случайный прохожий, стал меня искать.

— Вспомнил своего подельника? — задал мне вопрос зашедший в комнату первый опер и двинул в ухо так, я чуть со стула не упал.

— Это не подельник! Он доцент...

— Так-так... — обрадовался тот, кто был за столом. — Кличка «Доцент».

То, что эти менты не блещут интеллектом, я сразу понял, хотя кино они смотрят, только слушать не умеют.

— Мой друг преподаватель МГУ и доцент. Это научное звание, — пояснил я как для дебилов. — У вас же есть домашний адрес, пошлите кого-нибудь с проверкой.

— Делать нам нечего как по Москве мотаться, пока вы невинных девушек убиваете.

Говорить и доказывать что-то было бесполезно. Я получил ещё два удара по печени и один такое сильный в солнечное сплетение, что упал со стула. Корчась на полу, стал прикидывать, сколько времени понадобится Илье, чтобы узнать, что я попал в неприятности. Вначале он решит, что я проспал, опоздал на службу. Ближе к десяти утра или раньше позвонит домой. Ответа не будет, начнёт искать. По-любому получалось, что раньше обеда Илья меня не найдёт. Дожить бы до этого времени.

— Слушай сюда, Петров. Здесь следственный изолятор неподалёку, я могу хоть сейчас

тебя оформить. И камеру подберут такую, что ты ещё до утра станешь «девочкой». Знаешь, как тамошние обитатели любят таких? Попрошу кого нужно, чтобы приласкали как следует. Ну! Будешь чистосердечное подписывать?

— Иди в жопу, — ответил я.

То, что берут на понт, я знал стопроцентно. Как же, примут меня ночью в СИЗО! Он бы ещё психушкой пригрозил, она тоже поблизости. От очередной оплеухи голова качнулась так, что в шейном позвонке что-то хрустнуло. Милиционеры постоянно курсировали — одни выходили, другие заходили в кабинет, обменивались какими-то листками. Предположу, что параллельно вёлся допрос Мишки. Рассказывать мы должны одно и то же. Кроме того, пока не всплыло упоминание того, что я из КГБ. Молодчина Мишка, сообразил промолчать. Он всегда знал, что я не светил своей службой, вот и ментам не стал говорить. Надеюсь, что его меньше прессуют, и мы дождёмся помощи без существенных увечий.

Сколько по времени продолжался допрос, я не имел ни малейшего представления, поскольку часы у меня отобрали. Казалось, прошла целая вечность. Хотелось спать и пить. Чего-то спрашивать, просить я не стал и очень обрадовался, когда дежурная смена утомилась ночным допросом, а меня перевели в одиночную камеру. Всё лучше, чем в обезьянник. Там не поспишь. Шум, телефоны дежурного звонят, задержанные разной степени опьянения качают права. Это я успел заметить, когда меня проводили мимо. Куда дели Михаила и что с ним, никто не говорил. Хотя про подельника упомянули много раз, склоняя к чистосердечному признанию.

До выяснения личности Мишку могут продержать трое суток. Надеюсь, что дольше чем до обеда мы с ним не просидим. Сообразит ли Илья запросить городскую сводку по задержанным за последние сутки? Вдруг начнёт с моргов и больниц, тогда обнаружит меня не скоро.

Как потом оказалось, зря я не вспомнил о тётке Розе. Кто-кто, а уж она обеспокоилась пропажей сыночка сразу после полуночи. Домашнего телефона у Левинсонов не было, но с автомата тётя Роза позвонила в мою мастерскую, а затем к нам домой. Отец отреагировал быстро. Проверил, что машина у дома, а меня нет. Не будь тётки Розы, он бы решил, что это наши комитетские дела, но Мишкина мама была настойчивой, как бульдозер. Ближе к двум часам ночи они с отцом подняли на ноги многих знакомых, включая генерала.

Про больницы и морги не забыли. Фамилия Иванов не самая редкая. Впрочем, как и Петров. Кто бы мог подумать, что за эти сутки Ивановых в моргах оказалось двое, в больницах пятеро и патрули задержали троих. Зато Петровых в милиции оказалось всего двое. Один за хулиганство, второй за убийство. В хулиганских действиях я никогда не был замечен, а вот дело с убийством Владимира Петровича заинтриговало. В пять утра они прибыли за мной.

— Петров, на выход, — прозвучала команда, когда я только-только провалился в сон. — Получите свои вещи, распишитесь. — Передо мной высыпали на стол отобранное ранее.

— У меня с собой было сорок четыре рубля, — заметил я, правильно предположив, что если отдают вещи, то выпускают.

— Ничего не знаю, — отозвался мент. — Расписывайся или обратно в камеру пойдёшь.

— Не распишусь и забирать ничего не буду, пока не вернёте деньги.

— Лысенко, вы скоро? — заглянул кто-то в комнату.

— Задержанный не желает расписываться.

— Деньги украли, — пояснил я.

— Так мы тут при чём? — похабно улыбнулся второй мент.

— При задержании у меня было сорок четыре рубля, сейчас их нет.

— Нет и нет, пшёл отсюда!

— Не пойду, — упёрся я.

Минут через пятнадцать наших пререканий и согласований с кем-то в коридоре раздались шаги нескольких человек и в кабинет вошёл Владимир Петрович. У меня просто камень с души упал. Кратко объяснил ему ситуацию.

— И судебно-медицинскую экспертизу на предмет моего избияния, — дополнил я, хотя и понимал, что менты отопрутся от всего. Скажут, что таким меня подобрали на улице.

Попробуй докажи. Генерал это знал как никто другой.

— Обязательно спросим тех, кто тебя допрашивал в Лефортово. Главное, что отправим туда этих хм... «оперативных» работников тоже в сильно побитом состоянии. Никто их в Лефортово избивать не будет. Ни-ни, — зло посмотрел на столпившихся милиционеров генерал. — А сейчас все дружно вывернули карманы и скинулись. Капитан утверждает, что при себе имел сорок четыре рубля, и я ему верю.

Минута, и нужная сумма мелкими купюрами по рублю и трояку была сложена в конверт, где лежали мои часы, шнурки от обуви и авторучка.

Илья ожидал меня на выходе. Вообще встречающая команда оказалась внушительной. Мишку освободили раньше, он с тётёй Розой сидел в машине Ильи.

— Сашенька! — кинулась ко мне Мишкина мама, опередив отца. — Да что же это делается?!

— Кровь не моя. Отмыться нормально было негде, — пояснил я.

— Ага, и ухо у тебя опухло просто так?

— Капитан Петров, — позвал меня генерал. — На экспертизу. Зафиксируем побои, — громко произнёс он, все, кто толпился на крыльце, услышали. Лица у ментов стали недовольными. Облажались они по полной. Отец меня хоть и приобнял, но согласился, что домой не стоит спешить.

— Ты езжай, отдохни, — попросил я его. — У меня дел сегодня будет много. И тётю Розу забери. Михаилу тоже придётся много бумаг заполнять, раньше обеда не освободимся.

Больше задерживаться мы не стали и небольшой кавалькадой выдвинулись в сторону центра.

— Дурак ты Сашка, — начал почти сразу воспитательную работу генерал. — Сказал бы сразу, что комитетчик, тебя бы так не прессовали.

— Конец декабря, 1980 год. На станции «Ждановской» линейный патруль убьёт мужчину именно потому, что он был из КГБ. Остальных задержанных они обычно просто избивали.

Владимир Петрович с шумом втянул воздух и воздержался от дальнейших высказываний на эту тему.

— Не забудь записать своё видение, — напомнил он. — С подробными деталями, какие вспомнишь.

Грязного и в крови, меня привезли на экспертизу, чтобы зафиксировать побои. Михаила менты не тронули. Он хоть и походил, по их мнению, на соучастника, но возле мёртвой девушки его не видели. После я отпросился домой. Успею дать показания следователю из комитета. Мне бы отмыться, переодеться и немного перекусить.

Водитель служебной машины остался ждать внизу, а я как можно быстрее стал приводить себя в порядок. Главное, произвести наилучшее впечатление на всех, кто будет заниматься этим делом. По этой причине обязательно побриться и вымыть голову. Плюс белая рубашка, галстук, серый с полосочку костюм и идеально начищенные туфли. Вот в таком виде можно прямо к Брежневу на приём.

Мысль в голове промелькнула, но не прижилась там. И каково же было моё удивление, когда, вернувшись на Лубянку, я узнал, что дело на рассмотрении у самого Андропова. Илья и Владимир Петрович уже успели рапорты написать, приложив к ним данные экспертизы моего избиения и несколько свидетельских показаний того, что до попадания к ментам я был «целенький». Дежурный дома культуры вспомнил, как не пропустил на дискотеку двух

парней возрастом, превышающим студенческий.

Мне запоздало пришло в голову, что нужно было дежурному сунуть рубль. В середине сентября не так много студентов, наверняка в зале присутствовало немного народа, и дядька проявил принципиальность совсем по другой причине.

Встретивший меня порученец от Владимира Петровича ввёл в курс дела и повёл за собой. Андропов лично заинтересовался делом избиения сотрудника КГБ. Кабинет Андропова располагался в старом здании на втором этаже. Бывать в нём доводилось немногим. И у меня проснулся чисто исследовательский интерес. Когда ещё увидишь сильных мира сего, так сказать, в естественной среде обитания?

Меня ждали. В приёмной мы с сопровождающим тормознулись всего на несколько секунд, и я получил разрешение зайти. Владимир Петрович уже был в кабинете. Сидел он за приставным столиком к тому, за которым работал Андропов. Мне присесть не предложили, но велели подойти ближе. По ходу дела я успел рассмотреть кабинет, поразившись наличию в нём камина.

Андропов отвлёкся от бумаг и буквально впился в меня взглядом.

— Лучший наш аналитик, — подал голос Владимир Петрович.

— Изложите своё видение ситуации, — предложил мне Андропов.

Я кратко сообщил о случившемся. Благо за ночь на допросах натренировался в рассказе и без предварительной репетиции чётко изложил историю. От себя добавил, что лицо убийцы запомнил очень хорошо и обязательно нарисую. Просто за всей этой утренней суматохой времени свободного не было.

— Петров-Увахин — член Союза художников. Мечтает написать ваш портрет, Юрий Владимирович, — зачем-то сообщил дядя Вова.

Андропов сразу и не нашёлся с ответом, но обещал подумать или, что более вероятно, освежить в памяти детали моей биографии. Задал ещё несколько вопросов и отпустил нас: начальство работать, а меня рисовать убийцу.

— Может, Михаила привезти, чтобы он тоже рисунки посмотрел? — предложил Владимир Петрович, перебирая те наброски, что я вскоре выполнил.

— Не нужно, — ответил я. Мне не дали времени упорядочить свои воспоминания. Это сейчас я понял, что у преступника в руке был нож. Он его сумкой прикрывал. Если бы не подоспевший Михаил, я бы получил удар ножом. Помню, как парень начал поднимать руку, а после передумал и побежал.

— Симпатичный. Такого должны многие запомнить, — разглядывал генерал портреты убийцы.

— Должны, должны... — задумчиво крутил я собственный рисунок. Владимир Петрович притих и не шевелился, боясь сбить меня с мысли.

В начале двадцать первого века в интернете можно было найти море информации по любому вопросу. Маньяками и убийцами, проявившими себя во времена СССР, я никогда не интересовался. Правда были и исключения, но только по той причине, что меня привлекла другая информация. Специально биографии известных художников я не отслеживал. Конечно же знал известных графиков Куприянова, Крылова и Соколова. Тех самых Кукрыниксов, которые всю войну создавали пронзительные по выразительности плакаты. Их карикатуры по праву заняли место в Третьяковке и других музеях.

В октябре 1977 года у Куприянова Михаила Васильевича произошла трагедия в семье. Была убита супруга Лидия. Преступником оказался маньяк, убивший и ограбивший до этого

многих людей, в основном женщин. Меня в той истории больше всего поразило, что внешне убийца оказался привлекательным парнем. Он даже одно время работал натурщиком. Сами понимаете, отчего подобные факты запомнились. Они были мне близки и фото маньяка я рассматривал с профессиональной точки зрения.

— Уверенности нет, — пробормотал я, демонстрируя портрет Владимиру Петровичу. — Возможно, несколько лет назад этот человек позировал в художественном учебном заведении. Не гарантирую, что в Москве.

— Уже неплохо, — сразу подобрался генерал. — Сделай несколько копий вот этого крупного портрета. Дело у Андропова, рыть будут основательно.

Илье я дал более развёрнутую информацию, рассказав об убитой жене Куприянова. Был вариант проследить за женщиной, но я не помнил даты. Да и чем объяснить такое наружное наблюдение? Конечно, если не получится отыскать натурщика в художественных заведениях, то придётся следить за Лидией Куприяновой. Очень хотелось надеяться, что преподаватели запомнили молодого человека, подрабатывающего подобным образом. Если моя профессиональная память сработала, надеюсь, и кто-то другой вспомнит.

— Закругляемся, — наконец решил Илья.

После экспертизы мне рекомендовали покой и постельный режим. Я и так слишком много времени на ногах. Настолько продуктивно провёл выходной день, что воспоминаний хватит надолго.

— Иди домой, а не в мастерскую, — настоял Илья.

Собственно, я тоже планировал заглянуть к родителям. Там отец волнуется. Мы с ним толком и поговорить не успели. Как потом выяснилось, родитель не просто волновался — он рвал и метал, возмущаясь произволу милиции.

— Я до Щёлокова дойду! Это же уму непостижимо!

— Пап, ты думаешь, я один попал под эту гребёнку? И всё происходит в следственных изоляторах строго по букве закона?

— Сын, ты молод ещё, не понимаешь, так нельзя оставлять.

— Не оставят, — заверил я и был абсолютно в этом уверен. Андропов уже «закусил удила», у него нюх на сенсации, а они в этом деле будут, я уверен. Успел поговорить с отцом до прихода маман с работы. Она удивилась моему внешнему виду, спросила, на каких соревнованиях по самбо я был, что меня так отметили.

— На районных, — сообщил я и скрылся в своей комнате.

Устал невероятно. Нам повезло, что тётя Роза вовремя спохватилась. Отец тоже молодец. Правда не поверил, что мой случай не единичный. Советские люди привычно считают, что родная милиция их уберёжёт и защитит. В большинстве случаев так оно и есть. Но разложение, происходящее среди верхушки МВД, уже отражается на личном составе. Безнаказанность застилает глаза.

Не буду говорить, что в следственном изоляторе КГБ лучше. Подлые методы тоже используются. В Лефортово новичка сажают в обязательном порядке в камеру с наседкой. Наседка — это не сотрудник КГБ, а заключённый, согласившийся на сотрудничество. Как правило, соглашаются стать наседками какие-нибудь махинаторы по хозяйственной части, валютчики и фарцовщики. То есть не авторитетные уголовники, а шушера, получившая большой срок.

Эти люди раньше сытно ели, хорошо жили, поэтому и дальше предпочитали иметь некие льготы. Им поясняли, что условия в Лефортово довольно неплохие и лучше здесь

пробыть подольше, чем где-то в другой тюрьме. За это требуется всего лишь склонить сокамерника к добровольному признанию. Даже не нужно никаких тайн выведывать, и без того есть кому этим заняться.

Ещё в Высшей школе нам приводили как пример курьёзный случай на тему наседок. Арестовали в 1966 году директора одной текстильной фабрики. Нарыли по доносу немного. Года на три колонии общего режима. Доказательств у следователя практически не было. И тут в ход пустили наседку. Тот и нашептал директору, что ежели добровольно раскаяться и всё отдать, то и суд учтёт, и срок скостят до условного. Поверил мужик и сам (!) добровольно отдал золото и бриллианты на три с половиной миллиона рублей. А это уже хищение в особо крупных размерах и расстрельная статья.

Кто был в курсе о подобных наседках, откровенничать не спешил, но не всегда это помогало.

Владимир Петрович как-то поведал мне анекдотический случай. В бытность, когда Семичастный стоял во главе КГБ, один из известных подпольных миллионеров Борис Ройфман оборудовал трикотажный цех при одной из психбольниц Москвы. Ожидаемо компетентные органы им заинтересовались и арестовали. Заместитель Генерального прокурора лично обещал, что если Ройфман сдаст ценности, то его не расстреляют. Подпольный миллионер поверил и в результате получил высшую меру наказания.

Бывало, что подпольных цеховиков раскручивали и другим способом. Наседка уверял, что лучше всего сдать тайник с наворованным к юбилею Октября (Первомаю и прочим праздникам), срок стопроцентно скостят. Многие верили, отдавали ценности сами.

Методы получения информации не совсем чистые, но те, против кого они применялись, и не были честными людьми. В Советском Союзе любой бизнес пресекался на корню. По отношению же ко мне были применены откровенно противозаконные действия.

С утра я проснулся по будильнику, но встал с трудом. Казалось, болело всё тело. Долбили молоточки в мозгу, ныл правый бок, вздохнуть полной грудью не получалось. И это мне повезло, что ни трещин, ни переломов рёбер не было. Кое-как добравшись до кухни, я поковырялся в аптечке и предпочёл завтраку две таблетки анальгина.

— Шурка, давай обратно в постель, — оценил отец моё состояние.

— Дел много, — возразил я.

— Без тебя пару дней разберутся. Позвоню Илье и предупрежу.

Прикинув в голове, что и как, я с этим согласился. Владимир Петрович просил копии портретов преступника. Так я и дома их могу нарисовать и передать с посыльным. В общем, дал себя уговорить и вернулся в постель. Второй раз поднялся ближе к обеду. Вышел, можно сказать, на запах, удивляясь тому, что у нас дома может так вкусно пахнуть. А обнаружив на кухне Михаила, сообразил, кто порадовал нас кулинарными изысками.

— Мама передала, — пояснил Мишка, кивнув на миску, полную пирожков, и кастрюльку с чем-то тушёным.

— Михаил, право слово, неудобно, — суетился отец.

— От чистого сердца, — заверил друг.

— Ты чего не на работе? — потянулся я за пирожком.

— Отметился на кафедре и ушёл. Сейчас толком работы нет.

Отец, взяв себе три пирожка и чашку с чаем, вышел из кухни, правильно предположив, что мы захотим поговорить друг с другом. После происшествия у нас встретиться не получилось и я жаждал услышать детали. История Михаила была примерно такой, как я себе

и представлял. Не догнав преступника, он вернулся и успел увидеть уезжающий УАЗ со мной внутри.

Очередной наивный мечтатель, ни разу не соприкасавшийся с работой правоохранительных органов и оказавшийся рядом с местом преступления без документов, удостоверяющих личность.

— Как ты и учил, ничего не подписывал, повторял одно и то же, в показаниях не путался, — прихвастнул Мишка.

— Подожди. Я сейчас кое-что нарисую, — вспомнил я о своём задании.

Личность убийцы Михаил опознал по портрету сразу и без вопросов. Я же продолжил рисовать, делая копии и слушая историю друга о том, почему он не смог догнать парня.

— Пока бежали по прямой, я его хорошо видел. Как он свернул, то скорее всего где-то притаился. Пошарился я, пошарился, да и вернулся к тебе. А там меня уже и арестовали.

— Задержали, — привычно поправил я друга.

Совместными усилиями мы припомнили одежду парня, но толку от этого не было. В подобных клетчатых рубашках четверть Москвы ходит.

Отлёживался дома я неделю. Мог бы и раньше на работу выйти, но Владимир Петрович велел лечиться. Особой нужды в моём присутствии не было. Следователям хватало того материала, который уже предоставили. Им предстояло доказать, что имело место нарушение должностных полномочий.

Что касалось убитой девушки, то пока это считалось не нашим делом. На самом деле по учебным заведениям Москвы были отправлены сотрудники с портретами.

— Не уверен до конца, но мне кажется, что этот убийца охотился на женщин в красной одежде, — выдал я генералу пришедшее в голову воспоминание. Дядя Вова аж крикнул от избытка чувств.

— Хорошо, если бы так. Щёлоков тут с экрана телевизора призывает к бдительности, а его подчинённые мало того, что избивают неповинного, так ещё и поймать убийц не могут.

С десятков сотрудников, отправленных по учебным заведениям, где мог подрабатывать натурщиком парень, управились споро и, что не менее важно, с отличным результатом. Они бы и быстрее могли найти, но сказался тот фактор, что часть преподавателей вместе со студентами ту самую картошку сейчас собирают. За некоторыми пришлось ехать за город.

— Андрей Николаевич Евсеев, — с нотками восторга в голосе зачитал данные генерал. — Брать будут силами следственного отдела КГБ.

Арест и последующая разработка велись независимо от МВД. У милиции не было ни малейшей зацепки. Из меня выбивали совсем не те показания. Ни внешность, ни прочие факты оперативников не заинтересовали. Зато у следователей комитета имелся полный расклад и заключение от аналитического отдела (в смысле от меня) о том, что по почерку, месту действия и выбору жертвы можно предположить, что этот человек в течение трёх лет убивал в Москве и Московской области одиноких женщин, в частности тех, кто носил одежду красного цвета.

Моих показаний и показаний Михаила, где мы уверенно опознали Евсеева, хватило для возбуждения уголовного дела.

А дальше вообще всё красиво прошло. Обыск дома у матери Евсеева, где проживал убийца, проводили те же орлы, которые добывали доказательства против Полякова. Вскрыли даже полы. Ювелирных украшений отыскали столько, что сами не ожидали. Просмотрев список найденных женских украшений, я обалдел. Это сколько же людей нужно было

ограбить?

Под напором неопровержимых улик Евсеев начал говорить.

Первой его жертвой стала школьница Марина Морозова, приехавшая к бабушке в Загорск. На девушке был красный наряд. Подобная расцветка стала на некоторое время визитной карточкой маньяка. Позже он перестал придерживаться своего правила. Да и советские женщины быстро поумнели, предпочли не провоцировать убийцу вызывающим цветом одежды.

Самым интересным фактом в этом первом случае оказалось то, что милиция Загорска нашла убийцу по горячим следам! Нашли, арестовали и получили показания. Жаль, дальше у них случилась неувязочка. Так называемый убийца не мог толком продемонстрировать, как и где убивал. К тому же убийства продолжились. Следователю не удалось притянуть за уши и повесить на того бедолагу убийство, несмотря на то что оперативники лихо нашли преступника. Типичный случай. Примерно как и со мной случилось — выбили признание в буквальном смысле этого слова.

Владимир Петрович конкретно этот эпизод и по моему задержанию оформил в отдельную папочку. Разве что подарочным бантиком не перевязал, когда отправился на доклад к Андропову. Надеюсь, это не тот случай, когда «паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Щёлоков получит такую оплеуху от Андропова, что мне как-то боязно стало. Кто же знал, что так всё раскрутится?

Своеобразного запаса прочности и власти у Щёлокова в конце 1977 года имелось предостаточно. Это я знаю, что он застрелится, когда Андропов начнёт усиленно под него копать. Но случится это после смерти Брежнева. Сейчас же «дорогому Леониду Ильичу» выгодно сталкивать лбами представителей силовых ведомств. Ничего не ново под луной — разделяй и властвуй. Щёлоков по делу маньяка и моему задержанию отписался ожидаемо: типа разберёмся с перегибами и уволим недостойных звания советского милиционера.

Единственный плюс для нашего ведомства — по телевидению объявили, что благодаря действенным мерам со стороны комитета государственной безопасности опасный маньяк, державший в страхе Москву и Московскую область в течение трёх лет, арестован и получит своё наказание. Про работу милиции даже не упомянули.

Андропов снова вызвал меня к себе, и я конкретно перетрухнул. Не к добру, когда рядового сотрудника привечают сильные мира сего.

Как оказалось, Юрий Владимирович уже успел проштудировать мою биографию. Много чего разузнал и пришёл к выводу, что я достоин чести запечатлеть его на холсте.

— Портрет парадный или для души? — уточнил я.

— Парадных у меня хватает, — скривился как от лимона Андропов. — На каждую демонстрацию трудящиеся выносят портреты вместе с транспарантами. Я слышал, что у вас, майор, неординарный подход и талант.

— Значит, портрет в домашней обстановке. Лучше бы на даче. И предоставьте мне несколько вариантов одежды, в которой хотите позировать, я отберу. Хотелось бы видеть свитер крупной вязки. К вашему цвету кожи что-то тёплых, но тёмных оттенков, — начал я откровенно «грузить» Андропова.

Тот слегка опешил и пообещал, что прикинет насчёт дачи и свитера. А я запоздало сообразил, что обратился ко мне Андропов как к «майору». Ошибся? Не думаю. Никак за пойманного маньяка поощрили внеочередным званием?

Ни Владимира Петровича, ни Илью моё сообщение о будущем портрете и новом звании не удивило. Чего-то подобного они и ждали.

— Сашка, ты же не дурак? — на всякий случай спросил генерал, предполагая мою художественную деятельность.

— Отнюдь, — заверил я.

На самом деле как себя вести и общаться с Андроповым в неформальной обстановке, я не знал, но и какого-то пиетета не испытывал. Для меня это некая историческая фигура, а не небожитель.

Время для написания портрета Андропов решил выделить в конце ноября. Пока же мне предстояло ждать и работать в родном управлении. Кстати, на службе случились некоторые несостыковки. Звание-то мне внеочередное присвоили, а свободной должности под него не оказалось. В этом плане Владимиру Петровичу было проще. Он, получив очередную звёздочку на погоны, остался на своём месте. Правда, с существенной добавкой к зарплате.

Что делать со мной, он так и не решил. Написал рапорт о несоответствии звания должности, да и махнул на это рукой, велел мне заниматься аналитикой. И не только по Великобритании, а вообще по всему тому, что приносят в управление.

— Сам выбери, что там интересного и важного, — напутствовал генерал-лейтенант.

В этом году много чего случилось в стране и за рубежом. Илья в наших частных встречах всё выпрашивал меня: «Как так?! Почему я такое не помню?!» Терпеливо пояснял ему, что в голове у меня не компьютер из будущего, а обычные среднестатистические мозги. То, что кажется важным сейчас, мало кому интересно в двадцать первом веке.

Что-то интересное в западных СМИ я, конечно, находил. Если бы знал, что в это время так часто самолёты падают, давно перестал бы на них летать. Всё же есть некая польза от того, что об этом умалчивается в советской прессе.

Из того, что я читал ежедневно, ничего особенного не видел и предсказаний не делал, поскольку раньше в эти дебри международной жизни конца 70-х годов не вникал. Про ту же Индиру Ганди так и не смог вспомнить, когда её застрелили. Выборы в марте 1977 года она проиграла, и не последнюю роль в этом деле сыграла массовая стерилизация мужского населения. Довольно непопулярный метод повышения благосостояния народа. Подразумевалось, что чем меньше будет рождаться детей, чем меньше государственных расходов.

Удивительное дело, более шести миллионам мужчинам была произведена насильственная вазэктомия (не путать с кастрацией!). Казалось бы, приличная цифра. Сейчас в Греции немногим больше населения проживает, а в Израиле так вообще половина от того числа, которое в Индии стерилизовали. Тем не менее в начале двадцать первого века населения в Индии было более миллиарда человек. И как тут осуждать действия Индиры Ганди? Страна на грани нищеты, кормить всю эту ораву нечем. Ещё и плодятся как кролики.

Пост премьер-министра в этом году Индира Ганди потеряла, но я точно знал, что она получит его снова. Новое правительство не учло уроков и тоже стало применять непопулярные методы внутри страны, сократив продажу алкоголя и заявив о том, что с 1981 года будет введён всеобщий запрет на алкоголь.

Написав обзорную справку по Индии и отдав её Владимиру Петровичу, я продолжил сидеть на работе тише мыши. По делу о Полякове (следствие продолжалось) ко мне больше не приставали, поскольку все были в курсе, что Андропов за мной лично присматривает. В случае возникновения вопросов их есть кому задать.

Зато тётю Розу ничего не останавливало. Куда там следователям до этих умений потрошить словно курёнка того, кто владеет информацией! У тёти Розы получалось всё так ненавязчиво, в промежутках между подачей блюд, что следить за языком получалось вдвойне трудно. И ведь не скажешь ей, что пока есть жопа, приключения не закончатся. Приходилось деликатно отвечать на вопросы и проявлять фантазию, чтобы пояснить, для чего мы вообще в том районе появились.

В результате я поведал тёте Розе грустную историю, как со смертью Светки для меня перекрылся доступ к приличным девушкам. Не знакомиться же с шалавами на улице Горького? Потому приходится ходить по дискотекам.

На самом деле это была первая моя попытка за последние лет пять посетить танцульки. В последний раз именно Светка затащила нас на дискотеку. Мы тогда под «Зиму» Хиля лихо отплясывали.

— У нас на работе Юлечка не замужем. Нужно вас познакомить, — неожиданно заявила тётя Роза. — Она красивая.

— Красивая для своей весовой категории, — встрял Мишка и тут же выдал подходящий к случаю анекдот:

— *Сёма, как ваша красавица?*

— Масло нужно менять... Или вы про Софочку?

В общем, тему предполагаемых невест (от тёти Розы) удалось закрыть. Мишку к себе в гости я всё же заманил, пообещав его маме, что больше мы никуда не пойдём, а будем заниматься портретом.

Живопись, как и музыка, требует постоянной тренировки. Чуть упустишь, и навыки теряются. А мне вскоре Андропова изображать. Не хотелось опозориться. Потому попросил Михаила попозировать. Он пообещал предоставлять себя по вечерам до конца месяца. После вернётся жена, начнутся занятия у студентов, а у Михаила полноценная преподавательская деятельность. Ему и так сильно повезло, что «на картошку» со студентами отправили аспирантов и он остался по каким-то делам на кафедре. Сам Мишка рвался тоже поехать, но завкафедры загрузил его другой работой, сообщив свою мудрость: «Жёны, увы, стареют, а студентки второго курса — никогда!»

В любом случае у меня, кроме Мишки в качестве натурщика, отец имеется. Посажу и его позировать. Михаилу такую срочность поддержания профессиональных навыков я объяснил, не став скрывать, что вскоре жду в качестве натурщика Андропова.

— Высоко взлетел, — кратко прокомментировал это сообщение Михаил.

Я и сам понимал, что, становясь любимчиком Андропова, получу в нагрузку и его врагов. Этой весной кресло под главой КГБ откровенно закачалось. Простые обыватели не заметили ничего такого. Меня же просветил Владимир Петрович. Андропов был на грани удаления из Политбюро. Однако вместо Юрия Владимировича за бортом оказался Подгорный.

Очень многим были не по душе его речи. Подгорный назвал экспорт газа в западные страны «распродажей Сибири». Кроме того, раскритиковал перекося промышленность в сторону тяжёлой. Недостаток товаров народного потребления уже сильно заметен, а дальше станет хуже. Оказывается, были умные люди в нашей стране, кто видел эти проблемы.

С такой критикой Брежнев и Суслов не смогли смириться. Также им внушало опасение то, что на западе Подгорного считали вторым по влиянию членом Политбюро после Брежнева. Авторитет Подгорного во многих странах был невероятно высоким. Не уверен, что молодёжь России в 2021 году без гугла и справочников могла сказать, кем был Николай Викторович Подгорный. А вот один мой приятель, англичанин, прекрасно помнил такого советского политика спустя почти полвека.

Когда-то давно он видел на фото жену Подгорного. И в начале двадцать первого века, встретив любую русскую женщину, симпатичную, но немного полноватую, называл её «madam Podgornu», в смысле что похожа на жену бывшего председателя Президиума Верховного Совета СССР. Представляете, какой авторитет был у Николая Викторовича в западных странах в середине 70-х годов, что его не забыли спустя столько лет?!

Подковёрная игра по устранению Подгорного велась нешуточная, и в мае 1977 года без всяких объяснений он был выведен из состава Политбюро. Ну а дальше сформировалось известное трио: Андропов, Громыко, Устинов. Именно те, кто будет голосовать за введение советских войск в Афганистан. Куда мне с такими монстрами тягаться?

На тему Афганистана я дяде Вове никаких озарений не выдавал. Мысленно в голове я много раз прокручивал в голове ситуацию, как прихожу к тому же Андропову и заявляю, что обладаю знаниями будущего. Меня тут же под белые ручки и в специальное заведение переправят. Возможно, даже поверят и будут «доить» до тех пор, пока я смогу выдавать информацию. На волю точно не отпустят. Я же, считай, ходячая бомба замедленного

действия. Вдруг что кому сболтну? Вдруг кто-то ещё узнает о будущем?

По этой причине для Владимира Петровича я много лет создавал нужный образ неординарного парня, которому приходят в голову «озарения». И не по заказу, а под настроение или в критической ситуации. Предупреждение об убийстве на «Ждановской» как раз идеально попадало под эту категорию внезапных озарений.

Одно время дядя Вова пытался надавить на меня, стимулировать, немного поугатать, но я был кремень, заявляя, что «из-под палки не озаряюсь» и вообще свободный художник во всех проявлениях. О том, что не стоит говорить даже об этих «озарениях» Юрию Владимировичу, я и сам знал, а генерал на всякий случай предупредил, чтобы я при частной беседе с Андроповым не ляпнул чего-нибудь эдакого.

В общем, война в Афганистане будет. Илья, конечно, знал и переживал. Но на моё предложение написать письмо якобы от пришельца из будущего и подкинуть его Андропову, друг только что у виска не покрутил.

— А если другие факты написать, которые сбудутся, чтобы поверили? — предложил я. — И дальше уже про войну в Афганистане?

— Сашка, во-первых, имеется большая вероятность того, что Владимир Петрович узнает о таком письме. Как ты думаешь, сколько ему потребуется времени, чтобы сообразить, откуда ноги растут?

— Он и без того в курсе, что я иногда выдаю.

— Во-вторых, — не стал меня слушать Илья, — что конкретно с датами ты можешь вспомнить в качестве примера своих способностей?

— Дату смерти Брежнева, — пробормотал я.

— Вот удача! — хохотнул Илья. — Тебя сам Владимир Петрович по-тихому придушит, чтобы оградить себя от последствий такого предсказания.

Пока я судорожно пытался вспомнить что-нибудь подходящее, Илья продолжил:

— Ты же сам уверял, что одна из главных причин войны — желание Советского Союза получить на юге «послушного и хорошего соседа».

— Это пока наши вояки не в курсе, что «послушный» ислам может быть только для своих. К тому же ЦРУ будет всячески поддерживать и провоцировать афганских моджахедов.

— Не забудь о той информации, что поступает в управление «А», — напомнил Илья.

Кстати, да, информация стекалась непростая. Участились нападения на заставы, пограничные наряды, на колхозы с целью грабежа и угон скота с территорий Туркмении, Узбекистана и Таджикистана. И если потерю материальных ценностей можно было простить, то с начала осени этого года появились случаи увода людей в плен. Кроме того, в сводках имелась информация об убийствах партийных работников и распространении листовок религиозного содержания. Притом что население трёх республик, граничащих с Афганистаном, исповедовало ислам, звоночек очень тревожный.

С политической же точки зрения ввод войск в Афганистан станет своего рода ответом на развёртывание ракет США в Европе. Также Афганистан являлся хорошим плацдармом для оказания помощи Индии. Зачем Советскому Союзу та дружба с Индией, опять же больше вопрос политики, чем реальная необходимость. Это уже противостояние не Америке, а Великобритании.

В общем, на фоне всех этих плюсов и минусов моё заявление о том, что не нужно вводить войска в Афганистан, по меньшей мере будет выглядеть глупо. Большие дяди из

правительства имеют своё мнение о том, как заниматься политикой. И своротить их с выбранного пути на данном этапе нереально.

Меня пока устроит стать немножечко «своим» в среде тех «небожителей». И написание портрета Андропова как раз будет в тему. Подрамник с холстом и примерный эскиз того, как я вижу Председателя КГБ, я уже подготовил. Оставалось дожидаться вызова.

Выделить немного свободного времени Андропов смог после ноябрьских праздников. Ко мне пришёл кто-то из доверенных лиц Юрия Владимировича и просветил, что мне предоставлен автомобиль с водителем и охранником. Сам Андропов отдыхает и лечится в «Барвихе». Неплохо он придумал с местом для позирования.

Доводилось мне бывать в том санатории. Не в качестве пациента, а как дизайнер^[4]. Интересно, зимний сад сейчас там имеется? Должен быть. По мне так идеальное место для портрета и в качестве освещения, и обстановки.

Оказалось, не я один такой умный. Андропов выбрал именно то самое место, что мне приглянулось.

— Вот, посмотрите. Подойдёт для работы? — сопровождал меня один из личных помощников Андропова. — Пальмы в кадках можно подвинуть, как вам больше подойдёт.

— Спасибо, освещение здесь отличное. С местом сейчас определяюсь, — заверил я.

Низкие подоконники, огромные окна и высокие потолки были идеальны для занятия живописью. Помпезность зимнего сада отражала стиль советской эпохи во всей красе: колонны, облицованные светлым мрамором, такой же пол, мини-бассейны с рыбками. Водные ёмкости обрамлял гранит. Не кладбище, но очень близко к этому. Всё строго, геометрично и как-то без души.

Помню, сколько времени потратил в начале двухтысячных, чтобы придать этому помещению немного тепла и уюта за счёт изделий из дерева. Сейчас же облицовка мрамором считается шиком. Но обилия людей в зимнем саду нет. Похоже, народ предпочитает прогулки пусть и на холоде, на улице, чем здесь.

Работать над портретом мы начали уже на следующий день, согласовав время с процедурами, которые прописали Юрию Владимировичу в санатории. Привычно я рассказывал, что и как делаю. Почему так, а не иначе. Андропов в свитере тёмно-серого цвета (не было у него ничего более подходящего) держал в руках книгу, спокойно позировал, а ещё внимательно слушал. Я бы сказал, слишком внимательно. Как бы не ляпнуть чего лишнего.

Парочка охранников маячила у меня за спиной. Особой необходимости в них не было, но если кто-то появится из посторонних, они должны деликатно намекнуть, что подходить и рассматривать художника и его натурщика не стоит.

В этот день сеанс позирования продлился недолго. Я поблагодарил Андропова, пояснив, что дальше продолжу работу без него. Позже немного подвигал пальмы и прочую растительность, создавая такой фон, чтобы не напоминал джунгли, но смотрелся уютно. А «специально обученный персонал» утащил мои вещи и подрамник куда-то в кладовую, сообщив, что выдадут обратно по первому требованию.

Следующий сеанс случился через три дня. Погода была пасмурная. Мне хотелось больше солнца, даже пожаловался Андропову на эту тему. Впрочем, пока шло элементарное закрашивание большой плоскости холста. Работы предстояло немало и отсутствие солнца не так критично.

А ещё нужно было о чём-то разговаривать. Молчать и выглядеть букой я посчитал

неправильным. Глава КГБ должен запомнить меня с приятной стороны. И о чём с ним говорить? Реально серьёзная проблема. Это же не друг-приятель, с которым можно на любую тему потрепаться. С этим человеком стоит держать ухо востро, чтобы лишние разговоры боком не вышли.

И всё же я придумал нейтральную тему — о животных. Стал рассказывать о том, что моей маман пришла в голову идея завести болонку. Типа у подруг имеется, а неё — нет.

— Болонка разве это собака? — возмутился я. — Мне в детстве не разрешили овчарку. Хотя сейчас я бы выбрал другую породу.

— Какую именно? — заинтересовался Андропов.

— Ротвейлера, бордоского дога, английского пойнтера или английского мастифа, — перечислил я и далее вывалил все сведения, что помнил.

Рассказал, что история английского мастифа началась в первом веке нашей эры, когда на территорию Великобритании вторглись саксы и привезли с собой боевых собак. С шестнадцатого века травля медведей мастифами — любимая забава английской аристократии. Мастифы и сейчас одни из самых крупных собак весом под девяносто килограммов.

Предполагаю, что Андропова никто до этого не грузил столь специфической информацией. Поглядывал он на меня с искренним недоумением. Хотя определённый вывод сделал.

— Александр Дмитриевич, почему вы не пошли во внешнюю разведку? С вашим знанием английского и самой Англии это было бы просто, — поинтересовался он.

— Мне показалось, что у нас в стране я смогу принести больше пользы, разоблачая шпионов и внутренних врагов, — совершенно честно ответил я. — К тому же, побывав в Англии в детстве, я перестал воспринимать эту границу как что-то увлекательное. Это простым гражданам кажется, что там ох как здорово и всё есть. Я видел тамошнюю жизнь с другой стороны и попасть любыми путями за рубеж не испытывал желания.

Комментировать моё выступление Андропов не стал. Я же сообщил о завершении сеанса. Сам-то ещё поработаю, попутно прикину, чем в следующий раз развлекать главного комитетчика. Про кошечек ему рассказать, что ли? Или о птичках, бабочках, цветочках. Ну не анекдоты же ему рассказывать... политические.

Илье я вечером отчитался о встрече.

— Как бы он меня во внешнюю разведку не перевёл, — пожаловался я. — Поднатаскают пару месяцев и выпустят Лондон покорять.

— Не думаю, — возразил Илья, — ты за последние полгода столько пользы на своём месте принёс, что Андропов ого-го как поднялся. Он прекрасно понимает, чьим действиям обязан укреплению своей власти. Так что не переживай, никуда он тебя не отпустит.

Свой портрет Юрий Владимирович оформил через Союз Художников, заплатив мне за работу полторы тысячи. Не ожидал. Обычно партийная верхушка предпочитает получать всё в виде подарков. Вообще-то это было в духе Андропова, в том смысле, что он пользовался благами, которые давала его должность, по минимуму. Не оставит он после своей смерти солидного наследства в виде антиквариата, драгоценностей и картин.

Это Щёлокову сейчас завидуют некоторые музеи. Андропов был во многом аскетичен. Одно то, что он согласился на портрет в свитере, а не в мундире с орденами, уже показатель. Сам портрет получился немного «домашним», такой, что и не скажешь, что изображённый человек — глава грозного КГБ.

— Даже не знаю, майор, где бы ваши способности проявились лучше, — похвалил Андропов моё художество. — Если порекомендую вас кому-то из друзей, не откажетесь написать портреты?

— Буду только рад, — заверил я. Как будто таким людям можно отказать.

Хорошо, что он спросил насчёт друзей, а не стал просить запечатлеть членов семьи. Хотя жена у него не совсем здорова. Не думаю, что Андропов рискнул бы выносить такой «сор из избы». Главное, моей работой остался доволен. Даже спросил, не нужно ли по своим каналам раздобыть щенка мне мастифа? Категорически отказался от подарка, пояснив, что подобная зверюга не предназначена для проживания в квартире.

Вообще-то тему животных и, в частности, собак мы больше не обсуждали. Уже на третью встречу я сообразил принести магнитофон с записями классической музыки и того, что любил отец, предположив, что и Андропову больше придутся по вкусу довоенные мелодии.

Юрий Владимирович приоткрыл секрет, что в детстве немного играл на фортепиано и даже мечтал пойти по этой стезе, но не сложилось. Под музыку мы немного обсудили современную эстраду. Поскольку я совсем не специалист, то просто высказывался, что мне нравится безо всякой подоплёки.

— А как один из лучших аналитиков можете спрогнозировать развитие советской эстрады? — не удержался от шпильки Андропов.

— О! Здесь всё просто. Пугачёва, Лев Лещенко, Кобзон. Эти долго не уйдут. Из ВИА «Машина времени»... хм... дальше нужно подробнее просмотреть списки.

— Напишите мне обзорную справку по эстраде, — зачем-то попросил Андропов.

Больше к работе за время позирования мы не возвращались. Я писал портрет и прикидывал, чем ещё порадовать руководство. Вспомнить бы ещё какого маньяка. Как нарочно, в голову ничего не приходило.

Правда, Владимир Петрович вскоре подсунил несколько секретных шифрограмм от нашего резидента в Америке. Касались эти донесения советского дипломата, нашего посла в штатах Аркадия Николаевича Шевченко. Резидент докладывал, что Шевченко живёт совсем не по средствам, отдыхает в дорогой гостинице Майами, часто употребляет алкоголь.

— Был такой, помню, — просветил я Илью по поводу этой личности. — Это один из невозвращенцев.

— Пиши справку, но так, чтобы не подкопались, — рекомендовал друг.

Вообще-то «подкопаться» можно было ко многому. Мало ли что там докладывал

резидент? Какой мужчина не употребляет спиртного? Насчет того, что Шевченко живёт не по средствам, недоказуемо в том плане, что нужно собрать все чеки его расходов, пересчитать, сравнить с зарплатой. И как это сделать, если объект в Америке, а не в Союзе? Но справку я подготовил. Аж сам залюбовался своей писаниной.

Прежде всего перечислил, что именно может рассказать человек такого уровня: он даст характеристику высшим руководителям государства, видным дипломатам и сотрудникам КГБ. Он может знать о разногласиях между Брежневым и Косыгиным. В этом пункте пришлось очень деликатно и завуалированно писать о различных видениях построения социализма у партийного руководства.

Подумав ещё немного, я добавил о том, что такая стратегическая информация, как сокращение запасов нефти в месторождениях Волжско-Уральского района также может быть передана ЦРУ дипломатом Шевченко. Напоследок сделал приписку лично для Андропова (мы ж почти кореша!): «Вероятность того, что Чрезвычайный и Полномочный посол СССР А.Н. Шевченко станет перебежчиком — 98 %. Рекомендую срочно отозвать его из США. Понимаю и принимаю всю ответственность по предоставленной аналитике».

— Сашка, совсем охренел?! — возмутился Владимир Петрович, вникнув в текст документа.

— Нехай, — повторил я любимое словечко деда. — Если резиденту и его сообщениям не верят, то и на нашу справку Громько наплюёт. Зато когда Шевченко сбежит, Андропов снова будет на коне.

— Вот сам и пойдёшь ему про коня рассказывать. А я похлопочу, чтобы тебя с докладом приняли, — отчего-то генерал не стал брать на себя ответственность в этом вопросе. Чем меня сильно удивил. Раньше-то верил. И что изменилось?

— Ты же не сказал, что это «озарение», — попенял мне Илья. — Да и факты слишком мутные. Но к Андропову сходи, сходи, — хмыкнул он.

Надежда на то, что генерал мою справочку куда-нибудь припрячет или выкинет, не оправдалась. Хотя не верилось, что он всерьёз отправит меня на доклад к Юрию Владимировичу. Тому больше заняться нечем, как майора выслушивать. Потом оказалось, что действительно нечем, и поговорить со мной хотят.

Особо я не волновался. После написания портрета какого-то трепета перед Андроповым я совсем перестал испытывать. По этой причине пояснил ему ситуацию так, как она мне виделась.

— Юрий Владимирович, не нужно вам брать на себя обязательства. Так и напишите, мол, майор Петров, проанализировав поступающие данные и общую тенденцию западных спецслужб устраивать «сладкие ловушки» нашим не совсем стойким гражданам...

Взгляд у Андропов стал точь-в-точь как у дядя Вовы.

— Ну не сами же вы это анализировали? — попытался достучаться я. — Всего лишь довели до сведения министра иностранных дел справку одного из подразделений. Просто подумайте, как это всё будет выглядеть, если то, что я написал, случится.

— Я подумаю, — пообещал Андропов.

На этом мой доклад завершился, и как он использовал мою справку (в качестве туалетной бумаги или нет), я не узнал. А тут Новый год наступил и появились другие заботы. Илья с женой пригласили меня, отца и бабушку к ним на новую квартиру. Заодно и новоселье отметили. Мелкий Антошка уже ползал всюду. То и дело его вылавливали в самых неподходящих местах. Пока я посадил отца присматривать за мелким. На кухне помощников

вполне хватало.

Погуляли и отдохнули душевно. Меня, как в давние времена, завалили подарками из числа предметов для рисования. Илья приоткрыл тайну, кого я изображал не так давно. Отец с бабушкой отнеслись к этой новости как к обыденному явлению. Они в меня всегда верили. Только супруга Ильи поохала, восторгаясь.

Трудовые будни начала января ничем особым не запомнились. Только в последних числах месяца принесли телетайпную ленту по Великобритании. Илья как раз зашёл с вопросом, как бы нам приобрести дачные участки, а тут я сию подхихикиваю.

— Что пишут? — сунул Илья нос и не понял, где смешно.

Зачитал ему вслух интервью лидера консервативной партии Маргарет Тэтчер об обоснованных опасениях белых британцев тем, что страну наводнили цветные иммигранты.

— Это не так? — снова не понял юмора Илья.

— Так, так, — покивал я головой.

Всё же понять определённую специфику жизни двадцать первого века Илья пока не мог. Через четыре десятка лет никто в Великобритании и вкнуть не осмелится по поводу цветных и того, что они «наводнили». Сейчас же одно из первых лиц страны открыто заявляет о своей расистской позиции и никто слова против не имеет.

К 2020 году каждый восьмой житель острова будет выходец из другой страны. Но если где-то в Шотландии и на севере Англии это не так заметно, то в Лондоне число коренных жителей значительно уступает «понаехавшим». «Белые британцы» в двадцать первом веке в меньшинстве. А огромные диаспоры индусов и пакистанцев продолжали увеличиваться, несмотря на все ограничения по въезду и визовые препоны. До мировой пандемии ежедневный (прикиньте, в день!) миграционный прирост населения в среднем был пятьсот человек. Тэтчер в гробу переворачивалась от таких цифр.

Скуки ради я написал очередную справку на эту тему и продолжил заниматься делами, не сильно напрягаясь. По 1978 году «озарений» не было. И пребывал я в таком расслабленном состоянии до начала апреля.

Прихожу я, значит, в понедельник на работу, а меня встречает порученец Владимира Петровича. И главное, нервный такой, что у меня как-то нехорошо зубы заныли. Понял, где-то накосячил, а где именно не припомнил.

— К Юрию Владимировичу, — сообщил порученец.

И мы пошли привычной дорогой к Андропову. В голове даже мелькнула мысль, что мне очередного натурщика из верхушки подобрали. Только присутствие в кабинете генерала демонстрировало, что всё совсем не так, как мне представлялось.

— Наш лучший аналитик, — произнёс короткую фразу Владимир Петрович.

Ей-богу, дежавю какое-то. Снова стою посреди кабинета, снова размышляю, зачем Андропову здесь камин, и если нужен, то как его топят. А эти двое разглядывают меня с неподдельным интересом, словно энтомологи.

— Присаживайтесь, товарищ майор, — показал жестом Андропов. — Мне сегодня принесли сообщение о том, что Чрезвычайный и Полномочный посол Шевченко стал перебежчиком.

— Оу! — не сдержал я эмоций.

Андропов же продолжил сверкать очками и сверлить меня взглядом. Что-то у этого комбинатора и знатока человеческих душ не складывалось. Наконец он прервал затянувшуюся паузу.

— Андрею Андреевичу Громько я твои выкладки и аналитику предоставил ещё в декабре. МИД не предпринял никаких мер. Неделю назад решили отозвать посла, но он предпочёл остаться в Америке.

Судя по жесту Владимира Петровича, похлопывающему себя по карманам, тому от волнения сильно захотелось закурить, а мне как-то было фиолетово. Скольких ещё не поймают и возвратят, я и не упомню. Бежать на Запад будут и дальше, ещё в большем количестве.

Следующий вопрос у Андропова был о моём награждении. Орден за такую аналитику как бы не положен. И фантазия главы КГБ дала сбой.

— Товарищ майор, есть пожелания, просьбы? — поинтересовался Андропов. — Хотелось бы вас поощрить.

— Это можно, — не стал я стесняться и словил «воспитательный взгляд» от генерала. — Мне бы участок под дачу или саму дачу на Рублёво-Успенском направлении. Лучше два участка, второй для подполковника Савельева.

Кажется своим пожеланием я ввёл этих двоих в ступор. И чё? Как спросили, так я и ответил. Мы с Ильёй самостоятельно попытались решить этот вопрос. Дальше шлагбаума не проехали. Илья обменял квартиру жены на небольшой домик в Снегирях (утверждал, что рядом дом Плисецкой). Ту дачу оформили на тещу. Я же вознамерился устроить задел на будущее. Вдруг в девяностых деньги понадобятся, дачу на Рублёвке всегда можно выгодно продать.

— Можете идти, майор, — наконец отпустил меня Андропов.

Владимир Петрович позже вернулся в управление и вызвал нас с Ильёй к себе.

— Мы когда этого шкета в детстве воспитывали, то про чувство самосохранения и скромность забыли рассказать, — просветил генерал.

— Сейчас уже поздно, что выросло, то выросло, — окинул меня оценивающим взглядом Илья. — А что, собственно, произошло?

— Этот самородок обещал Андропова на коня усадить. И усадил.

Илья не понял, пришлось мне пояснять. Зря Владимир Петрович так скептически отнёсся к случившемуся. Министру иностранных дел черным по белому написали о возможном перебежчике, а Громько выступил в своём любимом амплуа, какие надёжные кадры у него работают. Да там вся система давно прогнила, а он замечать не хочет. Ничего, лишний щелчок по носу не помешает. Не удивлюсь, что и Брежнев в курсе этого дела. Случай побега посла неординарный. Должны доложить, и уж наверняка Андропов не упустил шанса покрасоваться, какой он был молодец, а его не послушали. Рисковый мужик. Не каждый готов вот так принять аналитическую справку. Не думаю, что такой номер прошёл бы у кого-то другого, но у меня репутация и несколько раскрытых дел. За такое попросить участок под дачу не стыдно.

В общем, пообещав облагодетельствовать, мне велели снова работать и не отвлекаться. Я даже заскучал немного. Отпуск в августе, а до этого времени приходилось заниматься текучкой.

Только во второй половине июня наметилось нечто интересное. Газета «The Washington Post» разродилась объёмной обвинительной статьёй в адрес СССР и конкретно «Известий».

«Over the years, both governments have accused each other of harboring spies among their diplomats and many diplomats have been expelled on espionage grounds.

A trial is now under way in Newark, N.J., involving the two Soviets accused of conspiring to pass U.S. Navy secrets to Moscow»^{[5][6]}.

Не сразу я сообразил, кто, чего и почему. К тому же «The Washington Post» ссылалась на газету «Известия». Пришлось запрашивать наши газеты за последний период и вникать. Интересная такая переписка получалась. Жаль, советские люди не поймут всей тонкости этого международного диалога, поскольку для них доступна только пресса СССР. Американский корреспондент возмущался русской статьёй и попутно устраивал разоблачения:

«Izvestia's accusations of CIA poisoning are virtually without precedent. It tied the allegation to an attack on CIA Director Stansfield Turner's congressional testimony saying the CIA no longer condones or supports political assassinations»^[7].

Оказывается, спустя год наши и американцы подняли тему отравления Тригоном, то есть Огородником, Светланы, попутно высказав друг другу претензии в шпионаже. Статью в «Известиях» написал Юлиан Семёнов и американцы прошились на эту тему достаточно зло.

«How to tally Turner's public statement with the practical work of his agency?» Izvestia asked.

«The long article, mixing sarcasm and contumely with purported facts, leave many major questions unanswered in a confusing pastiche. It was written by Yulian Semenov, this country's most famous spy novelist and author of a recently widely hailed television series about how Soviet agents prevented the United States from making a separate peace with Hitler during World War II»^[8].

Если бы не имя Юлиана Семёнова, я бы по такому описанию никогда не догадался, что речь идёт о сериале «Семнадцать мгновений весны» со знаменитым Штирлицем.

Дальше шло раскрытие имён. По какой причине советская сторона решила огласить секретные имена, и гадать не нужно. Это доказательства того, что и мы молодцы, американских шпионов ловим, даже фото показываем. Подобный факт сильно возмутил якобы простого корреспондента американской газеты. Он продолжил громить статью в «Известиях»:

«The article said Marta Peterson was involved in an effort to obtain information and falsify it „to stop detente“.

It said she was seized last July 15 after elaborate efforts by her to evade surveillance and deposit the espionage rock in an arch of a well-traveled bridge over the Moscow River so it could be retrieved by the anonymous spy.

It said that when she was apprehended, she started shouting, „I am a foreigner“. Obviously the vice consul was shouting so loudly to warn the spy who was coming to the appointment place about the danger»^[9].

И если силовые ведомства обеих стран обменялись подобными статьями, намекая каждый на свою крутость, то простые американские обыватели продолжали комментировать

и обсуждать статью. Прежде всего высказались те, кто знал лично Марту Петерсон. Эти люди писали, что Марта душевный, общительный и жизнерадостный человек. Она никогда не смогла бы передать капсулы с ядом, чтобы кто-то отравил ни в чём не повинных людей. И на пианино, и на органе Марта играла, а проходя мимо паба, всегда приветливо махала своим знакомым. Чудо, а не женщина. Настоящая американка, пережившая трагедию (муж погиб в Лаосе), и все обвинения против неё надуманные.

— Вот же сволочи, — оценил Илья эту газетную возню.

— А дальше будет ещё интереснее, — заверил я.

Такое своеобразное напоминание о раскрытии нашим управлением шпиона сподвигло Андропова выполнить свои обязательства. Мы с Ильёй получили не дачи, а два участка под застройку именно в том районе, где я и просил. Как и что будем строить, пока и думать не хочу. Для отдыха у нас домик в Валентиновке имеется.

Наконец-то я уговорил Владимира Петровича на портрет. Столько лет знаем друг друга, а он все отказывался запечатлеть себя для потомков.

— Портрет будет парадный. Со всеми орденами и медалями, — настоял я. — И пока не закончим, я вас не отпущу.

Подразумевалось, что позировать генерал будет у нас на даче. Свой отпуск Владимир Петрович немного перекомпоновал, отгуляв, вернее пробыв в санатории Крыма две недели, и вернулся в Москву к началу моего отпуска.

На бабушку парадная форма и награды дяди Вовы произвели неизгладимое впечатление. Безусловно, она знала, что он фронтовик, но не ожидала такого «иконостаса». А там оказались и послевоенные медали.

— Этот после Венгрии получил, — рассказывал Владимир Петрович о своих наградах когда мы остались одни. — И к нему осколок чуть выше сердца. Врачи говорили, повезло. По ребру чиркнул и в мягких тканях застрял.

— Не всем так повезло, — деликатно заметил я.

— Не всем, — согласился генерал. — Своих чекистов венгры не жалели. А нас лишь поугадили немного, развесив отрубленные головы вокруг посольства.

— С Юрием Владимировичем приходилось пересекаться в Венгрии? — спросил я.

— Немного, — не стал вдаваться в подробности Владимир Петрович.

За те дни, что генерал гостил на даче, они с отцом ни разу не поспорили. По прошествии лет позабылись старые обиды и претензии друг к другу. К тому же я был у них общей темой для бесед. Оба считали, что приложили много усилий для моего воспитания. И глядите, люди, какого они орла вырастили!

Бабушка тихо посмеивалась, поскольку была уверена, что всё воспитание легло на её плечи. И вообще, она была рада, что внук вернулся к серьёзной живописи, пусть и таким образом. В КГБ начальников много. Вдруг каждый по портрету захочет получить?

Отпустил я Владимира Петровича в середине августа. Ему пора было выходить на работу. Но он клятвенно заверил, что если понадобится ещё попозировать, то обязательно вернётся, и даже китель с орденами оставил. Вместо дяди Вовы в нём теперь сидел отец. Мне-то какая разница, на ком китель надет? Здесь и манекен подошёл бы. Очень уж муторная и неблагодарная работы вырисовывать все эти награды. Но я справился.

Мои остались дальше на даче отдыхать, а я повёз возвращать генералу китель. Обещал же лично в руки передать. Поехал я сразу на площадь Восстания, где проживал Владимир Петрович. На всякий случай из телефона-автомата позвонил.

— Поднимайся в квартиру, — позвал он.

Никогда до этого мне не доводилось бывать в гостях у дяди Вовы. Оттого порадовало такое доверие. Ну и сама высотка произвела впечатление — холлы с паркетными полами, светильники и люстры сталинской стилистики, широкие дверные проёмы, лепнина и прочий декор.

Двухкомнатная квартира генерала располагалась на семнадцатом этаже. И к моему удивлению, не была слишком большой. Жилой площади, по словам дяди Вовы, тридцать восемь квадратных метров.

Жил генерал один, но напоить чаем и накормить чем у него нашлось.

Ну и небольшую экскурсию по квартире он устроил. Кухня в двенадцать квадратных метров мне очень понравилась. Есть где разгуляться. Да и в ванной, хоть и совмещённой с туалетом, места было столько, что хоть пляши. Пока мыл руки, подробно все разглядел.

В зале было немного пустовато. Не гнался Владимир Петрович за особым комфортом. Ему одному хватало дивана, кресла возле камина и новомодного серванта. Меня же привлекли фотографии на стенах.

— Жена. Погибла в первые дни войны в Минске, — просветил Владимир Петрович.

— Так вы были женаты? — задал я глупый вопрос.

— А ты думал, я только тебе всю жизнь посвятил? — усмехнулся генерал. — Вообще-то посвятил, да. И ни о чём не жалею.

Просидел я в гостях до девяти вечера и стал собираться домой. Бабушка банок с вареньем передала. Пожалуй, останусь дома ночевать, а не в мастерской. Маман у нас уехала в начале августа на море отдыхать. Предполагаю, что с любовником. Отец давно махнул рукой, берёт свои нервы. Какие-то нормы приличия родительница соблюдала, и ладно.

В подъезде возникла небольшая проблема. Оказывается, у нас сменился дежурный консьерж. Не самое удачное решение, притом что многие соседи разъехались в отпуски. Меня этот мужчина не знал и стал требовать паспорт с пропиской.

— Документы у меня в другом месте, — сообщил я, подразумевая мастерскую.

— Без прописки не могу пропустить, — упёрся этот болван.

— У меня ключи есть от квартиры, — внимал я к голосу разума.

— Не положено.

— Давайте соседям позвоним, они подтвердят, что я здесь прописан, — не хотел я доставать комитетские корочки.

— Не положено, — заезженной пластинкой гундел консьерж. — Или несите справку из домоуправления.

— Ага, как же, в десятом часу вечера я тебе справку принесу! — разозлился я.

На самом деле мог развернуться и пойти ночевать в мастерскую, там и паспорт взять, но тут уже было дело принципа.

— Гражданин, будете настаивать, я вызову милицию и вас на трое суток до выяснения личности задержат, — заявил вахтёр.

— Ах ты ж тля! — взбеленился я окончательно и, взяв на болевой приём этого недоумка, ткнул его носом в своё удостоверение. — Это я тебя задержу до выяснения, отчего такого идиота здесь поставили. Запиши или зарисуй себе моё имя и номер квартиры.

Отпустив побагровевшего от натуги вахтёра, я уже собрался пройти к лифту, как был приторможен следующим заявлением:

— Так это вас тут разыскивали? — пробормотал мужчина и стал копаться в ящике стола. — Вот, принесли телеграмму, а дома никого не было. Потом ещё две.

Телеграммы я у него забрал и долго вчитывался, не понимая до конца текст. Какой-то администратор дома отдыха «Заря» сообщал, что гражданка Увахина утонула и родственников срочно вызывают за телом. Следующая телеграмма была из районного отдела милиции. В третьей написали, что срок, выделенный для хранения тела истёк, и гражданку Увахину похоронили на кладбище Геленджика, участок такой-то.

— Придурок! — схватил я вахтёра за грудки. — Почему ты не сообщил о телеграммах сменщику или любым соседям, кто нас знает?!

— Не было никого из ваших соседей дома, а остальные не знали, как связаться.

— И в домоуправлении не знали? — прорычал я.

— Не входит в мои обязанности, — гордо вздёрнул подбородок этот недоумок.

Похоже, уже забыл, какую корочку я ему демонстрировал. Разберусь с этим субъектом позже. Пока нужно разъяснить ситуацию о смерти маман и, похоже, с утра придётся лететь на юг.

Я позвонил Владимиру Петровичу, он вник с проблему, пообещал бронь на самолёт. Илье, извинившись за поздний звонок, я тоже звякнул и попросил отправить кого-то в Валентиновку, чтобы предупредить отца.

Распсиховался в этот вечер так, что пришлось в качестве успокоительного коньячка налить грамм сто. Большим усилием воли сдерживался, чтобы не спуститься вниз и не начистить морду вахтёру. Нужно убирать этого придурка, и побыстрее. Как вернусь, первым делом займусь этим вопросом.

Улететь в Краснодар получилось благодаря комитетской брони, да и билет на автобус, идущий в Геленджик, сумел купить тоже по удостоверению. Но командировочного предписания у меня не было. По этой причине заселяться пришлось как обычному курортнику, в частном секторе.

Вместе с телеграммами и паспортом я отправился в дом отдыха. Материны вещи и документы должны были храниться там. Снова столкнулся с бюрократией. Видите ли, фамилии у нас не совпадают! А свидетельство о рождении прихватить я не додумался. Зато имел удостоверение майора КГБ. На всякий случай решил припугнуть немного обзревших местных чиновников, сообщив, что буду проводить расследование: а не убили ли специально гражданку Увахину?

Не убили. Свидетелей и справок мне предоставили с лихвой. Если коротко, то каталась маман на водных лыжах в слегка подвыпившем состоянии. Я переписал данные её любовника и, наняв такси, отправился на кладбище.

Вскрывать могилу и везти в Москву гроб с телом смысла не было. Отец точно не станет возражать. Разве что бабушка опечалится, что могилка не в Москве. Представив ещё раз всю эту волокиту, я решил, что оно того не стоит. Лучше потратить деньги здесь на памятник. С этого и начал. Быстро отыскал тех, кто ведёт подобный бизнес, оговорил цену и выдал аванс. Цену мне заломили серьёзную. Но и обещали все сделать за два дня. Заготовки у этих умельцев имелись. Оставалось вбить даты и имя. С фотографией мудрить я не стал. Может, позже сделаем керамику.

Особого горя я не испытывал. Умерла маман нелепо, вся её жизнь была словно у попрыгуньи-стрекозы: ни обязанностей, ни привязанностей, ни любви. Я отвечал ей тем же.

Вечером позвонил по междугородке отцу. Он уже был дома и мы немного поговорили. С моим решением не перевозить тело он согласился. Я же сказал, что задержусь на два дня, проконтролирую работу на кладбище и немного приду в себя.

Погода и море были отличными, но меня эти курортные прелести не радовали. Сходил искупаться на пляж и послонялся без дела по городу. Через двое суток вернулся в Москву.

Отец выглядел плохо, а бабушка ещё хуже. Я её никуда не отпустил, велел у нас дома отлёживаться. Пригрозил, что и в больницу отправлю, если не будет меня слушаться.

— Саша, там же на даче ничего не убрано, не собрано, — причитала бабушка.

— Сам убери, в этом году вы туда больше не вернётесь.

Остатки отпуска прошли сумбурно. Никого из друзей я не навестил, не до того было, настроение ни к чёрту. Отыскал любовника. Припугнул немного. Гад оказался трусливым,

но из МИДа. На такого так просто не наедешь. Отчего он не переправил тело любовницы в Москву, мужчина ответил с долей цинизма, мол, с какой стати он должен был этим заниматься, когда имеются родственники и муж? Ничего, я запомнил и при случае устрою ему пакость.

Ещё я поспособствовал увольнению вахтёра. С моей подачи и по заявлению от жильцов нескольких квартир этого недоумка выперли с тёплого местечка. И некоторое время у нас в подъезде не было консьержа. Сменщик не то болел, не то взял отпуск без содержания. Как плохо, что нет домофонов. Приходится мириться с тем, что есть.

Сослуживцы на работе привычно позавидовали тому, что «любимчик генерала» вернулся из летнего отпуска. Я на эти недобрые взгляды давно внимания не обращал. Поинтересовался у Владимира Петровича, что было интересного. Он посоветовал самому искать то самое интересное. В общем, обычная текучка и ничего нового.

Только через пару недель началось некое шевеление. И не у нас, в пятом управлении. Но и мне работёнку подкинули. В начале зимы прибывала на гастроли какая-то музыкальная группа из ФРГ. Я не сразу сообразил, о чём пишут.

По поводу того, что в Москву приедет «Boney M», я уже слышал, но позабыл, что они сейчас считаются группой из западной Германии. Владимир Петрович предупредил, что вероятнее всего личный состав будет частично отправлен на усиление 5-го управления. Опасались провокаций, неадекватных фанатов и чего угодно.

— Мне три билета нужно для анализа ситуации и прогнозов на будущее, — решил я сходить на концерт.

— Почему три билета? — не понял генерал. — Одного хватит.

— Три будет лучше, — настоял я.

Поклонником или фанатом этой группы я никогда не был. Однако это событие вскоре станет историей и мне хотелось в нём поучаствовать. То, что билет мне достанут, я не сомневался. Лучше бы три или пять, чтобы друзей с жёнами с собой пригласить.

— Скромнее нужно быть, скромнее, — попенял мне Владимир Петрович и ничего не стал заранее обещать.

К тому же у меня тут своего рода командировка намечалась. Портрет какого-то ветерана-чекиста для музея КГБ нужно написать. С этим портретом я управился до начала зимы. А седьмого декабря «Boney M» прилетели в Москву.

С ухмылочкой Владимир Петрович вручил мне конверт с двумя билетами на девятое декабря. Мол, крутись, дорогой, как знаешь.

— Больше билетов нет и не будет, — на всякий случай предупредил генерал.

— Это мы с вами вдвоём пойдём? — не понял я.

— Мне-то зачем? — отмахнулся Владимир Петрович. — Я в этих воплях и дрыганьях ничего не понимаю. Найди сам себе попутчика.

Вот же жук! Если пригласить Мишку, то обидится его жена. С Ильёй та же проблема. Отдавать оба билета... нельзя. Я же аналитик и обещал написать справку-отчёт о выступлении. Нужно всё своими глазами увидеть. И кого звать с собой? Лизу и Анну Жаровых отнёс по той же причине. Пригласив одну, смертельно обижу другую. Лучше им и не знать, что у меня лишний билетик образовался. Кстати, стоимость стояла шесть рублей, а спекулянты наценки раз в десять сделали. Спекульнуть самому, что ли?

Так я и не придумал, что делать с билетом, решив, что определюсь на месте. Выехал к концертному залу «Россия» я с большим запасом времени. Билеты у меня были на утренний

двенадцатичасовой концерт. Почти сразу я понял, как разумно поступил, прибыв за сорок минут до начала. Толпа на подступах была огромной. Суббота же. Многие москвичи решили попытать счастья в поисках лишнего билета. Намётанным глазом я отметил «своих», комитетских, в этой толчее. И между прочим, спекулянтов не было видно. Предположу, что даже с завышенной в десятки раз ценой билеты уже раскупили.

Ажиотаж в Москве был неопиcуемый. Пока ехал в метро, только и слышал о выступлении «Boney M». Не только молодёжь, но и люди старшего поколения обсуждали небывалое событие, выясняя друг у друга, это уже открытие «железного занавеса» или ещё нет. Предположу, что многие не были знакомы с творчеством группы, но это не мешало им передавать самые невероятные сплетни наподобие того, что иностранцев переодели в шубы в самолёте, и меха это наши, советские. Откуда у немцев могут быть такие меха? Это ещё сплетники не знали, что на самом деле «Boney M» привезла с собой семь тонн груза, с костюмами и аппаратурой.

Морозец в эти дни был приличный. Заснеженная Москва демонстрировала себя иностранцам во всей красе. Народ мёрз, но упорно толпился на подступах к «России». Подойти к дверям концертного зала оказалось не так-то просто.

— Вах! Дарагой, былэт есть? — неожиданно вцепился в мою дублёнку какой-то кавказец.

— Отстань. Милицию позову, — вырвался я из цепких рук, чтобы тут же быть атакованным ещё одним мужчиной.

— Брат, сто рублей плачу. Продай билет!

— Отвалите, — рыкнул я, продираясь вперёд.

До входа ещё было прилично, и я решил сменить тактику, сделав вид, что высматриваю кого-то. Интерес ко мне сразу потеряли. Одно дело, когда человек целенаправленно движется ко входу, и совсем другое, когда он что-то ищет. Понятно, что тоже без билета.

Тут я сообразил, что продать билет не смогу — шакалы разорвут на кусочки. Проще подарить кому-то или взять собой. Как нарочно, кандидатов в счастливики не наблюдал. Сидеть весь концерт с малоприятным кавказцем мне не хотелось. Были здесь и женщины, но с кем-то в паре.

На двух девушек я сам чуть ли не налетел, когда меня толкнули в спину. Это, оказывается, кто-то пустил слух, что слышали про лишний билет, и народ рванул туда.

— Простите, — извинился я перед девушками.

— Глаза разуй! Куда прёшь? — огрызнулся одна из них.

Вторая робко кивнула и шмыгнула покрасневшим от мороза носом.

— Олеся, пошли уже. Зря мы ждём, — обратилась робкая девушка в подруге.

— Цыц! Времени ещё полчаса. Вдруг повезёт? — вытянула шею та, которая мне нахамила. — Тут главное, знать к кому обратиться.

— Что, тоже билетик лишний надеетесь купить? — любопытствовал я.

— Тебя забыли спросить, — отшила меня девица.

— А вас как зовут? — не последовал я совету, решив познакомиться.

— Иди куда подальше, я же сказала! — рявкнула нахалка.

— Саша, — неожиданно ответила мелкая.

— И я Саша.

— Ага. Ей все так говорят, — заметила первая девушка. — Чего привязался?

— Да вот хочу славную девушку Сашу пригласить на концерт.

— Ты отвяжешься или нет? — повернулась ко мне всем корпусом Олеся и чуть не сбила с ног своим бюстом. Он хоть и прикрыт был шубой, но всё равно впечатлял.

— Так идём или нет? Времени не так много, — не обратил внимания на движение крупной девицы.

— Ты серьёзно? — не поверила Саша. — А почём билет?

— Мне он бесплатно достался и вам подарю. Пойдём.

— Стой! — ухватила меня за воротник Олеся. — Мы вдвоём.

— Увы, лишнего нет, только один.

— Так не пойдёт, отдай мне свой.

Посмотрел на неё как на идиотку и, взяв Сашу за руку, потащил её к входу в концертный зал.

— Семёнова, стой, я твоей маме всё расскажу!

— Что именно? — развернулся я к нахалке.

— Ты же комсомолец, отдай мне билет, — не отставала девица.

— Где твоя комсомольская скромность? — подколот я, продолжая протискиваться вперёд.

— Ваши билетики? — притормозили нас парни с повязкой ДНД. И я рассмотрел, что здесь реально заслон, чтобы у дверей не было столпотворения и никто не проскочил внутрь без билета.

— Вот, пожалуйста, — показал я два, выудив из нагрудного кармана.

— Семёнова! Я тебе не прощу! — прокричала вслед Олеся и наконец отстала.

— Не простит, наябедничает маме? — поинтересовался у девушки Саша.

— Наябедничает, — подтвердила она. — Точно не нужно за билет платить? У меня с собой пятьдесят рублей.

— Билет бесплатный, — повторил я. — Давай поторопимся в гардероб.

— А вас действительно Саша зовут? — спросила моя спутница, пока мы ждали в очереди. — Обычно это любимая шутка у парней, когда я своё имя называю.

— Александр Дмитриевич Петров-Увахин, — официально представился я.

— А почему такая двойная фамилия?

— Ну... я художник. Почти как Петров-Водкин. А ты работаешь, учишься?

— Будущий преподаватель английского, последний курс.

— Молодец, — похвалил я девушку, прикидывая, стоит ли рассказывать, что и я по-английски спикаю или нет? Будет ли продолжение нашему знакомству?

Впрочем, сейчас нас ждёт концерт, а со всем остальным разберёмся позже.

Зал был забит до отказа. Пока мы искали свои места и усаживались, это было не так заметно, а народ всё прибывал и прибывал. Мне показалось, что столько не поместится. И люди все солидные. Сразу видно — номенклатура. Широкоплечий мужчина сел в кресло перед Сашей, закрыв ей обзор.

— Поменяемся местами? — предложил я, оценив рост и хрупкость девушки.

Заметил, что она не просто симпатичная, а настоящая красавица. На улице я толком её и не разглядел. Под цигейковой шапкой-ушанкой была спрятана шикарная русая коса. Да и фигурка у Саши отличная — все как надо и где надо.

С третьим звонком в зале стало стихать и началось представление группы от лица наших сограждан. К речи я не прислушивался, смотрел больше на публику. Мне же аналитику писать. Хотя тут всё понятно. Большинство пришло слушать не потому, что любители группы, а потому, что престижно попасть на концерт. Крупные тётки с бриллиантами в ушах и мужики, напоминающие директоров продмагазинов, не выглядели фанатами. Это Саша стала притопывать ножкой почти сразу, как только барабанщик начал отстукивать зажигательный ритм. А тут и певцы вышли.

На лицах сидящих поблизости проступило изумление. Не видели наши зрители столько всего блестящего и эффектного.

Обычно костюмы у музыкантов ВИА — это обязательный пиджак и брюки. Пусть расшитые и украшенные, но достаточно консервативные. Причём у всех одинаковые. Одежда Бобби Фаррелла шокировала поголовно всех. Сексуальная маечка, обтягивающие жопку брюки, сам весь будто на шарнирах. У нас так не двигаются, не танцуют и уж тем более не выступают перед многотысячной аудиторией.

Список согласованных для концерта песен я видел. В него не вошёл популярный «Распутин». Доводилось мне видеть клипы более поздних времён, где Бобби лихо пляшет вприсядку с бородой, изображая Распутина. Для Советского Союза слишком провокационный текст, потому эту песню запретили демонстрировать нашей публике. Спустя тридцать два года Бобби приедет в Россию и во время выступления в одном из ресторанов Санкт-Петербурга почувствует себя плохо. Умрёт он от остановки сердца 30 декабря, точно в день смерти Распутина, в том же городе и том же районе. Мистика...

На самом деле тексты песен у «Boney M» примитивные, но благодаря заводной музыке и смешению двух стилей: диско и ямайской национальной музыки отлично и смотрится, и слушается.

Sunny, yesterday my life was filled with rain.

Солнышко, вчера моя жизнь была наполнена дождями.

Sunny, you smiled at me and really eased the pain.

Солнышко, ты улыбнулся мне и боль утихла.

The dark days are gone, and the bright days are here!

Пасмурные дни прошли, настал черёд солнечных дней!

My Sunny one shines so sincere.

Моё солнышко светит так искренне.

Sunny, one so true, I love you.

Солнышко, верно одно — я тебя люблю!

Понимали то, о чём поют, лишь немногие из тех, кто сидел в зале. Моя спутница, судя по шевелящимся губам, знала наизусть многие. А мне кажется, понравилась сама Саша.

Я продолжал следить за своей спутницей и за тем, что происходило на сцене. Моё послезнание немного помогало ориентироваться в происходящем. Споров по поводу этого выступления в музыкальной среде будет много. То, что Лиз Митчелл практически единственная в группе певица, я знал. Остальные хорошие танцоры и, по идее, сейчас поют под фонограмму, но делают это так качественно и безупречно, что не подкопаться. Все микрофоны со шнурами. Лиз таскает длинный шнур, и поёт она сама или только раскрывает рот, непонятно. И если это фонограмма, то взаимодействие музыкантов выше всяких похвал. А само шоу безупречно. С уверенностью могу сказать, что подобного уровня исполнения, звучания и экспрессии в СССР ещё не видели.

Кроме того, я отметил, что группа буквально наслаждается своим выступлением. Для них это работа, но делают они её качественно, показывая себя нашей публике, стараясь расшевелить народ. Лиз Митчелл, спустившись в зал, под песню «Daddy Cool» попыталась поднять зал. Ей активно хлопали, но не вставали с кресел и не танцевали. Не принято у нас такое. Советские люди слушают любые эстрадные концерты сидя и выражают эмоции по-иному. И уж тем более в концертном зале «Россия». Здесь вам не молодёжная дискотека! Передовики производства, профессора, директора и прочие уважаемые люди «достали» билеты на выступление. Не пристало им прыгать и скакать под музыку словно обезьянам.

Уже после концерта, получая в гардеробе вещи, я слышал мнение тех, кто пришёл на концерт только потому, что это престижно.

— Как не стыдно так дёргаться и извиваться?! — возмущалась одна дама.

— Западная безнравственность во всей красе, — поддакивал ей спутник.

— Хорошо, что детей сюда не пускали, никакой культуры.

— Тебе-то понравилось? — спросил я Сашу.

— Очень. Наши все умрут от зависти, когда я расскажу. Я даже не знала, что Лиз Митчелл негритянка. Такой голос! — закатила Саша глаза, демонстрируя своё восхищение.

— Подружка тебя не побьёт? Мол, тебе повезло, — невольно хохотнул я, припомнив угрозы Олеси.

Время было послеобеденное, но я настоял на том, чтобы проводить Сашу домой. Пока ехали в метро, узнал у девушки телефон (удачно оказалось его наличие), рассказал несколько анекдотов и всячески развлекал её. Уже возле подъезда я выяснил номер квартиры и уговорил на следующий день встретиться.

— Воскресенье. Погуляем где-нибудь, — уговаривал я.

— Главное, что погода для прогулок подходящая, — не удержалась от шпильки Саша, притопнув ножкой снег на дорожке.

Меня же радовало, что она, в принципе, согласилась. Оставалось придумать, куда повести девушку. Действительно, не по улицам же бродить при минус двадцать. Свою-ка я её в кино! Новый фильм «Женщина, которая поёт» с Пугачёвой в главной роли будет как раз кстати, для продолжения нашего знакомства.

Некое беспокойство в плане того, что Саша может не пойти на свидание, у меня было. Но она не подвела и в три часа дня выпорхнула из дома.

— Не успела Олеся маме пожаловаться, — со смехом сообщила Саша. — Она в общежитии живёт, там телефон только на вахте.

Комментировать своё мнение по поводу такой подруги я не стал и сосредоточился на

личности Саша. Снова развлекал её как мог, шутил, говорил комплименты, любовался ямочками на щеках смеющейся девушки и наслаждался ситуацией в целом. Ненавязчиво выпросил график её учёбы. Хотелось бы встретиться среди недели, но у меня работа, а студенты заканчивают раньше. Разве что в субботу можно подкараулить.

Девушки, чтобы пойти на концерт «Вопей М», сбежали с двух пар. Инициатором прогула была Олеся, а Саша согласилась, особо ни на что не надеясь. Музыка она очень любила, хотя и училась на факультете иностранных языков МГПИ.

— Александр, знаешь, как у нас расшифровывают эту аббревиатуру? — поинтересовалась она и, не дожидаясь ответа, сообщила: — Московский государственный поющий институт. Не слышал такого барда Визбора? Он наш институт закончил, факультет «Русского языка и литературы».

— Я люблю песни Визбора и хорошо знаю его творчество, — заверил Сашу.

День прошёл чудесно. Мы сходили в кино, после зашли в кафе. Я бы и в ресторан девушку сводил, но она сделала «страшные» глаза и сообщила, что одета неподобающе такому заведению. В это время простые люди не могут себе позволить часто ходить в рестораны. И если такое событие случалось, то наряжались достойно.

Среди недели я два раза позвонил Саше домой. Первый раз голосок был радостный. Вторая беседа получилась сумбурной. Девушка пролепетала что-то о занятости и быстро повесила трубку. Не... так дело не пойдёт. Нужно штурмовать эту крепость по всем правилам осадного искусства.

Дарить цветочки в двадцатиградусный мороз не самая лучшая идея. Наверняка замёрзнут и потеряют товарный вид. И это при условии, если я найду, где их купить. Значит, начну с конфет и тортиков. Коробку импортного шоколадного лакомства я приобрёл в «Березке». Решил шикануть и произвести впечатление. Сам шоколад может и хуже нашего, зато упаковка достойная. Оставив коробку в машине, я отправился искать факультет иностранных языков и их расписание занятий на субботу.

Удивительное дело, но вахтёр меня не только не тормознул, но и подробно рассказал, где находится нужный мне стенд. Похоже, что вид у меня был уверенный и подозрений моя личность не вызвала. Дальше всё получилось просто. Я нашёл в расписании номер группы и сверился с часами. С удовлетворением отметил, что практически «попал». Подождать каких-то сорок минут в тепле не так уж сложно.

Представляете, как удивилась Саша, когда, выйдя из аудитории, наткнулась на скучающего меня?

— Привет! — засиял я.

— Ты чего припёрся? — почти сразу отодвинула меня от Саша хамоватая подружка.

— И это будущий преподаватель? — оглядел я на Олесю. — Миссис, где ваши манеры и культура?

— Ты чего к Сашке пристал? — продолжала переть буром девица.

— Влюбился с первого взгляда, — огрызнулся я.

— Блинова, чего проход перекрыла? — кто-то нас подвинул. Саша пока никак не реагировала на нашу с Олесей пикировку и вела себя смирно.

— Семёнова, ты с этим козлом никуда не пойдёшь, — продолжала настаивать Олеся.

Отчего меня отнесли к козлам, я не понял.

— Мы с тобой практически незнакомы. Не пойму, отчего такое мнение и почему ты мне всё время хамишь? — задал я вопрос.

— Знаю я вас, — получил неопределённый ответ, но отступить и не думал.

Пользуясь тем, что Саша продолжала молчать и терпеть выходки подружки, я увязался за ними в раздевалку. И вообще, всем своим видом демонстрировал непреклонность. Правда, о том, что у меня здесь припаркована машина, не успел сказать. Девушки, обогнув корпус института, двинулись в сторону метро. Мне ничего не оставалось, как последовать за ними. Разговора как такового не получилось. Отчего меня невзлюбила Олеся, я примерно понимал — потому что билет ей не отдал. Но характер у девицы и так явно не сахар. На мой взгляд, у Саши странный выбор подружек.

Кроме того, я помнил, что Олеся живёт в общежитии, но в этот день она вознамерилась пойти к Саше в гости. Меня никто не пригласил, и проводив девушек до подъезда, я поехал обратно за своим автомобилем. Пока возвращался, составил план действий. Похоже, лучше самому заявиться без предупреждения. И коробки конфет будет недостаточно. Куплю-ка я ещё торт «Прага».

На следующий день я весь из себя при параде, с тортом и конфетами звонил в дверь Сашиной квартиры. Повезло, что она сама открыла дверь. И вид такой был ошеломлённый.

— Впустишь? — спросил я.

— Проходи...те... — пробормотала она, освобождая проход.

Родители в воскресный день, как я и предполагал, были дома. Их моё появление также сильно озадачило.

— Сергей Николаевич, Надежда Ивановна, — представила Саша родителей. — Это мой знакомый Александр.

— Тот хмырь, про которого Олеська вчера рассказывала?

— И что могла рассказать обо мне девушка, с которой я общался от силы десять минут за две встречи? — с недоумением поинтересовался я, всучив наконец матери Саши подарки.

— Проходи на кухню чай пить, — приняла решения женщина. Или подумала, что если меня сразу прогнать, то я торт унесу?

Дальше непонятки продолжились. Родители Саши продолжали смотреть в мою сторону с неприязнью. Ей-богу, захотелось узнать, как преподнесла меня Олеся, что так всех настроила. Вдруг и мне по работе пригодится?

— Так ты у нас, значит, свободный художник? — первым начал разговор отец девушки. — А я, между прочим, слесарь шестого разряда. Вот этими руками работаю, — продемонстрировал он мне свои кулаки.

— Похвально, — пробормотал я.

— Что ты понимаешь в этом, интеллигент?! Ты хоть гвоздь забить можешь?

— Не пробовал, но какие мои годы? — решил я пошутить, и зря.

Саша испуганным оленёнком поглядывала на нас, голоса не подавала и только нервно теребила кончик косы. Надежда Ивановна пока разливала чай.

— Жена у меня мастер-закройщик, — продолжал рекламу семьи Сергей Николаевич. — Тоже хорошая профессия. Дочь умницу воспитали. Хотя и дуру! Чего ты на этого хмыря повелась? Сам вижу чего, — не дал отец вставить Саше слово. — Морда смазливая. Джинсы носит. А ты спроси, где он их взял?

— Купил, — не понял я такого наезда.

— И дублёнка у тебя импортная, — перебил меня мужчина. — Олеська так и сказала — фарцовщик и спекулянт. Тюрма по тебе плачет.

От изумления я дар речи потерял и что-то вставить в своё оправдание не успел,

мужчина продолжил спич. Он, оказывается, секретарь парторганизации и хорошо поставленным голосом строителя коммунизма прочищал мне мозги минут пятнадцать. Чай остыл, к нарезанному торту никто не притронулся.

— Обещаюсь исправиться, — заверил я. — И с кем встречаться, Саша будет решать сама.

— Не сама она решает! — взревел родитель Саши. — Ты мне из дочери потаскуху не делай! Начнёшь ей рассказывать, как голых баб рисовать любишь, я тебе твою морду смазливую подрихтую.

— Ничего такого я Саше не предлагал.

— Александр, а вы где живёте? — вставила слово Надежда Ивановна. — С родителями?

— Ну... формально, да, но у меня мастерская...

— Вот! — обрадовался чему-то Сергей Николаевич. — А московская прописка есть? Покажи.

— Я без паспорта сегодня, — окончательно опешил я от наезда.

— И решил своей халупой нашу дочь завлечь? Я ей запрещаю! — хлопнул мужчина ладонью по столу.

После этих слов я решил закругиться с визитом. Лучше поговорить с Сашей без свидетелей и без подружки.

Звонить ей домой я не решился и всю неделю нервничал, с нетерпением ждал выходных. Илья что-то в моём поведении заметил, прошерстил все документы, прочитал мои отчёты и не понял, чем была вызвана нервозность. Спасибо, вопросов не задавал. А то развеселил бы я его. Майора КГБ обозвать спекулянт! Если быть объективным, то я действительно напоминал мажора. От маман осталось немного чеков для «Берёзки», где я отоваривался. И раз в месяц я к знакомому замдиректора комиссии наведывался. Туда иногда граждане сдавали неплохие вещички на продажу. Я себе финский джемпер недавно прикупил. Всё законно, через кассу. Разве что на прилавок в торговый зал джемпер не успели выставить. Придержали «для своих».

В следующую субботу я подкараулил Сашу у метро. Рассчитал я всё правильно. Олесья в тот раз не увязалась за подругой. Не думаю, что она каждый раз провожает подругу домой.

— О! Какая встреча! — изобразил я удивление, заприметив Сашу, заскочившую с морозной улицы в холл метро.

— Ты здесь ждал, что ли? — хмыкнула Саша.

— Ну где-то же нужно нормально поговорить, — развёл я руками. — Сходим в кафе?

— Мне домой нужно. Батя теперь время засекает, чтобы точно возвращалась и нигде не задерживалась.

— Отчего так? — спросил я, увлекая девушку за собой.

— Олеська на тебя наговорила.

— Не находишь, что это немного странно? Поверь, я не спекулянт и не фарцовщик. Почему такое суждение о совершенно незнакомом человеке?

Про службу в КГБ решил пока не рассказывать, а то решит, что я врун. Представился же художником. У меня и без того шаткое положение.

— Знаешь, у меня сейчас словно глаза раскрылись, — продолжила Саша. — Мы с Олеськой подружились на летней практике после второго курса. И отчего-то она всегда отгоняла от меня парней, наговаривая на них разные гадости.

— Завидуешь, — констатировал я очевидное. — Ты красивее, думаю, и умнее, —

польстил я девушке.

— А ещё москвичка. Олеська замуж за москвича хочет, а как нарочно, все парни на меня смотрят.

— Нашла бы себе другую подругу. Не такую красивую, как ты, — решил я окончательно засмущать девушку.

До дома я её довёл, но сам постарался не светиться, и получил заверение, что в воскресенье мы встретимся.

— Я взрослый человек, сама буду решать, с кем гулять, — нахмурила бровки Саша.

Никак решила дать бой «произволу родителей»? Нужно придумать какую-то культурную программу.

Погуляли мы в выходной неплохо. Много разговаривали, обсуждали новинки кино, любимых артистов. Я немного прихвастнул, рассказав, что рядом с нашей дачей в Валентиновке дом у Жарова. Про Никулина не стал говорить, это прозвучало бы совсем невероятно.

Среди недели я звонил Саше, но каждый раз отвечала мама, заверяя, что девушки нет дома. А в субботу случился облом. Я ждал Сашу у метро, а она появилась с Олесей.

Всю дорогу, пока ехали до Юго-Западной, эта подружка-завистница воспитывала попеременно то меня, то Сашу. Суть претензий я плохо понял. Что-то там про общение Саши Семёновой с неблагонадёжными личностями. Она даже пригрозила комсомольским собранием.

— Олеся, ты же не сможешь на собрании голословно обвинить подругу? — задал я вопрос.

— Я не голословно, — возмутилась девушка в ответ.

— И доказательства у тебя есть? Знаешь, а за клевету я ведь тоже могу спросить.

Олеся заткнулась, но буравила меня злым взглядом всю дорогу. И как от такой надсмотрщицы избавиться? На мой вопрос о встрече в воскресенье Саша ответила, что Олеся останется у них ночевать и весь день они будут делать конспект по философии.

Неделя прошла примерно так же, как и предыдущая. Я безрезультатно звонил, Сашу к телефону не подпускали. В пятницу я отпросился у Ильи пораньше и встретил девушку у метро.

— Олеся снова к вам выходные придёт?

— Не должна, но меня не отпустят гулять, — вздохнула Саша.

— Что за средневековые порядки? Тебе же не пятнадцать лет, — возмутился я. — Сам в гости приду, жди.

Нужно что-то с этим делать. Девице двадцать два года, а за ней бдят как за ребёнком несмышлёным. Да и от подруженьки нужно избавляться.

В этот раз угощения я собой никакого не принёс. Саша ждала и открыла дверь через секунду, как я позвонил, не дав родителям воспротивиться этому действию. Естественно, что мне не обрадовались.

— Ты русских слов не понимаешь? — снова начал наезжать на меня Сашин отец.

— Вполне понимаю, и мне кажется, что вы необъективны. Вдруг я хороший человек, а вы лишаете свою дочь перспектив?

— Да ты... — хотел что-то ещё сказать мужчина, но я его невежливо перебил.

— Вы же судите обо мне со слов неадекватной девицы, я предлагаю оценить самим и приглашаю вас всех к нам на Новый год.

Саша с удивлением на меня посмотрела, Сергей Николаевич нахмурился, а Надежда Ивановна задумалась. Минут пять разглагольствовал, рекламируя бабушкины пироги и свои салаты. Приводил довод, что приглашаю не одну Сашу, всех вместе.

— Тридцать первого заеду за вами в десять вечера.

— Лучше в девять, — поправила меня Сашина мама, и я понял, что согласие получил.

Быстро, пока не дали задний ход, ретировался и поспешил по своим делам. До Нового года оставалось четыре дня, а у меня не все подарки куплены. Чего-то дорогого я не собирался дарить, но знак внимания под ёлочкой нужно оставить. Саму ёлку мы с отцом уже принесли и расположили на нашем куце балконе.

За последние несколько лет это будет первый раз, когда мы с отцом празднуем Новый год дома. Обычно здесь собиралась компания маминых друзей. К слову, после её смерти никто не высказал нам соболезнований. А домой приходила лишь Зиночка. И то для того, чтобы узнать, не будем ли мы раздавать мамины вещи, а то она бы взяла. Отец эту прихлебательницу чуть с лестницы не спустил. Не то чтобы нам было жалко вещей, сама постановка вопроса возмутила. Среди моих друзей таких двуличных нет и надеюсь, что и не будет.

Когда я говорил, что заеду за семейством Семёновых, то подразумевал свою машину. И совсем забыл, что её наличия не афишировал. Как-то к слову не пришлось похвастаться. Разговоры с Сашей у нас были о другом. Естественно, что Семёновых я сильно озадачил. Поставил все те банки и пакеты, которыми меня нагрузили, в багажник и предложил занимать места в салоне авто.

Ехали мы молча. Сергей Николаевич насупился и демонстративно со мной не разговаривал. Похоже, его версия о спекулянте подтвердилась наличием авто. Сейчас не так много молодых людей могут себе позволить приобрести машину. Дамы на заднем сиденье тоже помалкивали и первые вопросы стали задавать, когда я свернул с проспекта во двор.

— Это вы здесь живёте? — поинтересовалась Надежда Ивановна.

— Да. Отец в пятьдесят восьмом получил квартиру.

— Машина отца, — не спрашивал, а констатировал факт глава семьи Семёновых.

— Машина моя. «Волга» отца во-о-он там стоит. Чёрная.

Дальше недоумение моих гостей всё усиливалось. Поздоровавшись с консьержем и поздравив его с наступающим, я повёл гостей за собой в лифт. Порог квартиры они переступали с некой опаской. Бабушка и отец были предупреждены о ранних гостях и сразу же вышли встречать. После краткого знакомства я показал бабушке на наши сумки с едой.

— Наденька, снимайте верхнюю одежду и помогите мне на кухне, — моментально сориентировалась бабушка. — Остальные, чтоб не мешались под ногами.

Гости стали раздеваться и разглядывать холл. Маман в своё время постаралась над его украшением. Уж не знаю, где она доставала готовые резные позолоченные рамки для моих картин, но украсила стены ими обильно. Столик под телефон в стиле ампир она купила в комиссионке. Плюс я постарался немного. Заказал в столярке Союза художников якобы планшеты, а на самом деле двери-купе. Сам их покрасил и нанёс через трафарет золотые вензеля. Одежный шкаф в коридоре получился необычным и функциональным.

Семёновых всё это в комплекте шокировало. Любому неподготовленному человеку могло показаться, что он оказался в музее.

— Шурик, покажи гостям где что, — попросил меня отец.

— Это моя комната, гостиная, спальня, папин кабинет, — быстро провёл я экскурсию.

В кабинете отец к нам присоединился, чтобы дать пояснения лично. Это единственная комната, по стенам которой не были развешаны мои картины. Отец предпочитал на стенах фотографии.

— Шурка с Гагариным, с Гагариным и Титовым. Это его на выставке в Манеже поздравляет Хрущёв. С министром культуры Фурцевой в Лондоне, — откровенно хвастался отец моими достижениями.

Сергей Николаевич и Саша совсем голоса не подавали, хоть и поглядывали на меня. Единственный вопрос задала Саша о моей матери.

— Екатерина умерла этим летом, — сухо ответил отец и показал жестом на выход из кабинета.

Стол в самой большой комнате нашей квартиры, вернее, два стола, уже установили и скатертью накрыли, но ещё не сервировали. Мне была предоставлена эта почётная обязанность, а я привлёк Сашу.

— Сервиз больно дорогой, не жалко? — задал вопрос Сергей Николаевич, наблюдавший с дивана за моими действиями.

— Зачем хранить, если не использовать? — не понял отец. — К тому же это из тех сервизов, что мы из Канады привезли.

— Папа там работал послом, — вставил я слово.

— А Катерина работала переводчиком. Иногда бывали неофициальные встречи, которые не оплачивали деньгами, а дарили подарки подобно этому сервизу. Мы с собой целый контейнер вещей привезли.

— Сашка моя тоже английскому учится, — решил похвалить свою дочь Сергей Николаевич. Но не тут-то было.

— Наш Шурик с пяти лет на английском болтает. Мария Васильевна преподаватель, вот и научила внука, — рассказал отец. — Вернулись мы из Канады, а он уже свободно на двух языках читает и пишет.

Дальнейшие мои восхваления были прерваны бабушкой и Сашиной мамой. Они там на кухне, оказывается, перемывали хрусталь и теперь принесли в коробке, чтобы расставить на столе бокалы и салатницы.

— Что же вы такой ковёр хороший на пол кинули? — странно отреагировала на покрытие Надежда Ивановна.

В их квартире ковёр занимал почётное место на стене. Это я успел хорошо рассмотреть, пока сидел и ждал. Так-то они не бедствовали, но их сервант и шифоньер в зале не шли ни в

какое сравнение с нашей стенкой из Румынии и прочей обстановкой.

— Зачем пылесборник на стену? — выступила бабушка. — Пусть лучше там Сашины картины висят.

— Красивый какой ковёр, — не унималась Надежда Ивановна. — Узбекский?

— Арабский, но приобрёл его в Израиле, — ответил отец.

— Он там тоже послом служил, — добавил я.

Дальше обсудить напольное покрытие не успели — пожаловал Илья с семейством.

— Тише-тише, — зашептал он с порога. — Пока ехали, Антон уснул.

— Неси в мою комнату. Мы там для детей спальное место подготовили, — просветил я.

Игорёк прошмыгнул у меня под рукой и с вопросом: «Где у вас ёлка?», юркнул в зал, забыв снять шапку и шарф. Бабушка его перехватила и повела обратно.

— Илья, Людмила, — представил я гостям своих друзей, как только они разместили мелкого в моей спальне.

Следующим пришёл Владимир Петрович. Тоже с приличной сумкой дефицитной еды. Кроме того, он быстро выяснил, кто здесь курильщик и увёл Сашиного отца за собой на лестничную площадку. Жаровы появились в половине двенадцатого. Честно, я уже начал переживать.

— Майя долго собиралась, — пожаловался Михаил Иванович.

Их дочери отмечали Новый год где-то в своих компаниях, а Жаров с супругой приняли моё приглашение. Семёновы Михаила Ивановича узнали и в очередной раз опешили.

— Все за стол! — скомандовала бабушка.

— Я чуть слюной не захлебнулся, — пожаловался Илья.

Все загомонили, засуетились, рассаживаясь за столом. Дядя Вова и отец сели с торцов. Бабушка заняла стратегически выгодное место ближе к двери, чтобы бегать на кухню. Я успел зарезервировать для себя место ближе к Саше.

— Давай, генерал, говори тост, — попросил отец.

— Ну, что... всякое было в прошедшем году. Хорошее и не очень. Помянем Екатерину Фёдоровну, поздравим Илью Алексеевича с получением звания полковника...

— Илюша, да неужели? — всплеснула руками бабушка.

— Ба, я же тебе говорил, забыла? — отозвался я.

— Сашке нового звания пока не положено, побегаёт ещё в майорах, — дополнил дядя Вова.

— Не факт. Вы же его знаете, вдруг ещё чего учудит, — хмыкнул Илья.

— Этот может, — согласился Владимир Петрович.

— Саша майор? — не поняла ничего Надежда Ивановна. — А каких войск?

— Майор КГБ, — с недоумением посмотрела на гостью бабушка.

— А говорил, что художник, — удивился Сергей Николаевич.

— Одно другому не мешает. Он портрет Андропова рисовал, — продолжала нахваливать меня бабушка.

— Неужели, Санёк? — теперь удивился Михаил Иванович. Эта новость прошла мимо него.

— Мы так никогда не выпьем, — намекнул я, что тост затянулся.

Народ с этим согласился и стал звенеть фужерами. После я выскользнул из-за стола и чуть добавил звук в телевизоре. А то знаю я наших, заболтаются и пропустят бой курантов.

— Ещё одна «англичанка», — разобрался Жаров в будущей профессии Саши

Семёновой. — А я, между прочим, безо всякого английского по Америке гулял.

— «Товарищ негр», — передразнила его супруга, напомнив давнюю историю.

— То был неправильный негр...

— ...который делает неправильный мёд, — продолжил фразой из «Винни-Пуха» Игорёк под общий хохот.

— Александра Сергеевна, и почему ты не Пушкина? — продолжал уделять внимание моей девушке Жаров. А я только сейчас сообразил, какое сочетание имени и фамилии у девушки.

— Батя юморист, — ответила Саша.

— Это он сына хотел, — вставила Надежда Ивановна.

Сам глава семейства Семёновых предпочитал закусывать и помалкивать. Водочку тоже не забывал. Но болтливости, как это обычно случается с пьяными мужиками, за ним не наблюдалось. Или это на него так подействовали магические буквы «КГБ»?

В отличие от компании маман, в нашей танцы редко устраивали. Друзья предпочитали задушевные беседы и интересные истории. Новым гостям вывалили их столько, что они не скоро опомнятся. В основном, это были случаи при непосредственном участии Никулина, но и по моей персоне прошли, вспоминая всё самое интересное из прошлого.

Больше всего фигурировало историй про меня и Илью. Самое смешное, что Людмила была уверена, что мы братья. Жаровы тоже считали Илью нашим родственником, а бабушка с отцом на эту тему молчали. Их вполне устраивало такое положение вещей. Новые люди в нашу компанию не вписались. Сидели тихо и явно нервничали, а не наслаждались праздником.

Расходиться начали часа в четыре ночи. Дети давно спали, Людмилу отправили к ним в комнату. Илья с Владимиром Петровичем употребили приличное количество коньяка и сообщили, что будут ночевать у меня в мастерской. Жаров почти не пил и уехал на своей машине. Перед отъездом Майя меня ненадолго перехватила и увлекла в кабинет.

— Саша, вы наверное по своим каналам уже узнали, что моя сестра эмигрировала с семьёй на Запад, но мужу я не говорила. У него же сердце. Можно ему не сообщать?

От своего лица я заявил, что не скажу, не став просвещать, что структура КГБ достаточно сложная и я совершенно не в курсе этих событий.

Семёновых моя служба в рядах КГБ впечатлила так, что возвращались обратно мы снова молча. Шампанского я пригубил немного в начале застолья и решил, что вполне могу себе позволить сесть за руль и отвезти гостей. В крайнем случае продемонстрирую свои корочки. На самом деле они негодились. Москва уже спала. Машин практически не было, как и гаишников. В это время ГАИ не так активно трясёт водителей на ночных дорогах.

— Заеду завтра. То есть сегодня в пять, — сообщил я Саше. — Сходим погуляем.

Родители не возражали. Они, похоже, ждали от меня высказываний и претензий по поводу оскорблений, полученных ранее. Я же эту тему не поднимал. Мог же и сам показать раньше документы. Раз решил шифроваться, то и получил по полной.

После обеда я успел выпроводить гостей из своей мастерской, прибраться, принести часть салатов и закусок из дома и даже немного поспать, прежде чем снова поехать за Сашей. Гулять по морозу я не собирался. К тому же степень доверия Семёновых ко мне резко изменилась и я вполне мог пригласить девушку в мастерскую.

— Здорово как! — радовался она, разглядывая моё творчество, и тут же отвлеклась на вид из окна. — А это ваш дом напротив?

— Так точно. Смотри, два окна — это зал и родительская спальня. Моя комната отсюда не видна, она с торцевой стороны.

— Но ты здесь живёшь?

— По-разному бывает. Сейчас отец один, я ему помогаю.

Этот вечер закончился вполне безобидными поцелуями. Сашу я вернул обратно домой около десяти вечера и договорился, что встречу на следующий день возле института.

Студенты — это не школьники. Им каникулы в начале января не положены. К тому же началась зачётная неделя и у Саши будет много учёбы. Да и по теме её дипломной работы «Информативно-насыщенные глаголы английского языка» я намеревался помочь. Самому интересно узнать что-то новое.

С утра в субботу позвонила бабушка, чтобы высказать своё мнение по поводу Саши. Это первая девушка, которую я открыто показал своим родственникам, и бабушка отнеслась к этому событию серьёзно. К тому же она выяснила, что отсутствие кавалера у дочери самих Семёновых тоже беспокоило. Правда, они не сообразили, что виной тому Олеся.

— Хорошая девочка, спокойная и умненькая, — охарактеризовала бабушка Сашу. — Всё как ты любишь. Не высовывается со своим мнением, не балагурит, как Катерина, и готовит хорошо.

Насчёт подготовки я не был в курсе, это женщины между собой успели пообщаться на эту тему. Но по поводу спокойного характера девушки бабушка оказалась права. Не нравятся мне эдакие «королевы», предпочитающие, чтобы весь мир крутился вокруг их персоны. Не скажу, что та же Светка была плоха, но не моё это. Мне бы такую хозяйственную, как бабушка, без лишних претензий и требований. В общем, мы с бабушкой дружно пришли к мнению, что Саша нам нравится.

Припарковался я в этот раз поближе к выходу из здания института, откуда должна была появиться Саша. Но первой я заметил Олеся. Поскольку из машины я вышел, то девушка меня заметила и налетела с претензиями.

— Что ты наговорил Сашке, что она меня игнорирует?!

— Олеся, что я мог наговорить, если знаю только твою фамилию и где ты учишься? — удивился я. — Ты сама повела себя не с самой лучшей стороны.

— Потому что ты спекулянт и мошенник, — кивнула она на мой автомобиль.

— Это уже конкретное оскорбление и поклёп, — ответил я. И вообще мне эта девица надоела. К тому же из дверей вышла Саша, и я решил заканчивать представление. — Гражданка Блинова, — вынул я своё удостоверение, — вы оскорбили офицера госбезопасности при свидетелях.

— А-э... — запнулась Олеся, разглядывая фото в моём удостоверении.

— Ещё что-то вякнешь обо мне или в адрес Саши, найду такие методы воздействия, что мало не покажется, — припугнул я эту хамку. Олеся бочком-бочком стала отходить в сторону, освобождая место для Саши.

— Как учёба, как успехи? — чмокнул я в щёку свою девушку и галантно открыл перед ней дверь автомобиля.

Саша усаживалась без спешки. Так, чтобы остальные одноклассники успели оценить и машину, и кавалера, и внезапный побег Блиновой.

— Поссорились с Олесей? — поинтересовался я, трогаясь с места.

— Не то слово. Она словно взбесилась, — начала жаловаться Саша. — Я только сказала, что отмечала Новый год у тебя, а она словно змея стала шипеть. О родителях я не успела

ничего сказать, эта уже сама насочиняла. Проституткой меня обозвала.

— Удивляюсь, как ты столько времени считала её подругой?

— Ну... она так конкретно никогда на меня не кидалась. Напротив, защищала.

— Или отгоняла от тебя парней и девчат, которые могли стать друзьями или подругами.

— Зачем ей это? — недоумевала Саша.

— Завидовала. Это же очевидно. И действовала по принципу. Если не мне, то и никому.

— Юрка Игнатьев из нашей группы за ней одно время ухаживал, но она его отшила.

Нормальный парень, но он из-под Ржева, а ей москвичка подавай.

— Всё! Хватит Блинову обсуждать. Если бы не она, я бы тебя не встретил.

Этим заявлением я рассмешил Сашу. Она даже не спросила, куда мы едем. А рулил я в сторону бабушкиного дома. Мне было велено привести девушку для более подробного знакомства. И вероятно, для проверки на «профпригодность».

Собственно, так оно и получилось. Бабушкина проверка была основательной. И не только на знание английского, но и умение готовить начинку из капусты для пирожков, а после и лепка самих пирожков. Я в это время делал наброски. У бабушки в запасе всегда хранятся мои художественные принадлежности.

— Портрет маслом на каникулах напишу, — пообещал я Саше. — По поводу пирожков замечаний нет, а над произношением стоит поработать, — подвёл я итог визита к бабушке.

Ограничений по телефонным разговорам никто не ставил. В течение недели я болтал с Сашей, сколько хотел. Мог бы и в гости заехать, но не хотел отвлекать девчонку от учёбы. Только в субботу забрал её после экзамена по философии.

— Ну как, отличница? — встретил я её.

— Если бы, — вздохнула Саша. — Получила «хорошо».

— Это же не профильный предмет. Ты в школе английский будешь преподавать, — подбодрил я её, и то недолго.

— Это почему?

— Потому, что потом будешь дома с ребёнком сидеть, — потянулся за поцелуем. — Только не зови на нашу свадьбу Олесю.

— Не позову, — рассмеялась Саша.

— Вот и хорошо. Поехали кольцо выбирать.

Колечко мы поехали выбирать не обручальное, а то, которое дарят на помолвку. Сейчас, конечно, это не принято, но мне захотелось сделать Саше подарок. Не аляпистое с огромным рубином, а пусть и дорогое, но с бриллиантом.

— Ого, — удивилась Саша цене.

— Зато такие хабалки, как твоя Олеся, не станут завидовать. Или она разбирается в бриллиантах?

— Не думаю, — покрутила руку с кольцом моя девушка.

Украшение смотрелось более чем скромно. Тонкий ободок, маленький камешек белого цвета. Если бы не цена, то можно сказать, это скромный подарок.

— Теперь к родителям за благословением, — сообщил я.

Саша смущённо улыбнулась и прижалась щекой к моему плечу. Кажется, девушка на седьмом небе от счастья. О себе я такого сказать не мог. То есть как художник внешность Саши я оценил по всем параметрам. При классической внешности дуры-блондинки у Саши в глазах был виден интеллект. Фигурка, возможно, немного худовата, но это, как говорится, «на вырост».

Определённый расчёт с моей стороны присутствовал. Как аналитик, я просчитал все плюсы и минусы данной ситуации. Собственно, тех минусов, считай, не было, разве что знакомы мы были мало времени, но и свадьбу я планировал устроить в конце марта. Чтобы было уже нехолодно и хватило времени на знакомство друг с другом. Жениться мне давно требовалось. Майор, лучший аналитик, член партии и вдруг холостой. Непорядок. А тут такая удача сама в руки пришла. Девушка «домашняя», образованная, её будущая специальность мне созвучна, к тому же бабушка одобрила навыки домоводства (шьёт и вкусно готовит).

В этот раз Семёновы приняли меня хорошо. Снова завели на кухню и собрались потчевать по всем правилам. Глава семьи бутылочку беленькой из холодильника вынул, но я отказался, сославшись на то, что за рулём.

— Чего сразу не сказал о своей службе? — взялся выспрашивать глава семейства.

— Зато вы не можете упрекнуть Сашу, что она повелась на мой автомобиль и папу-дипломата.

— На морду она твою повелась, — буркнул Сергей Николаевич.

— Папа! — возмутилась Саша в ответ.

— Скажи, что не так, — опрокинул в себя стопарик водки родитель.

— Серёжа, — укоризненно покачала головой будущая тёща.

— А я чего? Нервы вы мне совсем расшатали.

В целом посиделки прошли нормально. Сергей Николаевич посчитал, что одного извинения с его стороны достаточно, и больше к этой теме не возвращался. Его больше моё творчество интересовало и оплата за него. Не сразу я сообразил, что мои слова неверно истолковали. Семёновы решили, что я хоть и комитетчик, но занимаюсь тем, что рисую начальников КГБ. Пояснять и рассказывать о своей работе я не собирался, да и не положено просвещать посторонних. Потому не стал разубеждать семейство.

Сашке, похоже, было без разницы, чем именно я на жизнь зарабатываю. Но её «уроки» я проконтролировал. Под бдительным надзором Надежды Ивановны (она что-то шила, сидя в

уголке), я погонял немного Сашу по билетам «Научного коммунизма» и уехал домой почти в десять вечера.

— Братишка, молоток! — искренне порадовался за меня Илья, когда я объявил ему о своих намерениях относительно Саши Семёновой.

Владимир Петрович был более сдержан. Мол, свадьба в перспективе это хорошо, но и работу никто не отменял. Могу я там чего нового сказать? Выдал ему озарение, что из-за войны в Афганистане Америка и ряд других стран бойкотирует московскую Олимпиаду.

Дядя Вова аж красными пятнами покрылся, а я заметался по кабинету, ища воду, валерьянку, нитроглицерин и валидол до кучи. Как-то не подумал о таком. Генерал пусть и на высокой должности, но о решении начать боевые действия в Афганистане он не в курсе. Я и сам точно не знал, когда она начнётся. Точно в этом году, но даты не помнил.

И собственно, ничего это знание нам не давало. Владимир Петрович и сам это вскоре осознал. Посидел, покрутил в руках листок с моими записями, да и сжёг его в пепельнице.

— Потом по олимпиаде справку напишешь, — порекомендовал он, подразумевая, что как только станет известно о введении войск в Афганистан, можно будет подробно описать все последствия, и совершенно легально.

Нашего управления подготовка к олимпиаде почти не касалась. Это в пятёрке был создан специальный 11-й отдел, задачей которого являлось «осуществление оперативно-чекистских мероприятий по срыву подрывных акций противника и враждебных элементов в период подготовки и проведения летних Олимпийских игр в Москве».

Зато донесений о возможных провокациях поступало много. Советские резиденты из США, Великобритании, Канады, ряда стран Европы писали, что западные спецслужбы включают в состав олимпийских делегаций лиц, ведущих подрывную деятельность против СССР. Этих людей планируют использовать для осуществления террористических акций и массового распространения антисоветской литературы.

Работы 5-му управлению прибавилось много. Активизировались всевозможные националистические организации в Литве, Эстонии, на Украине (конкретно — татары в Крыму). Русский отдел МИД Израиля также решил использовать олимпиаду в своих целях и провести массовую сионистскую пропаганду среди евреев СССР.

Параллельно уже шла психологическая обработка населения стран Запада. Их запугивали тем, что в Союзе нарушаются права человека. СССР склоняли в западной прессе на разные лады, прогнозируя противоправные действия и террор для гостей олимпиады.

Наше правительство разумно опасалось провокаций. По этой причине были созданы отряды милиции особого назначения. С начала января московский ОМОН начал подготовку по специальной программе. По какой именно, в донесениях не указывалось, но по прошлой жизни я знал, чем именно будет заниматься ОМОН.

То, что в преддверии олимпиады задействуют все резервы КГБ, было понятно и без донесений. Поэтому несколько спокойных месяцев зимы и весны я решил использовать в личных целях. Потом будет не до того.

С Мишкой на Новый год мы не встречались по той причине, что он с молодой женой праздновал у её друзей в Подмосковье. По Мишке я соскучился и пригласил его к себе в ближайшее воскресенье, предупредив Сашу о моём ещё одном близком друге. Та отнеслась к мероприятию со всей серьёзностью. Пусть продукты я сам покупал, но помогала их готовить с утра именно Саша.

Михаила с женой мы ждали ближе к двум часам дня, и я успел рассказать своей хм...

невесте о нашей дружбе со школьных времён.

— Живут они здесь, в десяти минутах ходьбы, в квартире мамы. Раньше там ещё старшая сестра была прописана, но её муж получил квартиру от института, — рассказывал я. — А тётя Роза почему-то не спешит прописывать невестку и это послужило конфликтом между невесткой и свекровью.

— Почему не прописывает? — полюбопытствовала Саша.

— Она считает, что так у сына больше стимула в получении своего жилья. Он встал на очередь, но детей они пока не планируют, и кроме малосемейки в общежитии им ничего не выделяют.

Мишка заявился не с пустыми руками. Тётя Роза, конечно же, снабдила его гостинцами в виде выпечки.

— Саша, ты таки порадовал мою маму, — полез с порога обниматься друг. — Она обязала вас прийти в гости.

— Придём позже, — пообещал я. — У Саши сейчас сессия.

— У Катюши тоже сессия, — выдвинул вперёд он жену, чтобы наши дамы нормально могли познакомиться. — Ох и намучился я с этой студенткой, — изобразил Мишка скорбь на лице.

Со смехом и шумом мы вначале переместились на кухню, где распаковали посылочку от тёти Розы, а затем перенесли всю еду в ту комнату, что у меня считалась гостевой, где меньше пахло красками и стоял диван. Мишка активно помогал расставлять закуски, комментируя свои действия.

— Чуть не умер от обжорства в Новый год, а застолья всё продолжают и продолжают...

— Не ешь, мне больше достанется.

— Ещё чего! Мне твой салат «обжорка» очень нравится.

— Скоро ни в одни брюки не влезешь, — дополнила Катя.

— Погонять его немного на тренировках, и всё быстро сойдёт, — заверил я.

— А каким спортом Михаил занимается? — вставила моя Саша вопрос.

— У... это отдельная история о том, как мой друг решил устроить секцию самбо в нашей школе... — начал историю Мишка, попутно накладывая себе в тарелку различных вкусностей.

— Мы слышали это с десятков раз, — перебила его Катерина.

— Саша не слышала, — миролюбиво ответил я.

— Здорово как — Александр и Александра! — отвлёкся Мишка от рассказа. — Кстати, Александра, брючный костюм вам очень идёт. Знакомая портниха?

— Мама шьёт и я немного, — зарделась румянцем от комплимента Саша.

— Как удачно! Заказы мама принимает? — не замечал друг недовольных взглядов собственной жены.

— Папа обычно против, он считает, что обеспечивает семью и такой проработок не нужен.

— Не нужен так не нужен, — ничуть не расстроился Мишка. — Главное, чтобы родных обшивала. Моя мама говорит, что женщина обязательно должна уметь если не готовить, то шить.

— Твоя мама много чего говорит, а у меня нет на это времени, — Катя восприняла фразу в штыки.

— Документы в ЗАГС мы ещё не подавали, но ориентируемся на конец марта, — решил сменить я скользкую тему взаимоотношений родственников.

— Удачное время, — одобрил Мишка выбор.

— А жить вы где будете? — тут же поинтересовалась Катерина. — Миша говорил, что у тебя, кроме этой, ещё одна квартира имеется.

— Это мастерская. И жить, конечно, будем в той, с отцом, — кивнул я на окно, подразумевая наш дом.

Так получилось, что Мишкина супруга у нас в гостях не была ни разу. Обычно мы здесь встречались. К себе домой я их не приглашал, пока была жива маман, да и повода там встречаться особого не имелось.

— Если переедете в квартиру, может, ты нам эту отдашь? — шокировала меня вопросом Катерина.

— Это не квартира, а моя мастерская, — поправил я девушку. — Я здесь работаю.

— Миша говорил, что ты служишь на Лубянке.

— Одно другому не мешает. Я член Союза художников и мне положена мастерская.

— Катька, ты чего задумала?! — возмутился Михаил.

— Сколько можно ждать своё жильё? — завелась Катя, отодвинув от себя тарелку с едой. — Твоя мама не даёт нам самостоятельно жить.

По этому поводу я примерно предполагал, какие могли возникнуть конфликты. Несмотря на то, что одну из двух комнат тётя Роза выделила молодой семье, все остальное держала под контролем, включая расходы на питание и одежду. Кстати, у Ильи с тётшей тоже не сложились отношения. Но там обиды за репрессированных, а позже расстрелянных родственников в сорок седьмом году. Илья же комитетчик, по странной логике женщины — тоже причастен.

— Вам же положено общежитие, — подала голос Саша. И зря. Пока она сидела привычно тихой мышкой, на неё не обращали внимания. А тут Катерина отреагировала довольно странно.

— Без советчиков обойдёмся. Думаешь, получила парня с квартирой и машиной и можешь учить других жизни?

— Про наличие автомобиля я узнала на Новый год, про квартиру тогда же, — ответила Саша и еле слышно, так, что только я разобрал, добавила: — Очередная Олеся.

— Ага, а ты у нас бескорыстная? — отчего-то завелась Катерина. — Небось, с московской пропиской? И волосы ты распустила, чтобы на тебя внимание все обращали?

— Твоя случайно не беременная? — негромко поинтересовался я у Мишки. — Перепады настроения, то, сё...

Мою фразу Катерина услышала и тут же переключила своё внимание.

— Никаких детей, пока я не закончу аспирантуру, — заявила она.

Мишка проявил деликатность и стал расспрашивать об экзаменах и Сашиной дипломной работе. Вообще-то обучение в разных ВУЗах и факультетах имело мало общих точек соприкосновения, но, к моему удивлению, Михаил знал кого-то из МГПИ.

Катя по ходу дела успела вставить слово о том, что муж у неё доцент. Типа похвасталась. Отвечать на этот выпад Саша не стала и снова прикинулась незаметной мышкой, давая нам возможность поговорить. С Мишкой мы давно не общались, но я желал поговорить с ним без присутствия девушек. Тут он вспомнил, что им в конце января установят долгожданный телефон. Действительно будет удобно.

Жаль, что в этот раз встречу немного испортила Катерина. Сашка совсем замкнулась, да и Михаил явно испытывал неловкость за поведение жены. Ещё немного посидев, они стали прощаться. Нужно будет потом перед Михаилом извиниться за то, что я так резко ответил по поводу мастерской. Конечно, с точки зрения обывателя я выгляжу зажавшимся мажором, но угрызений совести по этому поводу не испытывал. Квартирный вопрос в Москве сложный, не я его должен решать и не за счёт своей мастерской, даже для друга. К тому же ситуация там не такая уж плохая. Живут они в двухкомнатной квартире со всеми удобствами и с мамой в придачу. Но нет в мире совершенства. Ещё неизвестно, как у меня сложатся отношения с родителями Саши.

Чтобы избежать возможных споров и недопониманий, подготовку к свадьбе я взял на себя. Собственно, с моей стороны вся подготовка сводилась к покупке костюма и поиску ресторана. Какой именно, я ещё не решил и спросил совета у бабушки. Она идею с рестораном раскритиковала. Двадцать рублей за человека ей показалось слишком дорого. Меня сумма вполне устраивала, но тут к делу подключился Илья и предложил воспользоваться услугами одного из ведомственных банкетных залов.

Заплатив аванс, я решил, что основные приготовления к свадьбе закончены. Выдал Саше двести рублей на всякую мелочовку, закупкой которой она займётся на каникулах в свадебном салоне. Ну и бабушка обязательно примет в этом участие.

— Женю тебя и можно помирать, — неожиданно сообщила она мне.

— Ба, ты чего надумала? — возмутился я. Возрастных болячек у неё хватало, но с чего такое пессимистическое настроение, я не понял. — Чтобы до ста лет жила, не меньше!

Время до свадьбы пролетело быстро. Вроде только поздравлял знакомых женщин и свою девушку с восьмым марта, а уже этот март заканчивается. Меня отчего-то стало потряхивать от волнения. Всё же серьёзный шаг в жизни. Вспомнилась прошлая жизнь, несостоявшиеся надежды и чаяния, прошлые друзья, родители, девушки.

Хорошо, что отец почувствовал моё состояние и всячески поддерживал, заверяя, что с Сашей мне повезло — «домашняя девочка». Даже знаю, кому за это нужно спасибо сказать. Олеся от Саши отстала, но какие-то мелкие пакости на занятиях регулярно пыталась устроить. И в этом ей не повезло. Саша по успеваемости резко вперёд вырвалась. Я же не только шуры-муры устраивал, но и за учёбой невесты следил. Сергею Николаевичу немного не нравилось то, что дочь по вечерам задерживается, но молчал, рассудив, что через несколько недель она вообще переедет и перестанет ему подчиняться.

Сашка не показывала мне своё платье и я вполне искренне его похвалил в ЗАГСе, подивившись фантазии невесты. На самом деле мне как-то без разницы, что именно наденет Саша и сколько рюшей и кружева будет в этом наряде. Мне бы больше понравилось скромное мероприятие, которое устроил Илья, а не кортежи из свадебных авто. Но пришлось соответствовать и устраивать эту канитель.

Илья был у меня в свидетелях, а Саша подобрала у себя в группе одну девчонку в качестве дружки. Девушка оказалась деловой, к тому же комсоргом курса, и оказала реальную помощь на свадьбе. Вообще-то со стороны невесты гостей получилось неожиданно много. Почти пятьдесят человек. Это были и родственники Семёновых, приехавшие по такому случаю в Москву, какие-то сослуживцы отца Саши и подруги матери.

С моей стороны гостей было меньше. Зато более колоритные. Не буду говорить про Жаровых, которые сразу привлекли к себе внимание, но и дядя Вова отличился. Он в парадной форме генерал-лейтенанта заявился!

— На приличной свадьбе должен быть свой генерал, — сообщил он, позвякивая своими медалями и орденами.

— Уважил, уважил, — похлопал отец его по плечу.

Спасибо, Илья не в форме прибыл. Зато бабушка отличилась. Где только раздобыла такой наряд и к нему шляпку с серебристой вуалью? Белоснежная шёлковая блуза ассоциировалась у меня с модой конца девятнадцатого века, длинная в пол юбка была жемчужного цвета и скрывала возрастные недостатки фигуры, на шее нитка натурального жемчуга плюс серьги, тоже с жемчугом. Помню, что-то такое отец привозил в подарок из Африки. Бабушка ни разу на моей памяти этот комплект не надевала. А тут нарядилась словно дворянка в пятом поколении. Гости со стороны Семёновых примерно так и подумали. И поскольку ещё все были трезвыми, то скромно поглядывали на моё сопровождение.

К могиле Неизвестного солдата, затем к памятнику Пушкина и на Воробьевы горы отправились молодёжной компанией на трёх машинах. Везде, как и положено, цветы возложили и сфотографировались. В роли фотографа выступал Алексей. Я его с супругой тоже пригласил на свадьбу.

Наши соседи Романовы деликатно отказались от приглашения, а Никулин был занят на съёмках. Из материных знакомых отец никого не стал звать. На поминки они не приходили, да и друзьями оказались формальными.

После был банкетный зал, тосты, поздравления, подарки. Конвертики с деньгами в это время дарить не принято. Считается, что преподносить нужно полезные в хозяйстве вещи, которые трудно купить в магазине. То есть сервизы, хрусталь или по-простому — постельное бельё. Его аж семь комплектов подарили.

Дальше ели, пили, плясали, снова пили и ели. Немного испортила настроение Мишкина супруга. Она чуть подвыпила и высказала претензии, отчего не Михаил в свидетелях, а Илья. Михаил отлично понимал, почему так, а не иначе, но жене пояснить не смог. Впрочем, меня проблемы Левинсонов на собственной свадьбе волновали мало. Разве что бабушка с Мишкой о чём-то всё время шушукались.

На службе мне дали целых три дня, чтобы я пришёл в себя и ощутил семейным человеком. Мог бы и отпуск взять, но не захотел. Лучше уж я летом его использую. Владимир Петрович обещал путёвку в дом отдыха на конец июля. Саша к этому времени закончит институт, и мы с ней погуляем в своё удовольствие.

— Наташка всем в группе рассказала, что у меня свадьба была с настоящим генералом, — чирикала молодая жена, описывая своё возвращение на учёбу.

Наташка, свидетельница на свадьбе, действительно была в восторге от всего. Представляю, как расписала это событие студенческой братии.

— Олеся желчью не захлебнулась? — спросил я.

— Почти. Она же прогнозировала, что ты поматросишь меня и бросишь.

— Поматросил, поматросил, да и оставил себе, — подхватил я на руки Сашку и закружил по комнате.

Бабушка пришла с визитом (читай, с проверкой) через неделю. Это я так решил, что прибыл контроль за молодой хозяйкой. Но оказалось, дело в другом.

— Саша, поговорить нужно, — увлекла меня бабушка в кабинет.

На удивлённый взгляд отца я ответил разведёнными руками — сам не в курсе.

— Старая я стала, — завела бабушка очередную песню про свой возраст.

Возразить я не успел, и она продолжила. Квартира, где она живёт, не ведомственная, её получал дед как ветеран.

— Вот помру, кому квартира достанется? — задала бабушка вопрос.

— Государству, — ответил я, поскольку сам на неё хоть и мог претендовать, но не хотел. Меня прописка на проспекте Мира более чем устраивала.

— Вот и я о том. С Мишей я поговорила. Хочу его у себя прописать.

В общем, Миша, бабушка и тётя Роза решили провернуть небольшую авантюру. Михаил из маминой квартиры выпишется и получит новую прописку у бабушки. Но поскольку это однокомнатная квартира и родственниками они не являются, то бабушка больше одного человека у себя оформить не сможет.

Мне эту информацию довели, чтобы не стало сюрпризом, а Катю просвещать пока не хотят. Чую, не всё так ладно у Мишки в семье, если он решил скрыть подобную информацию. По сути ничего в ближайшее время не изменится. Он как жил с мамой, так и будет жить, но прописку поменяет, чтобы в случае чего стать законным владельцем.

С моей стороны возражений не имелось, огорчало, что бабушка как-то активно стала собираться на кладбище. Не пойму отчего так. Сама бодрая, больной не выглядит. Буду надеяться, что она ошибается в своих сроках на жизнь.

Наверное бабушка завершила все дела и решила, что Феденька заждался. В середине мая её не стало. Обычно мы отцом попеременно заезжали к ней в гости и обязательной звонили каждый день. В тот день бабушка не ответила ни утром, ни в обед. Отец собрался и выехал, чтобы узнать то, чего мы опасались. К тому времени, как я вернулся с работы, он уже успел договориться и о похоронах, и о месте на кладбище рядом с дедом.

— Такая она, Шурка, жизнь. Свадьбы сменяют похороны и наоборот, — успокаивал меня отец.

Жизнь действительно продолжалась и никому не было дела до горя в нашей семье. Иран объявил себя Исламской Республикой, в Великобритании Маргарет Тэтчер стала премьер-министром, во Франции бастовали сталелитейщики, в Сальвадоре партизаны захватили посольство Венесуэлы, в США конгресс отклонил предложение президента Картера ввести в стране нормированное распределение бензина.

По Америке я написал небольшую справку об энергетическом кризисе, его последствиях и так называемой демократии. Примерно как в анекдоте про американского президента:

«— Господин президент, в Занзибаре нефть нашли!

— Да? А демократии у них в стране нет. Надо делать и ввести войска.

— В Северной Корее тоже нет демократии.

— А у них там и нефти нет. Нахрена им демократия?»

Вообще-то работы в начале лета у меня было немного. Это моя жёнушка жужжала словно пчёлка.

— Сын, как ты удачно женился, — шёпотом сообщил мне отец, чтобы Саша не услышала и не решила, что я сделал это из корыстных побуждений. Так-то мы её хвалили, спасибо говорили, но делали вид, что всё нормально.

Кажется, последний раз у нас в квартире был такой порядок и столько вкусной еды ещё при домработнице. И главное, я не понимал, когда Саша всё это успевала. Конспекты на кухонном столе разложит, тут же лук режет или овощи для борща, а сама к госам готовится. Моя помощь состояла в том, что я ей текст дипломной работы на машинке отпечатал.

Красную корочку Саша не получила, но защитилась по своему предмету на отлично. В горно получила распределение в одну из школ в районе метро «Рижская» и была очень довольна этим фактом.

— Успеешь документы отнести. У тебя заслуженный отпуск после учёбы, — притормозил я Сашкин порыв сразу и бегом бежать устраиваться на работу. У нас медового месяца толком не было.

К тому же дядя Вова обещание сдержал и достал путёвки в дом отдыха в Крыму. Своё желание взять автомобиль я подавил с большим трудом. Конечно, на своей машине передвигаться удобно, но до Крыма придётся ехать самому за рулём. Кондиционеров и прочих удобств в современных «Жигулях» нет. Не... мы лучше на троллейбусах по Крыму поедем. Вариант водного путешествия на прогулочных катерах я сразу отмёл.

Дом отдыха был ведомственный, такой типичный — советский. Номер хоть и считался семейный, но кроватей было две (одинарных). Судя по следам на полу, постояльцы их постоянно сдвигали вместе. И я последовал примеру предыдущих жильцов, убрав одну из

полированных тумбочек, соорудив двуспальную кровать.

— Жаль, вид не на море, — проверила Саша лоджию.

— Окна на запад самые удачные, — не согласился я. — Иначе б мы зажарились днём.

Этот бетон всё солнечное тепло впитает в себя за день.

Жилых корпусов в доме отдыха было несколько и для всех имелась общая столовая, вмещающая за один раз примерно полторы сотни человек. Не любитель я подобных помещений для приёма пищи. Запах хлорки от столов, жёсткие стулья, народа до хрена. И в целом неуютно. Впрочем, у нас в планах много поездок, обедать мы будем редко, но на завтрак, который для нашего корпуса в половине девятого, придётся ходить.

В первый же наш ужин я заметил в столовой несколько знакомых лиц. Слегка кивнул, но радушия не стал проявлять. Мы не на службе, а я с молодой женой. Нам и вдвоём хорошо, чужая компания не нужна. Правда, через два столика на меня пялилась одна дамочка. Ни её саму, ни её мужа я вспомнить не смог. Понятно, что из нашей системы, но ассоциаций в голове не возникло. Это даже заинтриговало. Я-то всем хвастаюсь своей уникальной зрительной памятью, а тут не смог вспомнить. Потому сделал вид, что в упор не замечаю пристального внимания со стороны семейной пары. Смешил Сашку анекдотами, рассказал истории из детства, когда мне доводилось бывать на море.

На следующий день после завтрака мы взяли обзорную автобусную экскурсию. Обед в доме отдыха пропустили, да и на ужин предпочли пойти кафе. Дискотеки тоже не заинтересовали. Нам на двуспальной кровати было интереснее, чем на танцплощадке. В общем, на три дня я про пристальное внимание той дамы позабыл. А на четвёртый мы с той семейной парой пересеклись на пляже.

— Извините, пожалуйста, — первым начал разговор мужчина. — Жена меня совсем замучила и настропалаила спросить.

— Спрашивайте, — бесхитростно разрешила Сашка.

— Четырнадцатое июня 1971 года, Краснодар. Это ведь были вы? — задала женщина вопрос.

— Э...м-м-м... — не нашёлся я сразу с ответом, так меня ошарашил вопрос. Типа награда настигла героя и стукнула его по башке?

С другой стороны, дом отдыха ведомственный. Муж этой дамы стопроцентно комитетчик и понимает, что я тоже из этой системы. Дело прошлое, не думаю, что кто-то будет разбираться. Можно было, конечно, уйти в несознанку, но с паузой я затянул. Как-то меня эта фраза выбила из колеи и я не успел проявить свои актёрские способности, после же стало поздно. Женщина кинулась ко мне обниматься.

— Спасибо, спасибо! Я вас часто вспоминаю. Митя, скажи! Чего молчишь?

«Митя» по-простому пожал мне руку.

— Я так понял, что ты случайно оказался в том автобусе, но не растерялся. Действительно молодец!

Ещё несколько минут мы расшаркивались. Наконец я вырвался из объятий супружеской пары и, прихватив сподручнее надувной матрас, повёл Сашу дальше. В очередной раз убедился, что жена у меня умница, каких поискать. Она молчком слушала мои восхваления. Задавать вопросы и ничего выяснять на месте не стала.

— Расскажешь или это секрет? — спросила она, когда мы остались наедине.

— Ну... как бы да, это секрет. Я бы не хотел, чтобы Владимир Петрович узнал. И вообще, дело прошлое, — Саша жестом показала, что будет нема как рыба. — Не стану

пояснять, зачем меня командировали в Краснодар, но так получилось, что в автобусе заметил подозрительного человека с чемоданом. Мне показалось, что там что-то тикает. К тому же мужчина не выглядел адекватным. Я был молод, горяч и закричал на весь автобус, что там бомба.

— Неужели?! — охнул Саша. — И что, правда?

— К сожалению, правда. Водитель успел остановиться, люди вышли. Жаль, не все мне поверили. Когда заряд рванул, многие оказались в зоне поражения. Погибших не было, но человек пять раненых доставили в больницу.

— Какой ужас! Если бы не ты, то взорвался бы автобус с людьми.

— Давно задаюсь вопросом, как повлиял мой поступок на судьбы людей? Кем стали те, кто не умер, какие поступки они совершили, как начала развиваться цепочка событий?

— А ты у меня философ, — чмокнула меня Сашка в нос. — Пойдём купаться, мой герой!

Позже, валяясь на полотенце и поджариваясь на солнышке, я мысленно снова вернулся к тем людям, чьи жизни я изменил. Должно же это как-то отразиться? Почему я почти не вижу различий? Не то время глобальных преобразований не наступило, не то я мало чего сделал. Кстати, пора выдать Владимиру Петровичу «озарение» на тему первого секретаря ЦК КП Белоруссии Машерова.

Увы, не сохранилось в моей памяти дата его гибели. Год точно 1980-й. Авария произошла из-за превышения скорости и водителя самосвала, груженого картошкой, который пошёл на обгон. Наличие этой картошки подразумевало, что время года осень. Помню, что споров по поводу гибели Машерова было много. Он мог бы заменить Косыгина, здоровье которого в последнее время ухудшилось. Это я в курсе, что именно с него начнётся та самая «гонка на катафалках».

Горбачёва мы с Ильёй изящно устранили. Совсем со сцены он, конечно, не ушёл. Но в должности понизили, пожурили, какой-то выговор вlepили. Сейчас он второй секретарь Ставропольского крайкома КПСС. Первым он уже не станет. Не оправдал доверия прежде всего у Брежнева. Кому нужен этот неудачник?

В прошлой реальности Машеров многих не устраивал. Тогда же делалась ставка на Горбачёва. Как и что случится на Пленуме через год, предсказать не берусь. Зато могу написать генералу своё видение смерти Петра Мироновича. Пусть это будут происки врагов. И авария подставная. Как уж будут обеспечивать его безопасность, не моё дело, но информацию Дядя Вова должен принять во внимание.

— Мы в Ласточкино гнездо когда поедим? — отвлекла меня от тяжёлых дум Сашка.

— Давай завтра, — предложил я. — Можем на обратном пути в Никитский ботанический сад заехать.

Путёвка у нас всего на две недели. Нужно успеть осмотреть как можно больше мест. Такой укороченный отпуск в Крыму имел своё объяснение — генералу нужны справки по событиям в Москве, где шла подготовка к Олимпиаде. От меня он ждёт аналитику по гостинице «Космос». Пятого числа в ходе мероприятий по её открытию в зале конгрессов состоялся концерт. В первом отделении выступила Пугачева, а во втором французский певец Джо Дассен.

По самой гостинице я уже просмотрел информацию и Сашке немного рассказал. Она, конечно же, была в восторге от того, что к московской Олимпиаде отгрохали такой комплекс. При строительстве гостиницы использовали все технологии, которые считаются в

это время новыми. Прямо на строительной площадке был устроен цементный завод. Разумное решение. В том количестве, в котором использовался бетон, возить его издалека было сложно и чревато простоями.

«Космос» построили за три года. К слову, гастарбайтеры были привезены из Югославии. Нет, я не делаю никаких намёков, но фактик такой интересный. Мол, специалисты из дружественной социалистической страны помогали нашим строителям. Хотя официально считалось, что гостиница строилась силами французской и советской сторон. Команда архитекторов была смешанной — французы и наши.

Зато на непосредственно строительные работы позвали специалистов из Югославии, с их помощью как-то прогревали бетон инфракрасными облучателями. Москва это вам не Крым. И прогрев бетона — необходимая процедура в условиях низких температур.

Ещё из новаторства, применённого в гостинице, можно считать трёхкамерные стеклопакеты. Для конца 70-х это очень круто. В обязательном порядке часть номеров была оборудована под негласное наблюдение (фотографирование и подслушивание) со стороны КГБ. Это как бы само собой подразумевалось. Люксы и полулюксы имели самое современное спецоборудование. Про это Саше я, понятное дело, не стал рассказывать.

Как только я вернулся с отдыха, меня основательно загрузили информацией по гостинице «Космос». Генерал пообещал, что отпуск я в конце осени догуляю или как получится. В преддверии Олимпиады все управления были загружены работой. Пятое с нами делилось своими наработками. Это чтобы мы были в курсе. Не думаю, что Джо Дассен был шпионом, но мы, как говорится, бдили.

Реально Джо Дассен приехал в Москву всего на два дня, чтобы выступить в единственном концерте. По какой-то причине он запретил себя снимать телевизионщикам. При этом он получил за выступление несколько сот тысяч франков. Пятое управление недоумевало, чем было вызвано такое решение Джо Дассена. У меня идей на эту тему тоже не было, но пришлось написать своё видение ситуации.

Конечно, затмить триумф «Boney M» Джо Дассен не смог. И никто из западных исполнителей, приехавших позже с гастролями в СССР, не сравнится с тем успехом. «Boney M» был первым во всём. А то, что у советской стороны не хватило денег, чтобы выкупить весь отснятый материал, это недалёковидность наших работников культуры. Или элементарная жадность. Продюсер группы Фрэнк Фариан согласно договору был единственным владельцем фильма-концерта, который показали по нашему телевидению всего один раз. Зато в Европе Фариан успешно продавал записи концертов для домашнего видео и заработал на этом миллионы.

Возможно, что и Джо Дассен хотел получить больше, чем просто запись сорокаминутного концерта. По имеющимся данным певец был в полном восторге от того, как его приняла советская публика. Он у нас действительно популярен. Джо Дассен пообещал приехать с большими гастролями в Москву. Но я-то знаю, что он никогда больше не вернётся в СССР. Писать об инфаркте и смерти певца смысла не видел. Не такая большая фигура, чтобы я стал привлекать ненужное внимание к своим прогнозам и аналитике. Меня больше заинтересовал другой материал. Джо Дассен выступал во второй части концерта, и полученный им гонорар я уже посмотрел. Естественно, не мог не заинтересоваться тем, сколько получила за выступление Пугачёва.

Мда... советская действительность во всей красе. Страна тотального дефицита, где певица предпочла получить оплату натурой. Из французского посольства в Москве

позвонили не самой Алле Борисовне, а её супругу Стефановичу. Согласно распечатке телефонного разговора, первый вопрос, который он задал, был: «А у вас ещё осталась сантехника от строительства?»»

Ей-богу, я не сразу въехал, о чём идёт речь. Никак у меня в голове не состыковывались вопросы Стефановича об унитазах, биде и ванной. Чьи-то пояснения на следующем листке прояснили ситуацию. Оказывается, супружеская чета недавно получила квартиру на улице Горького и пожелала обставить её импортной сантехникой в качестве гонорара за выступление. Читал я об этом со смешанными чувствами. Сотни тысяч одному певцу и унитаз другому. Вообще-то насчёт сантехники договаривался Стефанович, а не Пугачева, но это не отменяло самого факта.

Следующие документы касались только Стефановича. Комитет обратил на него пристальное внимание в апреле месяце. Угораздило же режиссёра оскорбить сотрудника КГБ.

В конце июля Пугачёва с супругом вновь попали в сводки 5-го управления. Владимир Петрович для меня копии принёс. Ну... про смелых диссидентов я много чего читал. Творческая интеллигенция порой открыто выражает недовольство ситуацией в стране. И Стефанович не то храбрец, каких нет, не то... не знаю кто. Он поставил под угрозу не только свою работу, но и карьеру жены. Очередной концерт Пугачёвой в зале «Октября» отменили. Отчего-то в народе пошли слухи о самоубийстве певицы. На самом деле всё было не так, но достаточно неприятно для Пугачёвой.

Алла Борисовна, стараясь выправить положение супруга на «Мосфильме», пригласила в гости очень влиятельного человека. А влиятельными в наше время становятся те, кто дружит с комитетом. Ожидаемо, все высказывания Стефановича стали известны компетентным органам.

В ходе беседы гость затронул тему перезахоронения Ленина. На что Стефанович ответил, что не стоит этого делать. Придёт время, когда его (Ленина) посадят на скамью подсудимых и выскажут претензии. На дворе 1979 год. Подобное высказывание влекло за собой ряд проблем. Алла Борисовна понимала это как никто другой. Согласно записям у неё случилась истерика с битъём посуды. Она также заявила, что не хочет ничего иметь общего с мужем-антисоветчиком.

В семье у Пугачёвой серьёзные проблемы, зато по телевидению и радио крутят её беззаботную песенку: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось...» Пока ехал на работу в метро, прослушал исполнение этой песни девочкой лет шести. Её вариант был немного другим: «Я так хочу, чтобы лето не кончалось, чтоб оно за тётей мчалось...» Всё правильно. Раз «тётя» поёт, так пусть лето за ней и мчится. Она (Пугачёва) и помчалась в конце августа на Международный фестиваль эстрадной песни в Сопоте.

Саше песни Пугачёвой тоже нравились. У неё имелся большой запас бобин, которые она переписала на кассеты, чтобы слушать на моём более компактном магнитофоне. Музыка Сашка слушает, когда готовит или шьёт. За лето пошила себе несколько деловых костюмов. Будет в школе не то учеников очаровывать, не то вызывать зависть у учителей женского пола. Новую швейную машинку для жены я купил через наши фонды. Правда, не спросил мнения Саши. Решил, что раз кругом дефицит, то, что достал, то и хорошо.

— Лучше «Подольск», а не «Чайка», — немного покритиковала Саша покупку, но вполне удовлетворилась тем, что получила, и взялась за шитьё.

После стала меня агитировать на белый костюм. Как же! Сам Джо Дассен в белом

костюме выступал. Еле отбрыкался от подобной радости. На работу мне двух сереньких хватает, а вне службы я предпочитаю джинсы.

— Сама чего белый себе не пошьёшь?

— Чтобы быть похожей на невесту, сбежавшую со свадьбы? — хмыкнула Сашка.

— А из меня делать сбежавшего жениха не жалко?

Не белый, а светло-голубой для первого сентября Саша костюм себе пошила. Я хотел было сходить в школу, посмотреть на молодую учительницу, но Сашка не позволила.

— Я и без того буду волноваться, а тут ещё ты. Совсем как батя. Он меня до десятого класса провожал на первое сентября.

В общем, вся такая красивая и самостоятельная, Александра Сергеевна отправилась покорять вершины педагогического мастерства.

А у меня своя работа. В 5-м управлении полный цирк. Илья ржал, когда рассказывал. Снова Стефанович отличился. Он написал сценарий фильма для собственной жены, а чтобы добиться его постановки, отправил письмо на имя Андропова!

Суть письма кратко пересказал Владимир Петрович. По словам Александра Борисовича Стефановича, из-за бытового скандала с сотрудником КГБ его сделали безработным. Естественно, что не Андропов разбирался с этим делом, а начальник 5-го управления Бобков. На самом деле со стороны комитета запрета не было, там уже подсуетился директор «Мосфильма». Слухи по Москве разные ходили, вот он и решил подстраховаться. Бобков Сизову звонить не стал, но рекомендовал Стефановичу объясниться с директором самостоятельно.

Ситуация для Стефановича разрешилась положительно, на фильм «Душа» было получено разрешение. Насколько я помнил, в нём будет сниматься София Ротару. Отчего ею заменят Пугачёву, мне предстоит вскоре узнать. Правда, при условии, что Владимир Петрович проявит любопытство. Нашему управлению других забот хватает.

КГБ в преддверии Олимпиады лютовало. В Москве и Подмосковье прошле крупномасштабная операция «Огни Москвы». В итоге удалось пресечь деятельность двух банд, так называемых «таксистов», выдававших себя за офицеров КГБ и занимающихся мошенничеством.

Дальше в столице началась массовая зачистка и высылка «неблагонадёжных элементов» за 101-й километр (Коломна, Шатура, Можайск и пр). Сажали на автобусы и вывозили из города алкоголиков, наркоманов, фарцовщиков, проституток. На мой взгляд, странная такая мера борьбы. Те же наркоманы никуда не делись, их просто перевезли на другое место. Не расстреляли, конечно, и не сослали на Колыму, как могло быть при Сталине, но метод борьбы всё равно странный. И это ещё было начало.

Проституток вывезли не всех. Те, кто сотрудничал с КГБ, элита, интердевочки, в Москве остались. Эти будут работать и предлагать услуги при гостиницах «Россия», «Метрополь», «Интурист», «Белград».

Кроме того, от Андропова поступила докладная записка: «В целях предупреждения возможных дерзких антиобщественных проявлений со стороны душевнобольных лиц, вынашивающих агрессивные намерения, принимаются меры к превентивной изоляции таких лиц на период проведения Олимпиады-80».

Психиатрические больницы пополнились диссидентами. Впрочем, их также активно выдворяли не только из столицы, но и из страны.

Страна вовсю готовилась к Олимпиаде.

Работой в школе Сашка была не совсем довольна. Школьники вели себя как хм... дети. Уроки делали через раз, должного прилежания по изучению иностранного языка не проявляли. Кроме того, у Саши даже полставки не выходило. Зато ей дали продлёнку. Она этими часами добрала ставку, но оплата была ниже, чем за обычные уроки.

— Что ты хотела, молодой специалист, — пояснил я Сашке очевидное. — Михаил, к примеру, доцент, а первый год на кафедре тоже получал половину ставки. Радуйся, что тебя вообще в Москве оставили, а не услали по распределению куда-то в деревню.

Тут я немного лукавил. Распределение за пределы Москвы Сашке не грозило. Вовремя мы оформили отношения. Нескольким москвичам из её группы не повезло, незамужних отправили по распределению в не самые лучшие места. Олеся получила направление куда-то в Кемеровскую область. Психовала она на этот счёт сильно. Планы девицы на замужество и получение московской прописки не оправдались. Во всём она винила кого угодно, только не себя. Если подходить объективно, то шансы у неё были — на лицо она симпатичная, только характер подкачал.

Выйти замуж за москвича в это время — предел мечтаний многих незамужних дам всех возрастов. Считалось, что в столице больше возможностей, лучше жизнь. Отчасти так оно и было. Девицы для захомутания желанного жениха шли на любые ухищрения.

В моей прошлой жизни был один приятель-москвич. Парень окончил военное училище, но служить «куда Родина пошлёт» несильно желал. К тому же действовало негласное правило — оставлять в Москве тех, у кого имелась квартира, путь даже родительская. Всё меньше хлопот с обеспечением молодого офицера жильём.

Но молодые лейтенанты шли на некоторые ухищрения. После получения следующего звания их могли всё же отправить куда-то в другое место. Зато если сразу после выпуска отслужить, к примеру, в Туркестанском военном округе, то вероятность перевода оттуда в Москву выше. В общем, я несильно вникал, как это делалось. Наверняка использовались связи родителей или каких-то знакомых. Суть истории в том, что молодой офицер, отслужив положенный срок в военном округе, где год шёл за полтора, ждал со дня на день перевода в столицу. Жил он на съёмной квартире, занимая одну комнату из трёх. На его беду, дочка хозяев квартиры положила на парня глаз. Жених перспективный, холостой. В мечтах девицы он должен был увезти её «на белом коне» прямо в Москву.

Парню повезло в том плане, что лоджии двух соседних квартир перегораживались весьма условной стенкой. В один из дней сосед вышел покурить и случайно подслушал разговор двух девушек. План был прост как пять копеек: соблазнить и обвинить после в изнасиловании. Статья за это дело такая, что выбора особого и нет — в тюрьму, где очень не любят или как раз «любят» таких заключённых, или действительно жениться.

Дядька, подслушавший девиц, в тот же вечер не поленился выйти на лестничную площадку, чтобы специально встретить молодого офицера. Нужно ли говорить, с какой скоростью собирал манатки парень? Пару месяцев, пока не получил перевод, кантовался где придётся: то на работе ночевал, то у каких-то приятелей, справедливо опасаясь, что девицы могут и другую подставу устроить, обвинив даже в том, чего не было.

Подобный случай типичен и метод не новый. Так что поведению той же Олеси я не сильно удивлялся.

— Как там Миша? — тем временем поинтересовалась супруга.

Видеться с другом мы стали реже, зато чаще общались по телефону. Про доставшуюся ему квартиру он своей жене рассказывать не стал. По намёкам я понял, что развод не за горами.

В этом году Михаила отправили в сентябре с вторым курсом убирать урожай, и это стало поводом для ревности со стороны Кати. Да и после скандалы продолжились.

Рассказывал семейные перипетии Мишка по телефону из бывшей бабушкиной квартиры. Все памятные вещи отец забрал сразу после похорон. Остальные остались в квартире. Я надеялся, что друг сам разберётся и выбросит ненужное. Выбрасывать Михаил ничего не стал. Разве что решил отнести домой телевизор. Запланировал он это в один из выходных дней, поскольку ему надоели ссоры двух женщин по поводу того, что именно смотреть.

Как правило, побеждала хозяйка телевизора. Катерина в отместку врубала музыку на магнитофоне. Соседи реагировали на общий шум и начинали стучать по батареям. Можете представить, как это всё мешало Михаилу сосредоточиться на написании диссертации?

Тишина и спокойствие бабушкиной квартиры повлияли на друга наилучшим образом. Вместо того чтобы сразу забрать телевизор, он сел (буквально на минуточку) записать что-то, пришедшее в голову, и так увлёкся, что очнулся, когда уже стемнело. Маму предупредил и решил не ехать куда-то поздним вечером. Отыскав на кухне немудрёные запасы еды и чай, Мишка остался до утра в квартире и в результате получил от жены истерику.

Телевизор он так и не привёз, напротив, забрал из дома печатную машинку и поставил её в своей квартире. Сделал он это из лучших побуждений. И мама, и Катя жаловались, что он своими постукиваниями мешает слушать или смотреть телевизор. Михаил решил сделать как лучше, а со стороны выглядело, будто он уносит куда-то свои вещи. И снова в доме случился скандал.

Тётя Роза активно встала на сторону сыночка. Даже не знаю, что лучше — такая активная мама, как у Мишки, или как моя, которой всё было пофигу и она ни во что не вмешивалась? Предполагаю, что золотая середина — оптимальный вариант. В идеале, конечно, молодая семья должна жить отдельно от родителей.

Кстати, Сашин отец тоже пару месяцев пытался по старой привычке воспитывать дочь. То, что она уже выросла, он как бы и не замечал. Несколько раз он навещался в гости. При этом получалось, что общаться нужно прежде всего с моим отцом. Какое тут воспитание? Больше всего Сергея Николаевича возмутило то, что мы уехали летом в дом отдыха, известив их по телефону. Типа почему не согласовали свою поездку с родителями? С большим трудом я довёл до сознания родственника мысль, что его дочь уже взрослая, а если и будет отчитываться, то передо мной.

Как глава семьи я, конечно, хотел, чтобы жена сидела дома. У того же Жарова супруга, не доучившись, бросила всё ради мужа и детей. В приказном порядке я настаивать не буду. Сашка училась, старалась, пусть самовыражается. Нагрузка в школе не слишком большая и для домашних дел времени хватает. Как основной добытчик, я снабжал семью продуктами. Отец утром ходит в молочный отдел, на обратном пути покупает хлеб. То есть стоять в очередях и таскать тяжёлые сумки Саше не нужно, чем она и хвасталась перед мамой. В ответ слышала возражения, что не всем повезло иметь мужа с автомобилем и хорошей зарплатой.

— Знаю, знаю, Саша у меня самый лучший, — чирикала супруга в ответ своей

родительнице. — Его и на работе хвалят.

Это она наслушалась отзывов в мой адрес со стороны генерала. Хорошо быть аналитиком, когда знаешь события наперёд. Пусть без точных дат, но в целом по сводкам, статьям и телетайпным лентам я прогнозировал многие события так, что даже Илья удивлялся. Владимир Петрович свято верил, что мои способности примерно как у экстрасенсов. Хотя и приглядывал за мной внимательно. В очередной раз я убедился, что и шагу не могу ступить без пригляда.

— Товарищ майор, а про четырнадцатое июня 1971 года в Краснодаре ты мне забыл написать, — проявил он свою осведомлённость в середине осени.

То, что в нашей среде все друг на друга стучат, я давно не удивлялся. В этом случае я скорее был в недоумении, что информация так долго шла. Пришлось писать и оправдываться.

Но это дело прошлое, зато события в Афганистане самые свежие. Мало кто из простых людей понимал, что кроется за сухими фразами о вводе «ограниченного контингента советских войск» на территорию Афганистана. Двадцать пятого декабря, в полдень по Москве, была отправлена директива на переход государственной границы. Через три часа 40-я армия, спешно сформированная в Туркестанском военном округе, вошла в Афганистан, чтобы остаться там на долгие десять лет.

Сашка и отец каким-то образом почувствовали моё настроение. С расспросами не лезли, понимая, что я работаю с государственными секретами. Но я им сам рассказал. Всё равно по телевидению вскоре об этом объявят и начнётся очередная пропаганда. Жаль, что те чистенькие пропагандисты сами не ощутят на своей шкуре, что такое Афганистан.

Аналитическую справку я написал солидную. Отметил, что на фоне противодействия капиталистических стран советской агрессии США ещё более утвердятся в своём положении сверхдержавы. Америка начнёт оказывать помощь Пакистану, а исламские страны осудят действия СССР. Даже Индия, дорожившая добрососедскими отношениями с нашей страной и не ладившая с Пакистаном, не поддержит нас в афганском вопросе.

Про бойкот Олимпиады я отметил отдельно, расписав во всех красках, почему и благодаря кому это произойдёт.

Честно говоря, я не ожидал, что Андропов лично читает всю аналитику. Но как оказалось, мои опусы ему доставляют еженедельно. Проходит всё это через руки замов и они уже решают, что будет интересно главе КГБ, а на какие темы его не стоит беспокоить.

В этот раз Юрий Владимирович захотел сам меня увидеть и расспросить. Основной вопрос был, конечно, об Олимпиаде. Мол, из каких-таких данных я вывел столь пессимистичный прогноз? Не много ли я себе позволяю? Пришлось напомнить, что ещё со времён Древней Греции во время Олимпиад прекращали все войны. Пусть это и давние традиции, но отличный повод для бойкота со стороны Америки. Дальше США надавят на те страны, которые зависимы от них, и заставят отказаться от поездки на Олимпиаду в СССР.

— Не вижу предпосылок для того, что вы тут насочиняли, — сообщил мне Андропов. — Перехвалили вас во 2-м управлении. Больше подобную чушь прошу не писать.

На такое пожелание я кивнул, пообещав следовать совету. К чему суетиться, если история сделает это за меня? К тому же приближался Новый год и очередные хлопоты, связанные с ним.

Как всегда, погуляли с размахом, отдохнули и душевно отметили. Холостой, со штампом в паспорте о разводе, Мишка отмечал его вместе с нами.

А уже 8 января 1980 года президент США Картер назвал советское военное вторжение в Афганистан самой главной угрозой миру после окончания Второй мировой войны. По рекомендации «свыше» на тему Афганистана я больше ничего не писал. У нас другой работы хватало. КГБ СССР обратилось к руководителям органов безопасности ряда развивающихся стран с просьбой о передаче информации о подорванных замыслах спецслужб Запада. Вскоре стали поступать какие-то сведения. Не могу сказать, что много, но проверять и обрабатывать приходилось всё подряд.

Кроме того, комитет совместно с МВД усилили контроль над лицами, пытающимися незаконно приобрести оружие. Тем стукачам, которые доносили подобную информацию, много чего посулили. Разыскивалось похищенное оружие, проверялись учёт и хранение, принималось во внимание любое упоминание о том, что чей-то дед привёз с войны огнестрел и не сдал его государству, а где-то припрятал (угу, в огороде закопал). Также тщательно проверялись все случаи разрешения хранения наградного оружия.

Ожидаемо зарубежные СМИ прошли по «недемократическому характеру» зачистки Москвы от сомнительных личностей. Шло серьёзное давление на страну во всех областях. Не только в политике, но и в экономике. США ввели санкции на распространение советских технологий и всячески вставляли палки в колёса. Правда, обычные граждане ничего подобного не замечали. Простой народ готовился, искренне веря в лучшее.

Москва была украшена Олимпийской символикой, в киосках Союзпечати продавались значки, открытки и прочие сувениры. Чистились улицы, выгребался старый мусор, асфальтировались дороги и тротуары.

С первых чисел лета планировалось по максимуму сократить число москвичей, отправив людей в отпуска за пределами столицы. Детей обеспечивали путёвками в пионерские, спортивные и трудовые лагеря с таким расчётом, чтобы они там оставались в течение всего летнего периода.

Сашка пожаловалась, что её тоже посылают со школьниками шестого класса в один из лагерей Кабардинки. И то, что супруга беременная, на решение директора школы не повлияло. Мол, срок ещё небольшой, а отправить кого-то другого не получается.

— Пусть сам вместо тебя едет, — возмутился я и решил лично сходить в школу. Сашка, может, и хотела возразить, но я это дело пресёк.

— Комитет государственной безопасности, — показал издали своё удостоверение секретарю. — Директор на месте?

Секретарь резко побледнела и с трудом пролепетала, что руководитель в кабинете. Похоже, вид у меня был более чем суровый, под стать удостоверению. Директор тоже слегка струхнул. Фамилия «Петров» не самая редкая, по этой причине мужчина не сразу сообразил, что я имею какое-то отношение к Александре Сергеевне Петровой.

— Как для полной ставки, так у вас нет работы, а как отправлять с учениками, то на полный срок? — вопрошал я. — Моя жена никуда без меня не поедет.

— Но у нас, понимаете, ситуация... У многих учителей маленькие дети или возраст уже не тот.

— Повторяю, моя жена не поедет или поставим вопрос по-другому.

Как это будет выглядеть, фантазии у директора не хватило, но перечить он мне не стал, пообещав, что всё устроит наилучшим образом. Вот и ладушки. А то у нас уже пригласительные на закрытие Олимпиады получены. Кажется, простых зрителей там будет лишь процентов десять. Приоритет в получении билетов имелся у работников МВД, КГБ и

партийной номенклатуры.

Андропов больше меня к себе не вызывал, но через порученцев сообщил, что я могу и дальше писать аналитику в полном объёме. Ещё бы! Прогнозы сбылись с минимальным отклонением. Я написал, что сорок пять стран поддержат США (как запомнил), на деле получилось более шестидесяти. Невиданный по размаху бойкот. К слову, предыдущую Олимпиаду-76, проходящую в Канаде, тоже бойкотировали, но африканские страны. Двадцать шесть стран таким образом выразили своё отношение к режиму апартеида.

В самом США правительству не удалось сформировать единое мнение на ситуацию и бойкот Олимпиады в Москве. Многие американские спортсмены хотели поехать в Москву. Из докладов наших резидентов следовало, что в Америке действовал не просто запрет, а велись серьёзные действия, направленные на то, чтобы спортсмены не попали на Олимпиаду. Дело в том, что была возможность у спортсменов выступить не за страну, а от себя лично под флагом Олимпийского движения. Американское правительство категорически было против, угрожая финансово, дискредитируя и даже банально угрожая лишением паспортов.

В качестве пропаганды использовались известные популярные актёры и спортсмены. Знаменитого боксёра Мохаммеда Али планировали отправить с выступлением по Африке и Азии, чтобы он убеждал бойкотировать игры. Правда, Али почти сразу передумал — жители Нигерии убедили его в обратном.

Илья пытался у меня разузнать, кто и что выиграет, где победят наши спортсмены или хотя бы примерный расклад.

— Сам попробуй вспомнить золотых медалистов хотя бы прошлой Олимпиады, — возмутился я. — У меня в сумме прошлой и этой жизни до хрена сколько лет прошло. Я тебе разве что песенку про Мишку напою. Да и из церемонии закрытия помню сентиментальную слезу, которой плакал выполненный из цветных щитов Олимпийский символ.

— То есть каких-то ярких событий и скандалов ты не помнишь или их не было? — не сдавался Илья.

— Про скандалы что-то смутное припоминается, но кто и как, не скажу. Если ты по глобальным террористическим акциям, то тут всё нормально... кажется.

Владимиру Петровичу я подал более серьёзный документ, аргументируя это проведенными профилактическими мерами до начала игр. Они всё ещё продолжались. В начале июля оперативники МУРа задержали без всякого повода одновременно двадцать известных «воров в законе». На Огарёва с ними провёл беседу лично Щёлоков.

Министр МВД как никто другой понимал, что отыскать и переправить за 101-й километр всех криминальных лиц милиция Москвы физически не могла. Сдержать и как-то упорядочить их действия могли только свои. На встрече «в тёплой и дружественной обстановке» были достигнуты договорённости между сторонами.

Всех иностранцев без исключения досматривали в аэропортах. Для олимпийцев создавались специальные коридоры безопасности по трассам передвижения. Усиленная охрана имела в местах тренировок и проведения соревнований.

О том, как обеспечивалась перевозка транзитных пассажиров через Москву, это отдельная история. Никогда ранее и после я не видел столь слаженной работы правоохранительных органов. Пассажиров в аэропортах вежливо, но настойчиво загружали автобусы и переправляли по трассам вокруг столицы, отдельно доставляя багаж, который частично, без ведома владельцев, досматривался.

Патрулирование столицы было усилено несколькими десятками тысяч командированных сотрудников МВД, КГБ и внутренних войск. Большинству студентов московских учебных заведений рекомендовалось покинуть город, но из наиболее сознательных были сформированы специальные отряды. Им даже форму пошили чем-то напоминающую ту, что носили в стройотрядах. Эти молодые люди совмещали функции народных дружинников и просто доброжелательных хозяев столицы. Студентам вменялось не следить за иностранцами, а просто оказывать помощь в случае возникновения вопросов: подсказать, показать направление или обеспечить любую другую помощь.

Аналитической работы для меня в отделе не оставили. Всех, кто владел иностранными языками на должном уровне, временно отправляли на улицы Москвы. Начиная с пятнадцатого июля, мне назанчили обязательные прогулки по Москве не менее пяти часов в день. Сашка этому очень обрадовалась, на «живых» иностранцев захотела посмотреть. Американских туристов вместо восемнадцати тысяч, подавших изначально заявки, в Москву приехало не больше тысячи. Но и это было большое событие для СССР. Неудивительно, что именно им уделяли самое пристальное внимание.

Мы с Сашкой никого не собирались специально ловить, но отправились по типичным туристическим маршрутам, выбрав для начала ВДНХ. На входе случилась небольшая заминка. Какой-то слишком резвый сотрудник контроля (тот, что корешки билетиков отрывает) попытался развернуть мою жену, сообщив, что по территории выставки американцы гуляют. Пришлось достать своё удостоверение.

С теми американцами мы пересеклись в павильоне «Космос». Галдящая группа туристов практически не слушала экскурсовода. Их интересовало всё что угодно, но не речь о первом в мире... и так далее.

Почти у каждого туриста имелся фотоаппарат и большая сумка. Ещё одной отличительной особенностью оказалось то, что все женщины были если не в джинсах, то в брюках. Парочка так вообще в спортивных штанах разгуливала. Моя Сашка в элегантном платье и туфельках выделялась на этом фоне. Зато я мог запросто сойти за туриста.

— Sir, don't get lost, — обратился ко мне невзрачный мужчина в сером костюме.

— Не потеряюсь, — ответил я, — мы не с этой группой.

Девятнадцатого июля Олимпийский огонь был доставлен в Москву. Одним из факелоносцев был полковник Московского управления КГБ Леонид Каратаев — боксёр в полутяжёлом весе. Само открытие мы смотрели в семейном кругу перед телевизором. Отец возмущался действиями Америки, сумевшей подбить на бойкот столько стран. Чтобы отвлечь его от этой темы, я привёл несколько цифр, мне доступных. Вторая половина июля и начало августа были выбраны не случайно. В Гидрометцентре собрали данные по погоде в Москве за последние сто лет и пришли к выводу, что именно в этот период наиболее благоприятная погода в столице.

Трёхкратный олимпийский чемпион легкоатлет Виктор Санеев наконец зажёт Олимпийский огонь и началась церемония, включающая в себя нудную речь Брежнева.

Не думаю, что мои вмешательства хоть как-то повлияли на события Олимпиады. Зато я отметил, чего не случилось — не хоронили Высоцкого.

Саму Олимпиаду я толком и не смотрел. Брал с утра Сашку на прогулку по городу, а дальше уже сам или с Ильёй «гулял». Пусть я и помнил, что провокаций не случалось, но могли возникнуть мелкие проблемы. К счастью, мы с такими не столкнулись. Туристов-одиночек в Москве практически не было. Иностранцы и сами опасались бродить по одному,

предпочитая передвигаться в группах. Добираясь поздно вечером домой, я был такой уставший, что смотрел по программе «Время» лишь общую сводку, а не сами соревнования.

Саша мне немного попеняла, что я так мало интересуюсь Олимпиадой, а ведь сам же спортсмен. Зато на торжественное закрытие Игр она собиралась, как на праздник. Пригласительных у меня было три (на отца тоже), рядом на трибуне расположилось семейство Ильи (Люда и Игорёк, без Антона). По левую сторону рядом с отцом сидел Владимир Петрович. В общем, «в кругу семьи».

Церемония оказалась потрясающей. Всё же не сравнить с тем, что видишь по телевизору, особенно чёрно-белому. Невольно и я переполнился гордостью за свою страну. Отключил прошлые воспоминания и жил тем, что происходило сейчас. СССР оказался первым по результатам Олимпиады. И пусть на число завоёванных золотых медалей повлияло бойкотирование стран, где имелись сильные спортсмены, это не отменяло общий настрой и ликование наших людей.

Увы, это последнее грандиозное событие великой державы под названием СССР.

Пройдёт всего шесть лет и всё изменится. Конечно, не случится перестройки и Горбачёва. Займёт ли его место Машеров, трудно сказать. Члены Политбюро пожилые, но опытные волчары. Они так просто не подпустят к власти того, кто может устроить перемены.

Мне же пора скоро выходить из тени и начинать активно заявлять о себе.

КОНЕЦ 2-й части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

По непроверенным данным, Владимир Резун в настоящее время проживает в Бристоле (Англия).

Peterson never met TRIGON in person. He delivered photographer documents and message through pre-arranged dead drops, mostly in parks.

(Петерсон никогда не встречалась с TRIGON лично. Она доставляла фотографии документы и сообщения через заранее подготовленные места, в основном в парках).

<https://rijmenants.blogspot.com/2017/07/martha-peterson-and-trigon.html>

Елизавета Жарова — художник-постановщик многих мультфильмов. Мне больше всего понравился мульт про попугая Кешу («Утро попугая Кеши», «Новые приключения попугая Кеши»).

См. доп материалы. Моё оформление зимнего сада в «Барвихе».

На протяжении многих лет правительства двух стран обвиняли друг друга в укрывательстве шпионов среди своих дипломатов, многие дипломаты были высланы из страны за шпионаж. В настоящее время в Ньюарке, штат Нью-Джерси, проходит суд над двумя советскими гражданами, обвиняемыми в сговоре с целью передачи секретов ВМС США Москве.

Газета «The Washington Post» от 21 июня 1978 года.

В реальной истории речь шла об отравлении первой невесты Огородника. На мой взгляд, претензии советской стороны к Марте Петерсон были необоснованны. Она приехала в Москву, когда девушка уже была мертва. Но капсулы с ядом американка передавала для самого Огородника. В своей книге «The Widow Spy» Марта пишет всего о двух случаях, когда она передавала капсулы (в колпачках ручек). Одну Тригон якобы потерял (никаких свидетельств на эту тему нет), а вторую использовал по прямому назначению сам.

Обвинения «Известий» в отравлении ЦРУ беспрецедентны. Это утверждение связано с нападками на показания директора ЦРУ Стэнсфилда Тернера в Конгрессе, в котором говорилось, что ЦРУ больше не оправдывает и не поддерживает политические убийства.

«Как совместить публичное заявление Тернера с практической работой его агентства?» — спросили «Известия». В большой статье смешиваются сарказм и оскорбления с предполагаемыми фактами, при этом многие важные вопросы остаются без ответа в сбивающей с толку стилизации. Её написал Юлиан Семенов, знаменитый писатель-шпион, автор недавно получившего широкую известность телесериала о том, как советские агенты не позволили Соединённым Штатам заключить сепаратный мир с Гитлером во время Второй мировой войны.

В статье говорилось, что Марта Петерсон пыталась получить информацию и сфальсифицировать её, чтобы «остановить разрядку напряжённости». Что она была схвачена 15 июля прошлого года после неоднократных попыток уклониться от наблюдения и поместить шпионский камень в арку популярного моста через Москву-реку, где бы ее мог найти анонимный агент. В статье говорилось, что, когда ее задержали, она закричала: «Я иностранка». Очевидно, вице-консул специально так сделала, чтобы предупредить об опасности шпиона, который шел на место встречи.